

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Королева
российского
нуара

Наталья
Худякова

Тебе почти
повезло

Annotation

В тот день Владу Семенову исполнилось тридцать три, и вся его жизнь рухнула под откос. Утром вместо поздравлений голос в телефонной трубке холодно объявил, что его сценарий не принят, и что господин Павлов в ближайшие полгода на эту тему говорить с ним не будет. Где-то к обеду позвонила бывшая жена и закатила истерику из-за денег. Глаше все время просто катастрофически не хватало денег, несмотря на то, что он отдавал на детей львиную долю своих весьма приличных гонораров. Вдобавок на мобильник пришло сообщение от друга Артема: «Влад, дружище, прости, но сегодня не смогу встретиться с тобой, срочно уезжаю в область по делам. С днюхой тебя!»

Наталья Худякова

Тебе почти повезло

Машина на большой скорости заскочила на тротуар, сбив его с ног, и, не останавливаясь, понеслась дальше. Он лежал на снегу и сплевывал кровь из разбитой губы.

— Эй... вы живы? — кто-то осторожно потряс его за плечо.

Влад приоткрыл глаза и постарался сосредоточиться. Постепенно он смог собрать картинку в единое целое: белая шапочка, пушистые волосы, разбросанные по плечам, бледное лицо женщины в свете уличного фонаря.

— Вроде бы живой... пока...

— Давайте попробуем встать. Я вам помогу...

— Не надо. Я сам. — Он медленно встал на четвереньки, затем, покачавшись, поднялся сначала на одно колено и только потом при поддержке незнакомки окончательно выпрямился в полный рост.

— Ну вот, все не так уж и плохо, — криво улыбаясь, произнес он.

— Вы везунчик.

— Не то слово. Вы случайно не заметили номер машины?

— Увы. Я шла вам навстречу, когда из-за поворота выскочила машина. Фары ослепили, и я едва успела отскочить в сторону... Возьмите платок.

Влад отбросил в сторону окровавленный комок снега и приложил к губе носовой платок. Оглянувшись по сторонам, он отряхнул пальто, проверил одной рукой карманы и сказал:

— Спасибо вам.

— За что? — удивилась она и поправила шапочку.

— За то, что не прошли мимо. Это немало, — с этими словами он, махнув на прощанье рукой, пошел.

— Куда же вы? — окликнула она. — У меня здесь рядом машина. Могу подкинуть вас до дома.

Он обернулся.

— Нет, благодарю покорно, не надо. Уже вроде как подкинули. Я в кафе, здесь совсем рядом.

— Если вы в «Ласковый вечер», то это в обратную сторону, — засмеялась она вслед.

Влад замер, чертыхнулся, и беспомощно посмотрел на незнакомку.

— Точно. Еще раз спасибо... ээ... можно узнать, как вас зовут?

— Лиза.

— Спасибо, Лиза. А я Влад. И мне очень хочется пригласить вас на чашечку кофе.

Она стояла на месте, не высказывая ни малейшего намерения идти за ним.

— Поймите, последствия всяких аварий сказываются не сразу. Вдруг мне там, в кафе, станет плохо? Вы в некотором роде несете сейчас за меня ответственность.

Женщина не спеша подошла к нему и назидательно произнесла:

— Во избежание таких неприятностей я бы посоветовала сейчас проехать в больницу.

— Что ж, я подумаю над вашим вариантом, — ответил он и, прихрамывая, пошел в сторону светящегося огнями кафе «Ласковый вечер».

Он остановился у зеркала в фойе и с интересом уставился на свое отражение: взъерошенные, влажные от снега волосы, припухшая верхняя губа с запекшейся в уголке кровью, ссадина на щеке и угрюмый взгляд. Что ж, ни дать ни взять — готовый персонаж для очередного кровавого сценария. Только такой замысел мог бы зародиться сейчас в его гудящей голове.

— Добрый вечер, Владислав. — В зеркало на него озабоченно смотрел администратор. — Что-то случилось? — его черные, как маслины, глаза блестели в отраженном свете от потолочных люстр.

— Привет, Гриша, — он обернулся. — Мелочи жизни. Скользко, дорожки не чистят. Вот и врезался в ледяную корку фейсом. Редкая удача!

— Пойдемте ко мне в кабинет, я обработаю перекисью.

— Не хочу, — категорически отказался Влад. — Лучше позаботься, чтобы мне столик накрыли. Надеюсь, укромное местечко для меня отыщется? — Он вновь занялся изучением своего нового образа.

— Артем Сергеевич еще утром распорядился, чтобы вас встретили по высшему разряду.

— Артем Сергеич твой — сволочь первостатейная. Другу тридцать три стукнуло, а его куда-то черти унесли. Смской он решил отделаться!

— Дела-с... — со вздохом обронил Григорий и подал знак рукой кому-то в зале.

— Ну хоть ты-то выпьешь со мной? — Влад приблизил свое разбитое лицо к лощеной физиономии администратора и вопросительно вздернул брови.

Григорий слегка отпрянул.

— Я бы с удовольствием поднял тост за ваше здоровье, но, сами понимаете...

— Не понимаю... Короче, пожрать что-нибудь мясного, ну, стейк какой или вроде того. И водки.

— Может, коньячку в честь такого случая? Артем Сергеевич сказал, чтобы непременно Хеннесси подали вам.

Все за счет заведения.

Влад стрельнул взглядом из-под нависших бровей и легким жестом отодвинул администратора в сторону. Сделав пару шагов, он обернулся.

— Водки. Никто не дезинфицируется французскими коньяками. А мне и снаружи и изнутри надобно...

Устроившись за своим любимым столиком у окна, откуда было удобно наблюдать за происходящим в зале, он поднял рюмку, до краев наполненную водкой и, стукнувшись с запотевшим графином, негромко сказал:

— Ну что ж, как выразился хозяин этой богадельни: «С днюхой тебя, Влад Семенов!»

Опрокинув рюмку, он поморщился — разбитая губа резко защемила. Некоторое время он сидел, прислушиваясь к своим ощущениям, затем тяжело вздохнул, налил еще и залпом выпил. Забросив в рот маленькую тарталетку с икрой, сценарист предался мрачным мыслям.

Еще неделю назад его жизнь протекала ровно, гладко, без резких поворотов и скачков. Он закончил очередной сценарий, который, вне всякого сомнения, должен был вписаться в концепцию продюсера, с которым он работал уже не первый год. И какая собака его только укусила? Почему, в конце концов, нельзя объяснить причину столь резкого отказа? Полгода! Целых полгода он, видите ли, не будет говорить на эту тему. Что ж, твое право, маэстро, навязываться не станем, — мысленно ответил он Павлову. Только что теперь запоет Глафира, когда узнает, что денег не просто нет, но их не будет еще как минимум шесть месяцев. Даже страшно подумать! Его рейтинг отца в глазах Артема и Нины упадет ниже плинтуса. Уж она-то постарается...

Влад лениво ковырялся в тарелке с салатом под названием «альпийская горка». Только идиоту могла прийти в голову идея назвать салат садовой клумбой. Не хватало камешков для остроты ощущения. Да-а... еще ни разу не приходилось ему отмечать день рождения в полном одиночестве, а в качестве подарков получить неприятностей воз и малую тележку. Тридцать три... что-то в этом есть, наверное.

После очередной порции водки он почувствовал, что хмель ударил в голову. Излишне сильно, как показалось ему. Возможно, всему виной стресс или ушибленная голова. Не важно. Но это ощущение странным образом вызвало у него приступ острой жалости к себе. Прав был Григорий, надо было коньяк пить, а он за горькую принялся.

Как сказала бы Настя, любая неудача предполагает переосмысление своих предыдущих действий... Да, кстати о Насте. Его обожаемая девушка даже не удосужилась сегодня отзвониться. Коротко, всего каких пару слов в его честь для приличия могла бы произнести? Могла, могла... но, похоже, не посчитала нужным. Увы. А завтра скажет: дорогой, услали к черту на кулички, никакой цивилизации и всякое такое... Ощущение, что ее специально отправили в командировку как раз в тот момент, когда он больше всего нуждался в ней. Сговорились все вокруг... Точно, там, у самого высшего руководства и сговорились. Влад невольно глянул в потолок. Предоставили ему, так сказать, возможность подумать о своих ошибках и покаяться. Он скривился: нет, это не здесь, это надо было напрямиком в церквушку какую заглянуть, а не в рюмку...

Звучала негромкая музыка. Влад с минуту старательно вслушивался в череду звуков, после чего сделал неутешительный вывод, что сейчас он абсолютно не в состоянии дать оценку этому опусу. Хорошо или плохо? Да бес его знает... нудит кто-то там себе под нос не то на испанском, не то на португальском. Скорее, на португальском: слишком много «карканья».

В зале неожиданно появился любитель потанцевать. Мужчина с высоко поднятыми руками плавно раскачивался из стороны в сторону и перемещался между столами. В этом кафе никогда не танцевали, и места такого не предусмотрено, но было бы желание...

Подперев кулаком голову, Влад с интересом наблюдал за высоким худощавым блондином, искусно лавировавшим с полузакрытыми глазами в весьма ограниченном пространстве. К подобным танцам обычно склонны дамы почтенного возраста в изрядном подпитии. Но судя по всему, имеются и такие варианты. Танцор раскачивался все активнее, изредка задевая сидящих за столами, отчего в зале поднялся недовольный рокот голосов. Одет он был в крикливый белоснежный костюм, не вписывавшийся ни в зимний сезон, ни в камерную атмосферу кафе.

Владу стало тоскливо. Выпив очередную порцию, вместо закуски он прикрыл ладонью глаза, чтобы как-то отгородиться от окружающих. Он пожалел, что затеял это мероприятие сегодня. Чувство злости к Артему стало разрастаться вширь и вглубь. Приходи да приходи, понимаешь, к нему в «Вечер», посидим, а сам... Еще и сюрприз какой-то обещал. Вот не зря его машина сегодня шибанула. Был же знак — не ходи, лузер несчастный, сегодня никуда. И режиссер подлил масла в огонь. Не его это день. Определенно не его.

Музыка стихла. Влад убрал ладонь и с удивлением обнаружил солиста кордебалета возле своего столика. Невзирая на отсутствие аккомпанемента, тот по-прежнему изображал из себя танцующего лебедя. Мелькнула мысль, что автор этой затеи был не кто иной, как сам владелец — его сиятельство Артем Соколов. Такой вот

креативчик в честь «днюхи». Если это так...

Закончить мысль ему не удалось. Блондин, по-видимому, не рассчитал угол наклона и со всего размаха рухнул на стол Влада, разметав по полу всю трапезу именинника. Влад оцепенел, но спустя мгновение взял себя в руки и поднялся со стула, решив, что на сегодня с него достаточно. Он хотел уйти, тихо, без скандала, но судьба и тут не дала ему шанса.

— Пардон, мусью, — оскалился в хищной улыбке танцор, обнимая руками столешницу. Он был трезв как стекло. Влад это понял, несмотря на то, что сам был пьян. Волна злости и жгучей, необъяснимой обиды накрыла его с головой. Он схватил кривляку за ворот пиджака, размахнулся и нанес ему удар в скулу. В зале закричали женщины, кто-то сзади попытался оттащить Влада, и в этот самый момент блондин изловчился и ударил его в ухо. На некоторое время Влад потерял возможность слышать и видеть. Воспользовавшись этой минутной беспомощностью, охранники увели его из зала.

— Владислав Петрович... ну как же так... — сокрушался администратор, прикладывая к малиновому уху Семенова лед, завернутый в салфетку. — Такого безобразия у нас еще никогда не было... как теперь перед хозяином отчитываться буду — даже не представляю.

Влад потряс головой, в ушах звенело, голова раскалывалась, и пища из желудка настойчиво просилась наружу. Откинув руку администратора, он помчался в туалет.

Спустя двадцать минут Влад вышел на улицу и начал беспомощно тыкать в мобильник, пытаясь вызвать такси. Однако на мокрый палец дисплей никак не реагировал.

— Вам помочь? — раздался рядом знакомый голос.

Он поднял голову и увидел свою новую знакомую.

— Лиза? Опять вы?

— Вас это огорчает?

Он пожал плечами.

— Скорее удивляет.

— Я решила зайти в кафе и выпить чашку чая. Хотела узнать, чем вас привлекает подобное заведение.

— И каковы ваши выводы? — Влад наконец разблокировал экран и сделал шаг вперед.

— Я по-прежнему предлагаю вам помощь. Моя машина стоит перед вами, — негромко произнесла ему в спину Лиза.

Аккуратный внедорожник «Субару» действительно стоял в нескольких метрах от дорожки, ведущей к «Ласковому вечеру».

— Я буду очень вам признателен, если вы меня довезете до дома. Здесь не так далеко, я покажу, — он обернулся к Лизе и вымученно улыбнулся. — Мне действительно не очень хорошо. Не бойтесь, машины не испорчу, все уже осталось там, — он кивнул в сторону кафе.

— Я догадалась.

Лиза поравнялась с машиной и нажала сигнализацию. Автомобиль дружелюбно замигал, щелкнули замки.

— У меня сегодня самый плохой день в жизни, — со вздохом произнес Влад, когда машина тронулась с места.

— Уверена, вы преувеличиваете. Подумаешь, поцарапали щеку, перебрали спиртного... извините, конечно, за прямоту. Разве это беда?

Влад хотел возразить, но потом передумал. Помолчав некоторое время, все же решил ответить:

— Не скажите. Царапины и водка — это лишь следствие. А причина...

— Только не говорите, что несчастная любовь, — сразу предупредила она.

— И не собираюсь, — с обидой хмыкнул он. — Мужики на любовь смотрят несколько с другой точки зрения.

И в панику не ударяются.

— О как... а мне всегда казалось, что настоящая любовь одинакова у всех, в том числе и страдания. Что у вас, что у нас.

Влад прикусил язык, ему стало неловко за свою бравату. Выглядеть перед незнакомой женщиной примитивной особью ему совсем не хотелось. Тем более, перед этой Лизой, которая, как ангел, будто спустилась с небес для его спасения.

— Я, собственно, несколько другое хотел сказать, — начал он выкручиваться. — Просто мне сейчас не до любовей, знаете. У меня сегодня не приняли сценарий, над которым я бился целых три месяца, и который должен был подойти по все параметрам. В общем, долго объяснять. Не хочу грузить вас своими проблемами.

— Понятно, — тихо отозвалась Лиза. — Вы свои сценарии пишете для кого?

— В смысле? Для людей, для кого же.

— Я имею в виду сценарии праздников, для детей, для взрослых...

— Вы про это, — Влад напыжился и с важным видом откинулся на спинку сиденья. — К фильмам. По моим сценариям снято довольно много фильмов. «Посторонний в доме», к примеру, смотрели?

Женщина некоторое время молчала, затем притормозила у светофора и обернулась к Владу.

— Это там, где муж долгие годы вынашивал план убийства собственной жены в ожидании наследства от ее родителей? — Она улыбалась, и в ее улыбке Влад почувствовал плохо скрытую иронию.

— Ну, да. Не понравился фильм?

Лиза тронула машину.

— Да нет, вполне себе приличный детектив. Народ любит такое.

— А вы? Какие фильмы любите вы? К тому народу вы себя, как я понял, не относите.

— Почему же. Я обычный человек. Всякое люблю. Под настроение. Ваш дом на следующем повороте?

Влад глянул на плохо освещенную улицу и кивнул.

— Совершенно верно. Вы хорошо водите. Быстро добрались.

— Практика. В свое время жизнь заставила таксовать.

Влад тихонько присвистнул и украдкой глянул на нее. Профиль женщины скрывали золотистые выющиеся волосы. Лишь кончик носа, чуть вздернутый, выдавал в ней оптимистку, несмотря на голос — ровный, с едва заметной грустью в интонации.

— Опасное это дело. Для женщины.

— Нормально. Ко всему привыкнуть можно.

Подъехав прямо к подъезду, Лиза плавно затормозила.

— Ну вот. На сегодня, надеюсь, ваши приключения закончились.

Влад не двигался с места.

— Что-то не так? — Лиза приблизила свое лицо и внимательно посмотрела на своего пассажира.

— Не так. Я никак не могу найти повод, чтобы пригласить вас на чашку кофе. Вы же не возьмете с меня деньги? Хотя я бы...

— Что? С удовольствием со мной расплатились бы деньгами? Нет, не возьму. Сумма ничтожно мала. Слишком короткий путь был.

— А...

— А кофе я не пью. И чай уже был, там, в кафе, пока вы водкой себя накачивали.

— Но это несправедливо! — воскликнул Влад, превозмогая пульсирующую головную боль. — У меня, в конце концов, сегодня ДР. Тридцать три стукнуло.

— Поздравляю. Это серьезно. К сожалению, у меня нет для вас подарка.

— Боюсь, что действительно очень серьезно. Сегодня я самый несчастный человек на свете. На меня в один день словно обрушились тридцать три несчастья. И одно из них — головная боль. Неужели я не заслуживаю даже стакана воды с аспирином из ваших рук? Мои, я это чувствую, не смогут удержать ничего, кроме связки ключей от квартиры.

Дослушав его тираду до конца, Лиза со вздохом вышла из машины, распахнула его дверцу и подала руку.

— Так и быть. Прошу...

— Нет, ну не до такой же степени, — проворчал Влад и медленно выбрался из машины, охая и придерживая одной рукой голову, словно она могла отломиться от шеи.

Едва войдя в квартиру, он поспешил забраться с ногами на диван.

— Лиза, — слабым голосом попросил он, — на кухне, в верхнем шкафчике у окна, есть шипучий аспирин, ну а воду, думаю, найдете...

— Сейчас...

Она ушла на кухню, а Влад поднялся и, стараясь не шуметь, начал быстро убирать разбросанные по всей комнате вещи, бумаги, кружки с недопитым кофе, стоявшие где попало — на столе, подоконнике и даже возле телевизора.

— Что вы делаете?

Она стояла на пороге со стаканом в руке. Влад от удивления выронил на пол папку, в которой он обычно возил сценарии продюсеру.

— Я не ожидал, что вы так быстро справитесь, — искренне признался он. — Настя уехала в командировку... вот у меня бардак холостяцкий...

Лиза протянула ему стакан с шипящей водой.

— Это ваша жена? — безучастно поинтересовалась она и присела на широкий пуф у дивана.

Влад готов был вырвать себе язык. В конце концов, имел он право закончить этот проклятый день в компании с приятной женщиной?

— Жена? Боже упаси! — воскликнул он и прихлебнул из стакана. — Это моя домработница, — ляпнул он первое, что пришло в голову.

— Надо же, как я отстала от жизни. Никогда бы не подумала, что нынешним домработницам приходится даже

по командировкам ездить.

Влад, медленно допил лекарство и поставил стакан на полу возле дивана.

— Э-э... как вам объяснить... у писателя или сценариста домработница такой человек, что на нее возложено сразу несколько обязанностей. Она и убирает, и готовит, и выполняет разные мелкие поручения... типа секретаря и...

— Музы всякой, — подхватила Лиза и улыбнулась.

— Ну да! Бывает, что и музы, — согласился Влад с самым серьезным видом. — В том плане, что послушает написанное, покритикует...

— И картошку в это время почистит, — кивнула она. — Влад Семенов, я смотрю, вам уже чуток полегче, — с этими словами она подняла с пола папку, протерла ее рукой от невидимой пыли и положила на столик перед диваном. — Я, пожалуй, пойду. Было очень приятно познакомиться с настоящим киносценаристом.

— Да какое там... — он взял папку в руки и с досадой забросил ее в дальний угол дивана. — Никому это не нужно. Похоже, исписался. Бывает и такое.

— Бывает всякое. Надеюсь, у вас это не последний сценарий, — Лиза пошла в сторону коридора.

Она уже стояла возле лифта, когда Влад подошел к ней.

— Вы хотя бы оставьте свой номер. Не хочу быть навязчивым, — глядя в пол, произнес он, — но всякое бывает в жизни, как вы сами сказали, так что...

— Давайте ваш мобильник, — она протянула руку, и Влад тут же положил свой телефон в ее узкую ладонь.

Утро было серым, тусклым, будто день встал не с той ноги. Влад глянул в сторону окна и вновь закрыл глаза. О вчерашних событиях не хотелось вспоминать, все случившееся больше походило на дурной сон. Он повернулся на другой бок и негромко охнул: голова, лицо, ухо — все болело. Надо бы встать, умыться и рассмотреть следы вчерашних баталий, но не было ни сил, ни настроения. Он не понимал сейчас, как строить дальше свою жизнь. Вчера ему словно в кино стукнули хлопучкой перед носом, а какие должны последовать кадры — не объяснили. Сценарий явно новый, и никто его с ним не согласовывал. Такое вот реалисти шоу...

Ему вдруг показалось, что в квартире кто-то есть. Несколько раз он отчетливо услышал странные звуки со стороны кухни. Но потом все стихло, и Влад забылся крепким утренним сном.

Проснулся он оттого, что кто-то сидел рядом с ним на диване, подпирая ему ноги. Стало не по себе, и он осторожно приоткрыл глаза. Из-под ресниц он увидел Настю, увлеченно что-то читающую.

— Але, — хрипло пробасил он. — Ты откуда взялась, снишься что ли?

Настя вздрогнула и повернулась в его сторону.

— Привет, соня, — ласково произнесла она и осторожно погладила его по руке, лежавшей поверх одеяла. — Что с тобой произошло? — она нахмурилась, разглядывая его лицо.

— Ты же меня бросила, вот хищники сразу накинулись на добычу.

— Влад, я серьезно...

— Куда уж серьезней... а откуда ты нарисовалась? Вроде как на неделю уезжала.

— Не спрашивай. Чистой воды подстава. Гринписовцы договорились с главным о съемках на водоканале в Новорядово, потом должна быть конференция в мэрии, встречи разные... Дня на три-четыре работы распланировано. И тут — бац! Будто в другое измерение попадаем: ни проблем, ни людей этих, что звонили нашему начальству — ничего этого просто не существует в природе. Представляешь? Даже номера телефонов липовые.

Он смотрел на нее — красивую, уверенную в себе, неунывающую в любой ситуации, — и тихо завидовал. Затем вспомнил свою вчерашнюю гостью и свои планы на вечер с ней. Какое счастье, что Лиза оказалась гораздо умнее его, одноклеточного. Влад мысленно перекрестился и с облегчением выдохнул.

— Я должен этому поверить? — с удивлением спросил Влад. — Как мог ваш Динаров повестись на такой развод?

— Это загадка для всех. С другой стороны, обычно подготовкой выезда занимается Вася, а он ушел в отпуск. Аккурат за два дня до звонка из Новорядово.

Влад криво усмехнулся.

— Ага, вот они суровые будни большого начальства. И вздохнуть не могут без своих мелких служащих. Обделался по полной!

— И еще я телефон потеряла, — жалобно пропищала Настя и уткнулась носом ему в ладошку. — Вот за что мне это все? — прогундосила она.

Влад почувствовал, как его ладонь становится влажной. Ему нестерпимо стало жаль Настю и заодно себя. Но себя почему-то больше. Что такое какой-то телефон по сравнению с провалом его сценария. Он провел рукой по ее гладким темным волосам и прислушался к себе. В голове противной мухой настойчиво зудел вопрос, сформулировать который ему сейчас никак не удавалось.

— Как хорошо, что ты приехала. Черт с ним, с телефоном этим. Купим другой. Меня вчера машина сбила, потом я напился, и за это мне вреzали в ухо. Вот такая нескладуха вышла.

Настя распрямилась и протерла кулачками заплаканные глаза. Вид у нее был как у заспанного ребенка. Владу нестерпимо захотелось ее поцеловать.

— Э, погоди, — отстранилась она и занялась тщательным осмотром его лица. — А что руки-ноги, целы? И что это значит — сбила машина. Ты что, на красный свет пошел?

В ее голосе послышались прокурорские нотки. Влад понял, что его мучения вчерашним днем не ограничатся.

— Почему на красный? Я вообще не переходил улицу, шел себе по тротуару. А напился я, заметь, уже после этого. С горя, что ты мне не позвонила.

Они молча смотрели друг на друга некоторое время. Первым не выдержал Влад.

— Что молчишь? Я все понятно сказал или что-то упустил?

— Ты ничего понятного пока не сказал. Это же не кино, где события могут просто показать, без диалога.

— Ой, да! — Влад попытался засмеяться, но сморщился и прикрыл рукой щеку и глаз. — Болит, зараза... Так вот, насчет кино, — он шумно вздохнул, — кина, как говорится, не будет. Все. Я в ауте. Павлов отклонил мой сценарий...

— Как это отклонил?! — Настя пересела в кресло и скрестила руки на груди. — Как, почему? Разве так делается?

— Настя, солнышко, только не пытай меня. И так тошно... Позвонили вчера утром от Павлова и объявили о безвременной кончине моего новорожденного сценария. Я что, должен был домогаться личной встречи и кланчить у него милостыню? Ни за что!

Настя сейчас была похожа на изваяние: угрюмое лицо, нависшие брови и неподвижные глаза.

— Вот так, — добавил он яду в голос. — Правда, этот гад оставил маленькую лазейку: вернется, типа, к вопросу через полгода. Понимаешь? Мне что, искать сейчас нового продюсера? Писать новый сценарий?!

Настя неопределенно шевельнула плечами.

— Для кого??? В стол? А как мне сейчас жить?

— Проживем как-нибудь, я же еще работаю.

— Вот только не надо этого! — разозлился Влад. — Сидеть на твоей шее мне, отцу двоих детей? Да Глашка меня живым закопает, если я через месяц не заткну ей рот хоть какими деньгами. А я рассчитывал машину новую купить. Теперь жалею, что продал свою старушку.

— У твоей Глашки не рот, а пасть ненасытная. Если бы она тратила деньги на детей, то они бы нужды не знали еще лет десять кряду.

Влад медленно поднялся с дивана.

— Я в душ, — бросил он.

Они завтракали в полной тишине. Настя о чем-то сосредоточенно думала. Такой ее Влад еще никогда не видел. Она как будто даже постарела, и в этом Влад сейчас винил себя. Надо как-то выкручиваться...

— Ты вчера с Артемом был? — нарушила тишину Настя.

— Неа, — мотнул головой Влад и продолжил медленно жевать омлет.

— А что с ним? Тоже машина наехала?

Влад положил вилку, отпил из кружки кофе.

— Почем я знаю. Может и наехала.

Настя аккуратно промокнула салфеткой губы и встала из-за стола.

— Перестань так со мной разговаривать, — ледяным тоном отчеканила она. — Ты собирался пойти с Артемом в кафе. Поэтому и спрашиваю...

— Извини. Артем отписался на телефон, что срочно уезжает. Я пошел в кафе один. По дороге меня на тротуаре сбила машина. Ее чего-то занесло с проезжей части. Потом я в кафе порядком выпил, потом ко мне привязался какой-то идиот, там же в кафе, я двинул ему, он ответил мне... продолжать? На этом мои тайны заканчиваются. Я пришел домой, выпил аспирина и лег спать. Все.

Влад медленно пил кофе, опустив глаза в стол. Он вспомнил Лизу, и на душе у него посветлело. Хотя и мелочь, а приятно...

— И чему ты улыбаешься?

Влад поперхнулся и закапшлялся.

— Улыбаюсь? Чего мне улыбаться? Разве что от счастья, что жив остался. Не знаю... причин больше нет. И ты вернулась раньше времени, тоже хорошо.

— Как-то неубедительно звучит.

Они встретились взглядом. Настя была явно растеряна. Влад язвительно заметил:

— Ты на меня так смотришь, как будто застала меня с любовницей. В чем дело, любимая? Я действительно

рад, что ты вернулась из этой своей дурацкой командировки. Кто знает, может меня сегодня бульдозер переедет, и поплакать даже некому будет.

Настя не стала поддерживать разговор, молча убрала посуду в раковину и вышла из кухни. Он слышал, как она достала из шкафа пальто, как вжикнули молнии на сапогах и, наконец, клацнул замок входной двери. Прошло достаточно много времени, прежде чем он поднялся и подошел к окну. На месте Настиной машины неммым укором темнел серый прямоугольник подтаявшего снега.

Влад закинул руки за голову и медленно потянулся. Сегодняшнее утро никак не отличалось от вчерашнего дня. Он грубо разговаривал с Настей, хотя вовсе этого не хотел. Более того, все его попытки перевести разговор в привычное, будничное русло, привели лишь к тому, что она обиделась и ушла на работу. Или не на работу? Влад прислонился к стене и окинул взглядом окружающую обстановку. Она показалась ему враждебной. И тот вопрос, что настойчиво сверлил его подсознание, неожиданно всплыл на поверхность: почему Настя уехала и потеряла телефон именно в тот момент, когда у него начались неприятности? Почему она оказалась звеном в этой цепи? И вся ее командировка каким-то странным образом превратилась в фейк...

Он топтался по гостиной и переключал с места на место свои бумаги и разбросанную одежду. Надо было чем-то занять себя, чтобы голова не лопнула от навалившихся проблем. В какой-то момент он остановился, вытащил из кармана мобильник и набрал номер Артема. Странно, что приятель до сих пор так и не позвонил ему. Наверняка администратор уже рассказал ему о вчерашнем инциденте. Однако трубка доложила, что абонент отключен или находится вне зоны. Рука невольно начала набирать номер Насти, но, чертыхнувшись, он сбросил вызов. Теперь у него связи с ней нет. И с Артемом — тоже. Что ж, возможно, это и есть тот самый закон парных случаев... Хоть ты сценарий пиши. Только согласно этому закону, его точно так же могут отфутболить, как давеча случилось у Павлова.

Собрав одежду, он вошел в спальню и с удивлением обнаружил на своей тумбочке небольшую коробку, упакованную в подарочную бумагу. Постель была не убрана. Получается, что Настя вернулась домой еще ночью, но будить его не стала, пожалела. И подарок вот приготовила. Он присел на кровать, распаковал коробку, и сердце его растаяло от нежности. Там была ручная мельница для кофе, такая красивая, гладенькая, из натурального дерева с длинной ручкой и выдвижным ящичком. Ручные кофемолки были слабостью Влада. Он не признавал никакого электричества в процессе приготовления напитка, начиная от помола зерен.

Влад мотнул головой и с досадой ударил кулаком по кровати. Черт возьми, сейчас он ни поблагодарить, ни извиниться не может. Ехать к ней в редакцию? Не факт, что она сейчас там и что вообще захочет с ним разговаривать. Как она могла потерять телефон? Непонятно. Особенно непонятно, как люди раньше жили без мобильных. Теперь, потеряв эту штуковину, ты рискуешь лишиться многого — друзей, работы, любимой девушки, а то и жизни... С другой стороны, если бы вчера он сам потерял телефон, то, глядишь, многих неприятностей можно было бы избежать. Но это в теории. А на практике, похоже, придется выяснять все обстоятельства вчерашних событий без так называемых спецсредств.

Первым делом он решил заехать в «Ласковый вечер». Желание поговорить с Артемом значило у него под пунктом номер один. За все долгие годы, что они знакомы, начиная со школьной скамьи, Влад впервые столкнулся с подобным отношением к себе. Он не любил отмечать дни рождения в шумных компаниях, да и вообще не любил их отмечать. В этот день умер его любимый дед, который заменил ему рано ушедшего из жизни отца. И хотя прошло уже довольно много времени и воспоминания о нем перешли в статус «светлых», праздничного настроения в свой день рождения Влад уже никогда не испытывал.

Тем не менее, в этот раз он планировал посидеть в «Ласковом вечере» со своими двумя школьными приятелями. Настоял на этом сам Артем. Сказал, что нельзя пройти мимо такой даты. В конце концов, сказал он, они давно не собирались вместе. Но позавчера позвонила жена Павла Волошина и сказала, что тот лежит с высокой температурой и не в состоянии даже говорить в трубку. Потом и Артем выкинул фортель...

В кабинете администратора было неуютно и холодно. Влад сел к столу и стал рассматривать от нечего делать обстановку. Комната была меблирована по минимуму: стол, четыре стула, глухой плоский шкаф и небольшой сейф в углу. Украшением интерьера был лишь кожаный диван «Честерфилд» темно-зеленого цвета.

— Соколов на отоплении экономит? — спросил он вошедшего вскоре Григория.

Тот глянул на длинную батарею под окном и мотнул головой.

— Нет, не экономит. На прошлой неделе недалеко авария была, какую-то трубу прорвало, теперь по другой системе временно пустили. Еле греют поэтому. — Он сел на диван и перевел взгляд на Влада: — как ваше здоровье?

— Нормально. А как дела у твоего шефа? Что-то кабинет закрыт, я смотрю.

— Надеюсь, что все в порядке. Его не было сегодня.

Влад облокотился на стол и вопросительно посмотрел на него.

— Что, такая серьезная командировка? Он хоть сказал, когда появится?

Лицо администратора стало скучным.

— Владислав Петрович, я всего лишь козел отпущения здесь. Вот нет начальства — решать все самому надо. Появится, вряд ли похвалит, хоть убейся тут. Хорошо, если взбучку не получу. Ничего он мне не сказал. Позвонил с утра, спросил, как дела и приказал все держать под контролем.

Григорий замолчал. Влад не моргая продолжал смотреть на него, ожидая хоть какого разъяснения.

— И это все? — спросил он наконец.

— Все.

— И ни ничего не спросил про меня? Ты хоть рассказал ему про вчерашнюю драку или взбучки побоялся?

— Ничего я не побоялся, — хмуро огрызнулся он. — Артем Сергеевич тут же отключился. Я и слова не успел вставить.

Влад откинулся на спинку стула и задумчиво посмотрел поверх головы администратора.

— Интересное дело... Я бы перезвонил на твоём месте.

— Хорошо вам говорить про мое место. Думаете, что я не перезванивал? Сто раз! Телефон отключен.

Влад поднялся, подошел к дивану и присел рядом.

— Вот это новости. У меня та же самая история, Гриша. Я поэтому и пришел к тебе, думал, ты чего знаешь.

Администратор посмотрел на него, как на чумного, вытащил из кармана коробочку с валидолом и забросил таблетку в рот.

— Не нравится мне все это, — прошамкал он. — И ваша вчерашняя история тоже не нравится.

— Слава Богу, что не мне одному она не нравится... Надеюсь, вы этого урода сдали куда следует?

Григорий кивнул.

— Сдали. Нашего охранника в больницу.

Влад посмотрел на него с недоверием.

— Не понял. При чем тут охранник, я про...

— И я про то же самое. Этот урод не такой простачок оказался, как мы все подумали. Уложил нашего Володю с одного раза. И скрылся, как муха в форточку. Никто не успел ничего понять.

— Володьку? — Влад от удивления разинул рот. Володя был гордостью всего коллектива кафе. Красивый, мускулистый, будто отлитый из бронзы, владеющий всякими единоборствами парень.

Черные глаза Григория предательски заблестели.

— Жалко парня. Я теперь здесь без него как без рук. Еще и шеф запропастился.

Влад сидел, словно каменное изваяние. Подобного развития вчерашнего сюжета он никак не ожидал.

— Так я еще легко отделался...

По лицу администратора пробежала тень улыбки.

— Вы просто редкий везунчик, скажу я вам.

— Да уж... в пору самому себе позавидовать... Послушай, Гриша, а его искать будут? Вы в полицию обращались?

— Полиция сама к нам обратилась. Ее врачи вызвали, после того, как увидели Вовку нашего.

Влад поскреб затылок и беспомощно посмотрел на администратора.

— Я даже лица его не запомнил. В памяти только его дурацкий костюм и танцы. Откуда он взялся вообще, с кем пришел?

— Из ниоткуда, — он тронул Влада за плечо, — вот скажите, бывает такое? Меня позвали к телефону насчет какого-то банкета, ничего внятного так и не сказали, Володю и второго охранника, Олега, отвлек мужик на парковке. А когда уже вы с ним сцепились, то на крики мы все сбежали в зал. Да, еще этот костюм — все запомнили именно его, но не лицо.

— Логично. Все внимание переключил на свой прикид.

— Скорее всего, — кивнул Григорий и добавил: — ну что ж, я рад, что с вами хотя бы все в порядке.

Влад понял, что разговаривать с ним администратору недосуг, пора уходить. Он поднялся, протянул руку и попрощался:

— Гриша, если вдруг появится Артем, попроси его со мной связаться.

Администратор пожал протянутую руку.

— Само собой. Не волнуйтесь.

Разговор с администратором не прибавил Владу спокойствия. Мало того, что сейчас надо как-то решать проблему с деньгами, то бишь с работой, так еще чередой событий вчерашнего вечера неприятно щекотала нервы. Сосредоточиться на мирских делах никак не получалось, и Влад решил, что ему надо прежде всего помириться с Настей. Проклиная себя в очередной раз за то, что поспешил с продажей машины, он поймал такси и поехал в редакцию.

Секретарша Валечка тихо шуршала клавишами компьютера, и если бы не этот звук, то Влад решил бы, что в

приемной никого нет. Где откопал главный это небесное создание — загадка. Валечка была настолько миниатюрна и хороша собой, что закрадывалась мысль — это и есть тот самый ангел во плоти.

— Здравствуйте, Владислав Петрович, — она выглянула из-за монитора и лучезарно улыбнулась. — Если вы к Эльдару Айратовичу, то его, к сожалению, нет.

— Здравствуй, услада моих очей, — елеяно пропел Влад и, отвесив поклон, прислонился к дверному косяку.

— А где его величество, если, конечно, это не государственная тайна?

Валечка пожала плечами, откинула за спину свою золотистую косу, и виновато вздохнула:

— Не знаю, может, и тайна. Но даже я ее не знаю. С утра позвонил и сказал, что к вечеру, возможно, появится.

— Я, собственно, ищу Настю. В отделе ее нет, подумал вдруг Динаров в курсе.

Валечка вздернула тонкие брови и взяла со стола мобильник.

— Нет-нет! Звонить не надо, — замахал руками Влад, — она вчера телефон посеяла.

— Понятно. Тогда ничем не смогу вам помочь. Она заходила пару часов назад, я в коридоре ее видела, а сейчас... — девушка развела руками.

Выйдя на крыльцо, он некоторое время стоял, обдумывая план дальнейших действий. На ум невольно пришло сравнение с пенсионером, которого неожиданно спровадили на заслуженный отдых. Только отдыхать как-то совсем не хотелось. Да и пенсию ему платить никто не собирался пока.

— Владислав Петрович! — раздался сверху голос Валечки.

Он поднял голову: из окна второго этажа свесилась косичка секретарши.

— Вы зайдите в кафе, там сейчас наши обедают. Может, и Анастасия Викторовна с ними. «Восточный экспресс» — знаете?

— Конечно, знаю. Спасибо, милый ангел!

Окно захлопнулось, но Влад не спешил следовать совету девушки. Пытаться выяснять отношения в присутствии Настиных коллег — не лучший вариант. Однако, другой возможности переговорить с ней он не нашел и медленно двинулся в сторону «Восточного экспресса».

Он увидел ее со спины за столиком недалеко от входа. Напротив сидел незнакомый ему мужчина. Он что-то говорил, изредка широко жестикулируя руками и наклоняясь к ней через стол. Настя внимательно слушала и временами согласно кивала. Влад в этот момент почувствовал себя старым, больным пауком, запутавшимся в собственной паутине. Ни сил, ни желания сопротивляться не было. Пропади все пропадом, — решил он, — если в тридцать три его участь быть жертвой, то противиться он не станет. Пусть его растаскивают хищники по частям. Влад не стал заходить в зал. И только подойдя к выходу, он все же обернулся и увидел, что парочка тоже поднялась из-за стола. Кавалер бережно поддерживал Настю за локоть. Влад поспешил выйти на улицу.

Поднявшийся резкий сырой ветер неприятно обжигал лицо, но он в этом увидел особый знак, его словно хлестали по лицу: «Так тебе, так тебе!» Интересно, подумал он, я хотя бы детям своим нужен? К сожалению, Глафира отрезала ему и этот путь. В те редкие моменты, когда ему позволено было общаться с детьми, он дорожил каждой минутой и даже мысли не допускал строить козни против Глаши и заниматься ненужной «идеологией». Они вырастут и сами во всем разберутся. Он очень на это надеялся.

Повернув за угол, Влад заскочил в уже отъезжающий автобус, на ходу спросив у пассажиров про маршрут. Забившись на заднее сидение к окну, он поднял воротник и уставился на дорогу. Плавное покачивание и монотонный голос, объявлявший остановки, немного успокоили поднимавшуюся в душе бурю. Он задумался и едва не пропустил свою остановку, потому что ее название «Гоголя» не совпадало с названием улицы — «Фестивальная». Давненько же он не ездил общественным транспортом!

В квартире витал аромат духов Насти. Влада это насторожило. Он прошел в гостиную, затем в спальню. Кровать была аккуратно убрана, подарочная бумага, которую он так и оставил на тумбочке, тоже исчезла. Кофейная мельничка, к счастью, осталась. Прихватив ее с собой, он вошел в кухню и там, на столе, увидел белеющий листок. Нехорошее предчувствие прокатилось холодной волной где-то в животе. Его некогда любимая квартира вдруг показалась ему пугающе чужой и тоскливой. Аккуратно поставив на полку кофемолку, он взял записку в руку и некоторое время не мог сосредоточиться на содержании. Настя писала: «Я должна съездить к маме, она приболела. На работе взяла небольшой отпуск. Сегодня постараюсь купить телефон и сразу же позвоню тебе. Целую. Настя». Получается, что она заезжала домой. Скорее всего, он в это время был в «Ласковом вечере».

Влад медленно опустился на стул и несколько раз перечитал послание, чтобы определиться со своими ощущениями. Они с Настей вместе уже три года. После развода с Глафирой он как-то не задумывался о новой семье, и встреча с Настей была для него настоящим спасением. У нее, казалось ему, напроочь отсутствовали именно те качества, которые он больше всего ненавидел в Глаше — эгоизм, жадность и фатальная подозрительность. С Глашей ему приходилось постоянно оправдываться, выкручиваться, придумывать липовые предлоги для того, чтобы уединиться и просто поработать здесь, в квартире, которую он купил специально для этой цели. Настя же непостижимым образом могла раствориться в этом пространстве, даже никуда не уходя. И более того, ее присутствие где-то здесь, в соседней комнате, даже помогало ему сосредоточиться на работе. Он только сейчас осознал, что она была для него настоящей музой. И что ж теперь... Если бы он только не видел сегодня ее в кафе! Может, зря он поехал в редакцию? Бывают моменты, когда обманываться намного выгоднее.

Он отбросил в сторону записку и прошептал: «Семенов, да ты, оказывается, трус». Самое ужасное, что сейчас ему и поговорить об этом совершенно не с кем. В американских фильмах люди часто советуются с личными психологами. Пожалуй, он бы сейчас не отказался от подобной услуги. С этими мыслями он подошел к буфету и взял оттуда бутылку коньяка. Наполнив широкий стакан почти до половины, он открыл холодильник в поисках закуски. Ничего подходящего кроме куска сыра и банки маслин там не нашлось. Банку открывать было лень, поэтому пришлось ограничиться сыром. Дурное настроение не давало возможности насладиться хорошим напитком. Сделав пару глотков, он раздраженно взболтал остатки и допил их залпом. Забросив в рот небольшой кусок сыра, он отправился в гостиную, чтобы занять себя каким-нибудь делом.

В углу дивана лежала папка с последним сценарием под названием «Твои тихие глаза». Это был детектив с легким мелодраматическим уклоном, именно такие фильмы любил ставить Игорь Павлов. Что случилось в этот раз, скорее всего, останется для него загадкой. Придется собрать волю в кулак и начать искать нового продюсера, объяснять, чем хороши его работы и почему перестал сотрудничать со всем известным Павловым. Только почему-то он чувствовал, что сделать это будет крайне трудно, потому что все обстоятельства сейчас складываются явно не в его пользу. Пробежав глазами несколько страниц, Влад с отвращением захлопнул папку: неожиданно ему самому сценарий тоже не понравился. Алкоголь на пустой желудок сделал свое дело — его поклонило в сон, и он был рад этой возможности на некоторое время уйти от проблем.

Проснулся он от звонка мобильного. Уже стемнело. Откуда шел звук, спросонья он не мог разобрать, и, спотыкаясь, начал включать везде свет, пока не добрался до кухни. Звонки к тому времени прекратились. Глянув

на незнакомый номер, Влад решил, что это Настя и нажал «вызов». Однако раздался незнакомый мужской голос:

— Владислав Петрович Семенов?

— Да, я.

— Вас беспокоят по поводу сценария.

— Вы от Игоря Ивановича? — у Влада радостно забилося сердце.

— Нет. Я от другого человека. Который хочет поставить фильм, нужен интересный сценарий.

— Простите, я могу узнать, с кем имею дело?

— Его имя вам вряд ли известно. Ракитин Илья Федорович.

Влад пожал плечами и на мгновение задумался, пытаясь вспомнить хотя бы на слух подобную фамилию.

Однако на ум ничего не приходило.

— Илье Федоровичу, — холодно произнес Влад, — передайте, что я не думаю, что смогу быть чем-нибудь полезен. Я не работаю с начинающими режиссерами. Обратитесь на ярмарку сценариев, вполне возможно, что там вы найдете очень даже приличный сценарий по своему вкусу.

В трубке раздался тихий смешок.

— Нет, вы не так меня поняли, господин Семенов. Я хочу, чтобы именно вы написали сценарий по вкусу Ильи Федоровича.

Влад разочарованно вздохнул и хотел попрощаться.

— Не спешите жать на отбой, — тут же предупредили его на том конце. — Я понимаю, что вы известный сценарист, и, поверьте, предложенный им гонорар вас не разочарует.

— Мне кажется, вы не очень понимаете специфику, — Влад медленно направился в гостиную. — Кроме гонорара есть такое понятие как репутация, — он сел в кресло и потянулся всем телом.

— Знаете, а мне кажется, что мы сейчас ведем несколько беспредметный разговор. Такие вещи обговаривают, глядя в глаза друг другу. Я все-таки рассчитываю, что мы завтра с вами встретимся, и потом вы решите — пострадает ваша репутация или нет. Итак...

— Что ж, давайте поговорим, — сдался Влад.

— Если вас устроит — завтра в полдень в торговом центре «Искра».

— То есть? — удивился Влад. — Вы хотите говорить о серьезных вещах в торговом центре?

— Чем же плоха «Искра»? Рядом с вашим домом. Там есть уютный кафетерий. Для первого знакомства, думаю, вполне подойдет.

— Пусть будет так, — ответил Влад, чтобы как-то закончить этот глупый разговор. Ни в какую «Искру» он идти даже и не собирался.

— До завтра, — ответили ему и отключились.

Он представил, как смеялись бы его знакомые, узнав про этот разговор. Неужели этот Ракитин, или кто там он на самом деле, поверил, что Влад Семенов пойдет в кафетерий торгового центра заключать некий контракт на сценарий? Ха-ха-ха! Он вдруг сильно разозлился. Мало того, что Павлов обошелся с ним по-свински, так еще какие-то клоуны решили совсем его доконать...

Чтобы не сидеть в гнетущей тишине, он включил телевизор, и некоторое время нервно переключал каналы. С каждой минутой раздражение его усиливалось. Было семь вечера, и он не знал, каким образом лучше «добить» этот день. В конце концов, он решил сходить куда-нибудь поужинать. Готовить самому не было настроения, хотя совсем недавно он довольно охотно устраивал себе ужины у себя на кухне, делая таким образом перерывы в работе. Но это времена, когда легко работалось, и был в этом смысл. А теперь...

Уже набросив пальто, он вдруг вытащил из кармана мобильник и, полистав контакты, нашел номер Лизы. Палец на некоторое время завис над заветным номером. Однако спустя всего несколько секунд он решительно нажал на зеленую трубочку. Прошло довольно много гудков, прежде чем в ответ раздался ее тихий голос.

— Слушаю вас...

— Лиза, здравствуйте, — проникновенно промурлыкал Влад.

— Здравствуйте. Вы по какому вопросу?

Влад смущенно прокашлялся и представился:

— Вас беспокоит вчерашний...

— А-а, так это вы, Владислав? — перебила она. — Извините, я сразу не узнала ваш голос.

— А номер?

— А номера вашего я не знаю. Это я вам занесла вчера свой. Вы просили.

— Да, вспомнил, простите.

— Не за что. Как ваши дела? — нарочито вежливо поинтересовалась она.

— Как сажа бела, — отшутился он. — Да Бог с ними, делами. Я вам по-другому поводу звоню.

— Слушаю внимательно.

— Вы сегодня ужинали?

— Я? — она замялась, — да еще как-то...

— Вот и хорошо, — подхватил он. — Составьте мне компанию. Сегодня я трезв как стекло и готов вести светские беседы. А? Соглашайтесь. Я за вами подъеду на такси. Диктуйте адрес.

— Послушайте, Владислав, у меня, если честно, особо нет времени...

— Лиза, время понятие растяжимое. Если вам неприятна моя компания или вы замужем...

— Нет, дело не в этом... ладно, не буду утомлять подробностями. Только не надо на такси, я на машине, сама приеду. Говорите куда. Я сейчас недалеко от вашего района.

— Отлично. Тогда через полчаса встречаемся в «Белом ручье».

Она немного опоздала, совсем чуть-чуть, ровно настолько, насколько позволяла вежливость культурного человека. Владу это понравилось. Он любил, когда люди гармоничны и чувствуют меру во всем, в том числе и в этом.

— Добрый вечер, — Лиза улыбнулась, легким шагом поднимаясь по ступенькам. — Вы действительно сегодня выглядите намного лучше.

— Рад вас видеть, — Влад жестом пригласил войти в ресторан.

Они чувствовали некую неловкость, как обычно бывает при первом свидании малознакомых людей. Чтобы разрядить обстановку, Влад спросил, какие напитки она предпочитает.

— Нет-нет, — сразу возразила она. — Я за рулем, если вы помните. Так что рассчитывайте только на себя.

— А я с удовольствием присоединюсь к вам. Сегодня я примерный трезвенник, — он с напускной грустью опустил глаза вниз.

Лиза рассмеялась.

— Похоже, удовольствие такого рода особой радости вам все же не приносит.

— Не поверите — приносит! Я всегда работаю только на трезвую голову. А работаю я достаточно много.

Влад позвал официанта, и они сделали заказ.

— То, что вы наблюдали вчера — не обо мне. Просто так сложились обстоятельства.

— Да-да, я помню. У вас был день рождения, — кивнула она. — Несколько грустный, правда, получился праздник. Вы всегда празднуете в одиночестве?

Он с интересом, украдкой, рассматривал ее лицо. Правильные черты, минимум косметики, красиво уложенные на затылке пышные волосы, длинная шея. Сейчас в ней угадывались признаки породы, и веяло откровенной женственностью. А вчера она была другой — строгой и холодной, несмотря на какую-то детскую вязаную шапочку и разбросанные по плечам волосы.

— Я вообще никак не праздную свой день рождения. Вчера вы были свидетелем исключительного случая.

— Можно сказать, мне повезло, — в ее нежно-карих глазах сверкнули веселые искорки.

— Определенно.

Принесли салат из тунца с зеленью и орехами. Влад попробовал и одобрительно кивнул.

— Вы, Лиза, сделали правильный выбор. Очень вкусно.

— Спасибо.

Их разделяли каких-нибудь полметра стола, и ему казалось, что он слышит не только запах изысканного парфюма, но и тонкий аромат ее нежной, светлой кожи. Мелькнуло странное ощущение, что все это было когда-то, и что они знакомы уже давным-давно.

— А чем вы сейчас занимаетесь? — осторожно поинтересовался он, пытаясь найти точки соприкосновения. — Таксовать, я так понял, вы бросили.

— Я? — Лиза повертела вилкой и пожала плечами. — Весьма прозаичным занятием — учу на дому детей немецкому и английскому, иногда подрабатываю переводами.

— О, так у вас благородная профессия.

— Ну, скорее, это так называется. Надо же как-то оправдывать ненужность обществу. Вот поэтому говорят — благородное дело. Вы не замечали, что у нас принято маскировать нищенские зарплаты за красивой упаковкой словами.

— Лиза, но я-то ничем тут не прикрываюсь. Я вполне искренне считаю, что без хорошего учителя, где бы мы все сейчас были...

— Спасибо на добром слове.

— А никогда не хотелось поменять профессию?

— Менять... если честно, я совсем недавно стала давать уроки. Для меня это удовольствие. Долгое время я вообще не работала, обеспечивал муж.

Влад при слове «муж» несколько напрягся. Но спрашивать про него было как-то неловко. Лиза тоже не стала вдаваться в подробности своего брака.

Тем временем принесли баранину с тушеными овощами, и разговор плавно перешел в другое русло.

— А вам никогда не доводилось переводить книги? — спросил он.

— Книги — нет. Так, по мелочи бывало, какие-то статьи, но не книги. Там ведь талантом обладать надо.

Пожалуй, не меньшим, чем у писателя, если вы имеете в виду художественную литературу.

— Не могу не согласиться, — кивнул Влад. — Бывает, что хороший перевод вытягивает посредственную книгу. И тогда успеха в другой стране больше, чем на родине. Как вам, кстати, баранина?

Лиза, зажмурив глаза, покачала головой.

— Просто восхитительно! Сама бы я, конечно, никогда не отважилась заказать такое сытное блюдо.

Влад снисходительно улыбнулся:

— Когда так вкусно, то вредно быть не может. Тем более с такой безупречной фигурой вам бояться нечего.

Лиза пропустила мимо ушей столь банальный комплимент.

— Вы вчера говорили, что у вас проблемы со сценарием.

— А, — отмахнулся он, — и вспоминать не хочу. Нормальный вроде сценарий, но продюсер забраковал.

— Обидно, конечно. Судя по предыдущим вашим работам, он не может быть плохим.

Влад склонил набок голову и внимательно посмотрел на нее.

— Мне трудно судить об этом. Со стороны видней. Может, решил работать с кем-то более перспективным. Я, знаете, не страдаю манией величия.

— А вы не пытались узнать причину? — удивленно спросила она.

— Нет! И не буду, — резко ответил он.

Почувствовав, что это было не слишком вежливо с его стороны, он добавил:

— Думаю, что в конце концов выход найдется. Кстати, — он поднял вверх указательный палец, — сегодня мне уже звонили другие люди насчет сценария.

— Правда? Так это же здорово. Пусть потом ваш продюсер локти себе кусает.

Влад рассмеялся.

— Лиза, вы добрая душа. Насчет локтей как-то меня одолевают смутные сомнения. А это предложение тоже, я вам скажу, из разряда весьма подозрительных.

— В каком плане? — вскинула она брови.

— Совершенно незнакомый мне человек ни с того ни с сего предлагает написать для него сценарий. На его вкус. Представляете?

Лиза пожала плечами.

— Весьма слабо. Это хорошо или плохо?

Влад вздохнул.

— Ну, как вам сказать... не очень хорошо. Я даже идти на встречу не собираюсь. Просто сам факт...

— Почему? Надо обязательно сходить. Поговорить ведь не вредно для здоровья?

— Как-то не хочется мне суетиться, — неуверенно отозвался он. — Мой имидж может пострадать.

— Тогда лучше не идите! — решительно отвергла она свое предложение. — И потом, ваш этот... который отказался от сценария...

— Павлов...

— Вот. Этот Павлов еще, может, одумается. И сам позвонит. Мало ли что отказал. Бывают в творческой среде всякие распри, недопонимания. Деньги, конечно, хорошо, но вы состоявшийся сценарист, известный человек и, думаю, вполне сможете переждать кризис.

— Вполне, — с легкой бравадой в голосе согласился он. А что еще оставалось ему делать? Не раскисать же перед своей новой знакомой.

Когда подали десерт, они некоторое время молчали. Влад чувствовал, что после этого разговора остался на душе осадок. Он понимал, что выглядел на самом деле перед этой малознакомой женщиной беззащитным и уязвленным. Как бедная лимитчица, попавшая в переплет в большом городе. В то же время Лиза была сейчас единственным человеком, которому он мог довериться и рассказать о своих проблемах. А кому еще? Разве что Насте и, пожалуй, Артему. Все. Но у него не было связи ни с кем из них.

Лиза украдкой глянула на часы.

— Я вижу, вы спешите...

Она смутилась, но затем честно призналась:

— Да, действительно, со временем у меня не очень. Но отвезти вас домой вполне еще смогу.

Влад смотрел ей в глаза и грустно улыбался.

— Вот это уже будет лишним. Я доберусь самостоятельно. Так получилось, что машину продал, но в самое ближайшее время планирую купить новую...

— Что вы так смотрите на меня? — перебила она и провела рукой по лицу, словно смахивая невидимую

паутину.

— Я? Извините, — он опустил глаза, — бывают встречи, когда спустя несколько часов кажется, что с этим человеком ты знаком уже давным-давно. Я про вас.

— Мы встретились при таких обстоятельствах, которые сближают любых людей.

— Да, действительно. Вы мой ангел-хранитель.

— Не стоит преувеличивать. Вот если бы я успела оттолкнуть вас тогда, на тротуаре... Но все хорошо закончилось. Влад, спасибо вам за прекрасный ужин, — она поднялась и торопливо добавила: — я верю, что все остальное у вас образуется. Даже если вы откажетесь от этого странного предложения. Важно другое — вас помнят и ценят.

Влад поднялся вслед за ней, но Лиза жестом его остановила.

— Нет-нет, пожалуйста, не надо меня провожать. Звоните, буду рада услышать про ваши творческие успехи.

Она выскользнула из его рук будто льдинка. Он остался сидеть, не посмев даже обернуться. Трудно понять, что двигало ею, когда она согласилась на этот ужин. Вежливость, любопытство? Возможно, и то и другое. Кроме одного — никакой связи с ним она не желала. И это вызывало чувство досады. Не потому, что он какой-то там известный бабник, которого неожиданно проигнорировали. Но с мужской точки зрения ему бы хотелось некоторой определенности. А в это время перед ним будто весы, так быстро качающиеся, что невозможно увидеть, что же лежит там, в чашах. И теперь это не будет давать ему покоя, потому что, он уже понял, в нем медленно просыпается охотничий инстинкт. Как же все некстати...

Поздно вечером позвонила Настя с нового телефона, сообщила, что ее маме сделали операцию, и некоторое время за ней нужен будет уход.

— Влад, прошу тебя, будь благоразумным. Не пей много и береги свое лицо, ты человек публичный.

— Хорошо, дорогая. Не беспокойся. Тут уже предложения поступают насчет сценария. Так что лицо буду беречь.

— Правда? От кого?

— Даже не знаю, какой-то Ракитин. Предлагает встретиться завтра и обсудить план его замысла. Обещает большой гонорар.

— Владь, это что, приколы такой? Я никакого Ракитина не знаю.

— Я тоже считаю, что кто-то решил разыграть меня. Так что никуда не пойду.

— А куда зовут, офис где?

— Смешно сказать, встреча завтра в полдень в «Искре», в кафетерии.

— Ты ничего не перепутал? Какой кафетерий?

— Сказали, что для знакомства в самый раз будет. Огласят гонорар, а там уже решать мне.

— Ой, мне сейчас бежать в палату нужно. Короче, Влад, прошу тебя, чтобы без глупостей. Целую.

— Настя, постой! Спасибо тебе за подарок.

— Понравился?

— Не то слово. Просто восторг! Все, беги. Целую. Маме привет.

Было еще довольно рано, когда его разбудил пронзительный звонок в дверь. Глянув в глазок, Влад в первое мгновение хотел на цыпочках уйти обратно в комнату: Глафира собственной персоной пожаловала к нему домой. Она что, совсем очумела? Однако, учитывая цепь невероятных событий в последние дни, он решил впустить гостью. В конце концов, у них общие дети, мало ли...

— Что случилось, Глаша?

Бывшая жена, презрительно окинув взглядом фигуру Влада в трусах, указала пальцем куда-то себе за спину.

— Выйди. Поговорить надо.

— Куда я пойду в таком виде.

— Да уж, действительно... Так набрось что-нибудь.

— Может, ты все-таки зайдешь и объяснишься?

— Не хочу при твоей, — дернула она плечиком в шубке из рыси.

Влад вздохнул и нехотя признался:

— Я один. Настя в отъезде.

— Так бы сразу и сказал.

Она решительно вошла в прихожую, как боевой катер в бухту. На пороге гостинной притормозила, сбросила с ног сапоги, затем сняла шубу и протянула ее Владу.

— Кофе сделаешь?

— Да, конечно...

Натягивая на ходу штаны и футболку, он вошел в кухню. Глаша бесцеремонно дымила сигаретой, стряхивая пепел в чайное блюдце.

— Даже пепельницей не разжился, — решила она оправдаться.

— Мы не курим с Настей...

— При чем тут это? — она с интересом рассматривала его из-под опущенных длинных ресниц. — К вам же гости ходят?

Влад не ответил и подошел к плите.

— Тебе какой — растворимый или натуральный?

— Натуральный растворимый, — ответила она и затушила сигарету. — Я с тобой насчет денег пришла поговорить.

— Правда? А я думал, что обсудить внутреннюю и внешнюю политику государства.

— Ты, Семенов, даже шутить научился.

— Просто я еще не проснулся. По-моему, насчет денег я тебе все объяснил. Мой сценарий отклонили. Денег пока...

— Хватит тарыхтеть, — поморщилась она, — я это уже слышала.

Щелкнул чайник, Влад налил кипятка в чашку с кофе, достал из холодильника молоко.

— Я не пью с молоком. Никогда.

— Прости, забыл, — он вернул молоко на полку и захлопнул холодильник.

— Нет, ты точно не проснулся. Или это последствие наезда?

Влад вздрогнул и пристально посмотрел на нее.

— Какой наезд еще?

— Ой, только не надо прикидываться, — она шумно размешивала ложечкой кофе и не отводила взгляд. — Да уже все знают, что ты решил пропиариться и устроил себе это покушение. Я смотрю, что не все так безобидно прошло. Да, сценарист? Факты, как говорят, налицо.

Влад провел рукой по заклеенной брови и, придвинув стул, сел напротив Глаши.

— Это кто тебе такое мог сказать, интересно?

— Неважно. Только ты с этим поаккуратней. Чуть правее, чуть левее — и ты в ящике. А детей мне одной что ли тянуть? Профессионалов нанимать надо, каскадеров. Ты вроде как в этой сфере вращаешься...

— Так, хватит! — Влад громко стукнул кулаком по столу. — Мне надоело слушать твою ахинею!

Глаша подпрыгнула на стуле от неожиданности и пролила немного кофе на стол.

— Чего орешь?! Так зайкой можно стать!

— Тебе это только придаст обаяния! — рявкнул в ответ Влад. — Нет у меня сейчас денег. А у тебя они как раз должны быть. Куда ты их деваешь? У меня лично такое впечатление, что ты детям оплачиваешь каждый месяц учебу в Лондоне, а не в нашей гимназии. Я не олигарх, хочу заметить...

— Заметила, — махнула она рукой. — Так что там с наездом?

— Ты что, пришла посочувствовать мне?

— Я пришла с серьезным разговором. И хочу узнать, что случилось у «Ласкового вечера».

— Ты в теме, я смотрю... Ничего особенного. Чью-то машину занесло на повороте, и она выскочила на тротуар, зацепив меня. Я всего лишь неудачно упал. Вся история.

Глаша протерла салфеткой чашку и сделала небольшой глоток.

— Я тебе не верю, — тоном экзаменатора ответила она. — Ты даже не заявил в полицию.

Влад обхватил голову руками и простонал:

— Глаша, не пытай меня, я на нервной почве быстрее окочурюсь, чем под колесами машины. Результат, сама понимаешь, будет тот же. С какой целью ты пришла ко мне домой, да еще в такую рань? А если бы Настя была дома?

— А где я должна тебя ловить? Отвезла детей в школу и к тебе.

— Какой кошмар! Ты сама возила детей. А что твой Леонид, уже отказался играть роль заботливого отчима? Я тебе, кстати, предлагал забрать детей к себе.

— Ладно, Семенов, не паясничай. Леня в Испанию улетел по делам. А я, уверяю тебя, не самая худшая мать.

Он не стал спорить. Его бывшая жена при всей своей стержовности за детьми таки смотрела.

— Влад, ты должен переписать эту квартиру на Артема. Вырастет — будет свой угол. Про Нину я уже как-нибудь сама побеспокоюсь. Все честно, согласишься? — будничным тоном произвела она ревизию его имущества.

От неожиданности он не знал, что ответить и беспомощно делал руками какие-то пассы с открытым ртом. Когда, наконец, у него прорезался голос, кашлянув, он только и смог произнести:

— Ну ты и...

— Я смотрю, друг мой, ты весь на эмоциях. Ни к чему это.

Глафира отодвинула от себя чашку и поднялась из-за стола. Не дождавшись внятного ответа, она прошла к окну, окинула взглядом кухню и сказала:

— Квартирка не бог весть что, конечно, но...

— С паршивой овцы хоть шерсти клок, — помог ей Влад.

— Я так не говорила, но в принципе смысл приблизительно такой.

Он много раз задавал себе один и тот же вопрос: «Как можно было прожить целых десять лет рядом с этой никчемной женщиной?» Влад опустил голову, побарабанил пальцами по столу, затем посмотрел на нее исподлобья.

— Глаша, ты знаешь, что я люблю своих детей и любому перегрызу за них горло, но идти на поводу у твоих безумных фантазий я не намерен.

Она скрестила руки на груди и прислонилась к подоконнику, всем своим видом демонстрируя готовность выслушать его аргументы.

— Стесняюсь спросить, — продолжил Влад, — ты не забыла, что я тебе с детьми оставил дом?

— И что? При чем тут дом? Спасибо. Но сейчас я говорю про форс-мажор. Что будет, если с тобой, не дай Бог, конечно, что-нибудь случится? Кому все это? — она развела руками.

— Знаешь... я почему-то уже предчувствую, что со мной обязательно что-нибудь случится. Что ты затеяла? — зловеще прошипел он и, с шумом отодвинув стул, поднялся. Он подошел к ней вплотную, так, что ей пришлось откинуть голову назад. — Признавайся! Кто тебя надоумил являться ко мне со своими идиотскими претензиями?! — гаркнул он что есть силы ей в лицо.

— Ты сумасшедший! — с этими словами Глафира оттолкнула его и побежала в сторону прихожей. — От тебя даже твоя шлюха Настя сбежала! — крикнула она уже оттуда. — Все так говорят!

Владу показалось, что у него из-под ног земля уходит. Он изо всех сил старался выждать хотя бы несколько секунд, чтобы как-то усмирить свою ярость, но, не выдержав, выскочил вслед за ней.

Глафира с шубой подмышкой и в сапогах с расстегнутыми замками тут же выскочила на лестничную площадку.

— Кретин и неудачник! — взвизгнула она и дробно стуча каблуками понеслась вниз по лестнице.

Уцепившись за дверную ручку, как за спасительную соломинку, он все-таки заставил себя не бросаться ей вдогонку.

Влад долго стоял под душем, бесконечное число раз намыливая себя с ног до головы. Таким образом он безуспешно пытался смыть всю грязь, которой, казалось, покрылось его тело за эти полчаса общения с бывшей женой. Обмотавшись полотенцем, он вернулся в спальню и присел на кровать. В душе все клокотало от ненависти. Почему нельзя сохранить нормальные отношения после развода? Ради детей хотя бы? Он вытянул вперед руки и некоторое время смотрел на свои дрожащие пальцы. Зачем она трогала Настю? Ведь за такие слова он мог и ударить...

Отыскав в шкафу припрятанную пачку сигарет и зажигалку, Влад закурил. Несколько глубоких затяжек помогли ему собраться. Чтобы не уронить пепел, он быстро прошел в кухню и остановился возле раковины. Действительно, пепельницу надо приобрести, так, на всякий случай. Вот хотя бы на такой. Его взгляд упал на чашку, из которой пила кофе Глафира. Зажав зубами сигарету, он подошел к столу и брезгливо, двумя пальцами взяв за ручку, понес чашку к окну. Выбросив посудину, он еще некоторое время держал створку открытой, чтобы выветрить запах духов Глафиры, который назойливо витал в воздухе.

Очередной день с самого начала не предвещал ничего хорошего. Для того, чтобы как-то определиться с планами, ему нужны были точки опоры. Он набрал номер Насти. После долгих гудков она скороговоркой ответила:

— Владя, дорогой, перезвони после обеда. Сейчас не могу говорить.

Он посмотрел на темный экран мобильного и усмехнулся. Чем черт не шутит, вдруг в словах Глаши скрывалась правда, неизвестная лишь ему одному? Тогда это полный тупик.

Почесав переносицу телефоном, он вздохнул и попытался связаться с Артемом. Когда абонент и в этот раз оказался недоступен, Влад даже не удивился. Окружающий мир внезапно, без объявления причин, перестал с ним контактировать. Такое, наверное, бывает и у других, но подобная философия лично ему сейчас никак не помогала.

Он занялся приготовлением завтрака, несмотря на полное отсутствие аппетита. Потом забросил в стиральную машину белье, протер везде пыль. Он ходил по дому, как робот, старательно выискивая для себя дела. Кто знает, подумалось ему, не это ли причина большей продолжительности жизни женщин, которые в любых обстоятельствах не прекращают заниматься будничными делами. Однако спустя час, он остановился. Как машина, у которой кончился бензин.

Время подбиралось к одиннадцати. В голове уже созрел план дальнейших действий: сейчас он должен съездить к Артему домой и выяснить у семейства ресторатора про судьбу их главы. А дальше... Влад потер ладони и громко хлопнул. А дальше он пойдет на встречу в «Искру». Все, — сказал он себе, — это даже не обсуждается! Здоровью не повредит, как сказала вчера Лиза.

Такси остановилось возле забора, оплетенного серым ажуром девичьего винограда. Машину он решил не

отпускать, чтобы сэкономить время, и быстрым шагом направился к калитке. Артем Соколов жил в этом загородном доме уже около десяти лет. Влад любил приезжать сюда, особенно после того, как свой дом пришлось покинуть из-за развода. Когда еще он сможет купить другой дом — большой вопрос, но мечту такую втайне лелеял.

На звонок вышла домработница Стеша и ни слова не говоря, затворила за Владом калитку, после чего торопливо направилась обратно в дом. Это было немного странно, учитывая, что женщина по натуре была говорливая и давно знала Влада.

— Подождите здесь, — обронила она тихим голосом, когда он собрался подняться на второй этаж. — Хозяйка сейчас спустится.

Влад почувствовал себя неуютно от столь холодного приема. Возможно, подумал он, кто-то из домочадцев заболел или еще какие неприятности. Он остановился у камина и задумчиво окинул взглядом гостиную, в которой Соколовы обычно устраивали шумные праздники с кучей гостей. Вскоре раздались шаги на лестнице, и по звуку этих шагов Влад уже понял, что ему здесь не рады.

Жена Соколова вошла в гостиную и в растерянности остановилась.

— Здравствуй, Наташа.

Она вздрогнула и обернулась в его сторону.

— Здравствуй, Влад. Не сразу тебя заметила. Смотрю — диван пустой. А ты тут...

— Извини, что без предупреждения, я на минутку. Не хотелось по телефону.

Ее лицо, безучастное и бледное, вдруг оживилось.

— Что-то случилось, Влад? — она подошла к нему и пристально посмотрела в глаза.

Он пожал плечами, сделав неопределенный жест рукой.

— Да нет, вроде ничего особенного. Я всего лишь хотел узнать, где Артем. Не могу к нему дозвониться и, как я понимаю, дома его тоже нет.

Она сделала несколько шагов в сторону кресла, взялась рукой за спинку и бесцветно ответила:

— Нет. Он где-то в области. Там дела у него по закупке нового оборудования для кафе.

— Оборудования?

— Да, для кухни. Он собирался все модернизировать там.

— Он тебе давно звонил?

— Сегодня утром.

— А мне не отвечает. Странно... У вас все в порядке? — резко спросил он.

— Почему ты спрашиваешь? — она заволновалась и стала пальцами разминать спинку кресла.

— Наташа, я просто так спросил, тихо у вас как-то, непривычно... а где Вера Аркадьевна?

— Мама приболела немного, в комнате у себя. Погода такая неустойчивая, давление скачет.

Она будто обрадовалась, что появилась возможность поменять тему.

— Очень жаль, — сочувственно ответил Влад. — А я даже без гостинцев. Передавай ей мои пожелания здоровья.

— Спасибо, Влад. Мама тебя очень любит. Вот теперь будет переживать, что не удалось с тобой поболтать и в картишки перекинуться.

Он засмеялся и подошел к Наташе.

— Это мелочи. Было бы здоровье. Как поправится, я мигом примчусь скрасить ее досуг. Я теперь в некотором роде безработный. Времени полно свободного.

— Как это, Влад? А говоришь, ничего не случилось, — участливо произнесла она. Ее лицо несколько оживилось, появились краски, глаза заблестели.

— Ничего, думаю, это временное явление. Кризис. Бывает не только в экономике, как ты понимаешь.

— Это тот момент, когда, говорят знающие люди, требуется отдых и новые впечатления. Как дела у Насти?

— Слава богу, в порядке. Ну что ж, я пойду, — в его глазах читался немой вопрос. Наташа это почувствовала и отвела взгляд. Она не стала его останавливать, и это обстоятельство добавило тревоги.

Открыв дверь, он попросил:

— Если будешь разговаривать с Артемом, скажи, что я очень хочу его увидеть.

— Конечно.

Домработница, накинув на плечи шаль, вышла проводить его до калитки. Таксист, увидев Влада, запустил двигатель.

— Стеша, у вас все в порядке? — не выдержав, спросил Влад и придержал рукой калитку.

— Вы про что, Владислав Петрович? — не глядя на него, спросила женщина.

— Про все. Что у вас происходит?

— У нас все в порядке, — нажимая на каждое слово, ответила она и с силой закрыла за ним калитку.

Всю дорогу до торгового центра, ему не давала покоя мысль, что в доме Соколовых что-то происходит, что-то очень нехорошее и куда более серьезное, чем его неприятности с продюсером. Отпустив такси, он вышел недалеко от «Искры». Кто придет с ним на встречу и придет ли вообще? Не станет ли он посмешищем потом где-нибудь в соцсетях или, того хуже, на видео в ютубе?

Началась метель, он поднял воротник куртки и нахлобучил шапку. Войти решил не с главного входа, а с бокового, малоприметного. Поднявшись на второй этаж по узкой лестнице, он остановился у стеклянных перил перехода, откуда открывался обзор на первый этаж и кафетерий. Было без нескольких минут двенадцать, среди посетителей никого для себя Влад не приметил. Мамочки с детьми, молодежь, средних лет парочка — у кого кофе, у кого сладости, а некоторые просто присели отдохнуть. Неожиданно раздался звонок мобильного.

— Владислав Петрович, добрый день, — раздался знакомый уже голос. — Что ж вы не спускаетесь? Я не кусаюсь, поверьте.

Влад невольно дернулся и еще раз глянул вниз. В дальнем углу, у служебной двери за столиком сидел крупный, седовласый мужчина в расстегнутой куртке с капюшоном, отороченным рыжим мехом. Он приветливо помахал Владу рукой, приглашая к себе за стол. Отпираться было бессмысленно, вся его операция с разведкой провалилась на корню. Влад еще раз глянул на незнакомца, но тот уже преспокойно пил кофе и не высказывал намерений следить за ним. Что ж, подумал он, не сбегать же сейчас, это уж точно будет выглядеть комично.

— Здравствуйте, — он слегка приподнялся и указал рукой на стул рядом. — Меня попросили заняться сегодняшними переговорами с вами.

— Так вы и есть тот самый Ракитин?

— Нет, Илья Федорович поручил это дело мне. Да, собственно, для вас это не имеет никакого значения.

Влад нахмурился и не проронил ни слова в ответ. Как говорится, назвался груздем...

— Итак, прямо к делу, — вздохнул он, будто ему сейчас предстояло копать лопатой траншею. — Нам нужен сценарий объемом на двухчасовое кино. Можно чуть меньше, но час сорок — это предел.

— Позвольте узнать ваше имя, — решил перебить его Влад.

— Да, простите великодушно, — улыбнулся он, — Валерий Неверов. На начальном этапе все вопросы вы будете решать со мной.

— Какое отношение к кинематографу имеет уважаемый мистер Ракитин?

— Никакого, — обрезал он. — Так вот, идем дальше...

Влад нетерпеливо поерзал на стуле, готовый сорваться в любой момент.

— Я не понимаю, — встрял опять Влад, — какое кино вы сможете снять в таком случае?

Неверов снисходительно улыбнулся, немного помолчал, глядя куда-то себе под ноги, и, дождавшись «тишины в классе», продолжил.

— Все, что будет с вашим сценарием в дальнейшем — чисто наша забота. Не обременяйте свою голову лишним, не отвлекайтесь от главного. А главное — написать сценарий о любви, предательстве, торжестве добра над злом и прочей милой ерундой.

Влад почувствовал, как у него глаза съехались к носу. Чем-чем, но мелодрамами он никогда не занимался.

— У меня несколько иная, как бы сказать... специфика. Триллер, детектив.

Мужчина ладонью провел в воздухе жирную черту.

— Этот вопрос, я думаю, вы решите для себя. Кто знает, может, новая специфика вам придется больше по душе.

Влад кивнул, затем задал вопрос, который ему самому тут же показался глупым:

— А что с подбором актеров?

— Маэстро Семенов, вы, мне кажется, меня не поняли. Вы пишете, а мы платим деньги. Все! Судьба сценария вас не касается. Это частное дело заказчика. Возможно, он сам будет сниматься в главной роли. Или его жена. Ваше имя нигде фигурировать не будет. Так что имидж сценариста Семенова не пострадает.

Владу стало тоскливо. На кой черт он сюда приперся? Какая еще мелодрама? Он уже мысленно представлял себе свои муки перед белым листом.

— Не знаю даже, что ответить...

Неверов кивнул.

— Для этого я вас и пригласил сюда. Не торопитесь, все обдумайте. Сроки будут достаточно жесткими — полтора месяца. В случае невыполнения...

Влад уставился на своего визави в ожидании ответа, что же его ждет в случае авторского прокола.

— Ну, об этом пока рано говорить, — тут же свернул Неверов тему. — У вас есть три дня на обдумывание. — С этими словами он поднялся. — Я сам с вами свяжусь. И да, — он наклонился к столу и, взяв салфетку, написал маркером большие, жирные цифры. — Это ваш гонорар. Я к тому, чтобы думалось веселее.

Влад вполглаза глянул на сумму, потом перевел взгляд на Неверова.

— Вы это серьезно?

— Серьезней не бывает. — Он сам еще раз глянул и пальцем пересчитал нолики. — Все верно. Думайте. —

Убрав салфетку в карман, он задвинул стул и кивнул на прощанье. — Всего доброго. Я свяжусь с вами.

Влад ничего не ответил. Человек творческий, он понимал, что фантазировать можно сколь угодно смело, но по той же самой причине он весьма скептически относился к так называемым чудесам в реальной жизни. Та сумма, что была ему продемонстрирована, выходила за рамки его понимания. Игорь Павлов, чтоб ему пусто было, отстегивал за самый удачный сценарий раз в пять меньше.

Взяв кофе и печенье, он вернулся за столик. Ни о чем думать не хотелось. За окном по-прежнему ветер и снег исполняли свой безыскусный танец. Все просто, все понятно. Скучно, зато без подвоха. Он задумчиво жевал дорогое, фирменное печенье «Искра» и не чувствовал вкуса. Перебрав в уме события последних дней, он пришел к неутешительному выводу, что началась полоса, которую ни черной, ни белой не назовешь. Все как-то зыбко, шатко, туманно и, главное, ненадежно во всех отношениях. Болото, одним словом. Со всем комплектом нечисти.

Домой он шел пешком. Потом долго у квартиры стряхивал с себя налипший снег. Из-за двери слышался трезвон домашнего телефона. Забежав в прихожую, он тут же схватил трубку. Женский голос показался ему незнакомым.

— Квартира Семенова?

— Да, вы не ошиблись...

— Я звоню вам по поручению семьи Волошиных.

— Слушаю внимательно, — Влад почувствовал в своем голосе фальшь. Его внимание сейчас сосредоточилось на одном — липучее ощущение катастрофы. Оно сковало ему дыхание, лезло за шиворот, парализовало руку, в которой он держал трубку...

— Ваш друг, Павел Волошин, скончался сегодня утром. Очень жаль сообщать вам такую весть. О дате похорон пока точно неизвестно.

Владу показалось, что трубка в его руке стала тяжелой, как гиря. Он изо всех сил старался ее не уронить.

— Подождите! — взвизгнул он неожиданно тоненьким голосом. — Почему умер? Что произошло?

— Извините, мне еще много звонков сделать надо. Эксперты пока не назвали причину. До свидания.

Его бил озноб. Не разуваясь, Влад так и пошел в гостиную с трубкой в руке, слушая унылые гудки, пока его не остановил грохот упавшего на пол аппарата. Он вернулся в прихожую, поднял телефон, разулся, постарался успокоиться. Надо было обзвонить знакомых... только, похоже, этим уже занимаются. Артем не отвечает, а ведь именно с ним в первую очередь хотелось поговорить. Позвонить Наташе? Поразмыслив, он отказался от этой затеи. Им точно сообщат. Пальцы машинально отыскивали в мобильнике Настю.

— Да, — глухо отозвалась она.

— Настя, нехорошие новости.

— Господи... не пугай меня...

— Паша Волошин умер.

— Как это? Что случилось?

— Не знаю. Я ничего не знаю, Настя. Мне позвонили сейчас чужие люди. Сказали, что по поручению семьи...

Короче, даже не представляю к кому обратиться за разъяснением. Сказали почему-то про экспертов, что пока нет заключения, и когда будет — неизвестно.

— Влад, извини, я тоже не смогу сейчас приехать. Но постараюсь узнать что-нибудь. Все, дорогой, до связи.

— До связи... — прошептал Влад.

Павел заболел накануне его дня рождения. Но никто ведь не сказал, что это было что-то угрожающее жизни. Мало ли болеют люди. Потом выздоравливают. Стремительная смерть после недолгой болезни... странно все это. Насколько ему известно, Павла не оперировали.

Он обхватил шею руками, будто пытаясь освободиться от чьих-то тисков. И квартира ему сейчас показалась тесной клеткой, в которой он мечется и на свободу никак не может вырваться. Влад заглянул в буфет, неожиданно обнаружил там виски и очень удивился этому обстоятельству. Ему никогда не нравился этот благородный напиток. Не понимал он в нем толк. Но сейчас не до изысков. Поспешно откупорив бутылку, он, расплескивая, наполнил низкий стаканчик до краев и, судорожно глотая, выпил до дна. Уткнувшись носом в кулак, он тихо, почти без слез, заплакал, сдерживая себя, чтобы не разрыдаться в голос.

Надо было съездить к Волошиным, нельзя отсиживаться дома в ожидании вердикта каких-то там экспертов. Влад подошел к зеркалу в ванной и невольно отшатнулся: оттуда на него смотрел небритый и нетрезвый тип с угрюмым выражением лица. И возрастом лет на десять как минимум старше. Он долго ополаскивал лицо ледяной водой, прежде чем отражение в зеркале стало более или менее сносным. Еще он пожалел, что принимал спиртное. Нужна была машина, и на данный момент подошла бы арендная, но сегодня уже этот вопрос не решить.

Возле дома, где жил Павел, стояла скорая помощь. Поднимаясь по лестнице, он встретил спускающихся вниз медиков. На душе стало тяжело, и ноги словно налились свинцом и едва слушались. В его жизни событий, связанных со смертью, было не так и много. В основном уходили в мир иной довольно пожилые родственники, смерть которых вызывала глубокую печаль, но не вопросы «почему так рано».

Подойдя к двери, Влад некоторое время стоял, пытаясь уговорить гулко стучащее сердце. Однако едва он услышал мелодичный звук звонка под своим пальцем, как оно едва не выпрыгнуло из груди.

Дверь открыла дочка Паши Татьяна, худенькая девочка тринадцати лет, очень похожая на отца своими большими синими глазами в обрамлении пушистых черных ресниц.

— Дядя Влад, здравствуйте, — она опустила вниз голову и отошла немного в сторону, пропуская его в квартиру. — Хорошо, что вы пришли, маме совсем плохо.

Рита вышла из спальни и, увидев Владу, подбежала к нему.

— Влад, у нас горе, — она уцепилась ему за рукав и потащила в кухню.

Плотно прикрыв за собой дверь, она свистящим шепотом, скрывая свой рвущийся наружу крик, проговорила:

— Влад, Пашку отравили! Он умер только что в больнице... Я не знаю, что делать, как Тане сказать. Она еще не знает...

— Как это отравили, — у Владу вытянулось лицо. — Что ты такое говоришь? Кто?! — тоже шепотом прокричал он.

— Я не знаю, — она безостановочно мотала головой. — А ты пришел к нему? Думал, что он просто лежит дома и болеет?

Владу показалось, что он попал в ловушку времени. Противная тошнота подкатила к горлу, он подошел к раковине и открыл кран.

— Что с тобой, ты очень бледный, — Рита взяла из шкафчика чашку и подала Владу. — Надо сообщить родственникам... нет, вначале надо сказать Тане. Бедная девочка...

Влад, сделав пару глотков, поставил чашку в раковину и обернулся к Рите.

— Извини, я что-то расклеился не вовремя. Рита, я приехал к вам не навещать Пашу, а потому, что мне по телефону сообщили о его смерти.

— Тебе уже сообщили? Из больницы? — Рита медленно опустилась на стул. — Почему именно тебе, а потом только мне...

Она неотрывно смотрела на него с жалкой улыбкой, как ребенок, не понявший шутки взрослых.

Он присел рядом с ней.

— Рита, пожалуйста, соберись и скажи мне, когда умер Паша? — Влад взял ее за руку.

У нее потекли слезы.

— Когда? Вот сейчас приехали из больницы и сказали. И еще укол мне какой-то сделали. Минут сорок или час назад и умер.

— Прости меня, но я должен тебе сказать, что мне об этом сообщили больше двух часов назад. Позвонила женщина и сказала, что семья Волошиных извещает вас... ну и так далее. А ты говоришь, что совсем недавно.

— Как же так? Два часа назад... А что за женщина?

— Я не знаю. Сказала, что по поручению вашей семьи... На домашний телефон. Но это ничего не значит, я все равно узнаю номер, с которого звонили.

— Они мне и справку привезли, — лепетала Рита, уставившись бессмысленным взглядом в пространство перед собой.

— Подожди, Рита, тебе про отравление сейчас сказали?

Рита осторожно освободила руку и приложила ладонь ко лбу, словно проверяя температуру.

— Нет, Влад, про отравление мы узнали вчера, когда Паше стало хуже и его на скорой увезли в больницу. Мы ведь думали, что у него вирусная инфекция в тяжелой форме, а там сделали какие-то анализы и сказали, что токсичное вещество... потом увезли в реанимацию. Меня отправили домой, а сегодня все закончилось... — Она закрыла лицо руками, и ее плечи затряслись.

— Рита, Рита... постарайся взять себя в руки. Надо сейчас с дочкой поговорить.

— Да... я сейчас... бедная моя девочка, она просто обожала Пашу.

— Странно, что никто больше тебе не звонит. Та женщина сказала, что у нее еще много звонков в связи с этим.

Рита посмотрела на Влада и покачала головой.

— Я никого ни о чем не просила. Врач только что вышел от меня, и тут же ты в дверь. Кто посмел звонить от моего имени... Два часа назад? Так он еще живой был, — она не моргая смотрела на него. — Влад, мне что-то не нравится это все. Ты Артему сообщил?

— Он был бы первым, кому я позвонил. Только не могу я с ним связаться, уже третий день его телефон для меня недоступен. Не нравится и мне все это, Рита.

— Артем не отвечает на твои звонки? Это новость... Влад, а что у тебя с лицом? — Она показала пальцем на бровь, потом на губу.

— Да, ерунда. По сравнению... — Влад запнулся. — Заживет. Меня машина сбила позавчера. Но, как видишь, довольно удачно как-то. Выкрутился, в общем.

Рита охнула и оглянулась на дверь.

— Господи, Влад, не пугай меня. Я не верю в цепь случайностей. Так куда подевался Артем. Надо Наташе позвонить...

— Рита, — он сжал ее за плечи, — я был сегодня у Наташи. Она не захотела говорить со мной об Артеме. Дома его нет, в кафе он тоже не появлялся. Я так и не мог понять, что у них там в доме происходит, но что-то происходит нехорошее — это точно.

Она с недоверием покосилась на Влада.

— Он жив хотя бы? Как это его нигде нет, и его что, никто не ищет?

— Не поверишь, он иногда звонит на работу и домой, но ему никто не может позвонить. Как и я, собственно.

Рита нахмурилась и взялась за сердце.

— Что-то мне нехорошо. Голова кружится. Они мне укол сделали, наверное, успокаивающий.

Они вышли из кухни. Рядом с дверью, на полу, сидела Таня, ее лицо было залито слезами.

— Танюша, — Рита сползла на пол рядом с дочерью.

— Мама, это правда?

— Что правда?

— Что папа умер! — закричала она и вскочила на ноги. — Вы там говорите на кухне про моего папу, а мне ни словечка!

— Таня, — Влад попытался ее взять за руку, но девочка отскочила в сторону. — Мама тебя очень любит и не знает, как сказать про такое... Извини нас. Вы сейчас должны помочь друг другу.

Таня убежала в свою комнату, громко хлопнув дверью. Рита так и осталась сидеть на полу, прикрыв глаза. Вяло махнув рукой, она прошептала:

— Ничего, мы как-нибудь... ты иди, Влад. Нам надо с дочкой все это как-то осознать... Я потом позвоню тебе, когда похороны. Я всем позвоню сама, потому что это мое горе, мой долг... Береги себя.

Он шел по улице, не замечая, что в расстегнутое пальто ветер задувает снег, что шарф одним концом едва держится за шею, развеиваясь шейфом за спиной. Шапку он нес в руке, и не знал, куда ему идти, что делать и как быть со всем тем, что происходит. Поговорив с Ритой, он почувствовал, что все события последних дней не простая череда неприятностей разных мастей. Во всей этой истории про «тридцать три года» Владислава Семенова вырисовывался некий сценарий с центральным стержнем, написанный отнюдь не его легкой рукой. Он старательно пытался загнать свои мысли в русло здравомыслия и посмотреть на все глазами «атеиста», но все его потуги только усугубляли ощущение надвигающегося продолжения драмы.

Он прошел почти три квартала, когда сзади его окликнули. Влад вздрогнул, ему почудился голос Артема, он резко обернулся, но, не заметив никого знакомого, решил, что ослышался. Только сейчас он увидел, что протопал добрую половину пути до своего дома.

— Петрович! Зазнался совсем! — услышал он рядом и остановился.

Его догнал писатель Кистень. Когда-то Влад написал сценарий по его роману, и некоторое время они достаточно тесно контактировали на профессиональной почве.

— Виктор, — Влад широко улыбнулся, — я очень рад тебя видеть. Сколько лет, сколько зим!

— И не говори, — Кистень протянул ему руку, — я уж подумал, ты где-нибудь по заграницам дрейфуешь.

Влад удивленно посмотрел на писателя — чернявого, всегда излучавшего веселье и доброе расположение духа украинца.

— С чего вдруг? Я, брат, заклятый патриот.

Виктор расхохотался.

— Не-е, патриоты, дружище, как раз в этом деле толк знают и патриотично жарятся на нежных песках весьма дальнего зарубежья. Слушай, ты куда-то спешишь?

Влад не мог ответить на этот вопрос даже самому себе. Он бежал от чужой беды, только дороги все замело и пути он не знает. Нет у него ориентира в нормальную, безмятежную жизнь со всеми ее превратностями, подъемами и спадами, со скандалами с Глашей, со счастливыми минутами общения с детьми.

— Трудно сказать, Витя. То ли спешу, то ли убегаю.

— От кого? — кокетливо пропел писатель? — Я тебе могу помочь?

Влад похлопал его по плечу.

— Спасибо. Учту, если совсем туго станет.

— Знаешь, у меня час-полтора свободны. Может, зайдем куда-нибудь, перекусим? У меня сегодня с утра ни крошки во рту.

Влад неожиданно для себя согласился. Возможно, решил он, еда и говорун Кистень как-то отвлекут его хотя бы на время от дурных мыслей.

— Кстати, твой последний сценарий скоро мы увидим воплощенным на экране? — поинтересовался писатель, когда официант принес еду.

Этот вопрос, как кость в горле, испортил последние намеки на желание поесть.

— Не могу тебе сказать, Витя. Я пока его еще не отдавал, — соврал он, чтобы как-то закрыть вопрос. — Хочу кое-что подправить, а местами и кардинально поменять. Так что...

— Знаешь, я тебе завидую, — обронил он совсем не в тему, ловко расправляясь с куском ростбифа.

— Правда? А я тебе завидую, — ответил Влад, вкладывая в это совсем иной смысл, нежели могло показаться писателю.

— Брось. Мои книги даются мне совсем не так легко, как может показаться со стороны.

— Витя, они читаются легко. А это дорогого стоит.

Кистень как будто приуныл, но это было лишь краткое мгновение, и вряд ли посторонний глаз уловил бы эту перемену в выражении его лица.

— Ага! Зато пишутся... — он бросил на тарелку столовые приборы, взмахнул руками и закатил глаза, но тут же рассмеявшись, продолжил трапезу.

— Неужели трудно? — из вежливости поинтересовался Влад.

— Не дай Бог, Петрович. Чистая каторга... Меня постоянно тянет отвлечься, передохнуть, как будто во мне сидит злоумышленник, у которого одна единственная цель — не давать мне сидеть за столом. Я вот иной раз думаю, а не податься ли мне в сценаристы. Может, легче пойдет. Как ты думаешь?

Влад не сразу понял смысл вопроса, его мысли то и дело возвращались к необъяснимой смерти Павла Волошина.

— Послушай, Влад, я смотрю, наш разговор тебя не занимает. И вообще, ты как-то не нравишься мне сегодня, совсем не нравишься. У тебя все в порядке?

— Что? — будто очнувшись, спросил он. — Извини, задумался. У меня действительно проблемы. Умер друг. Паша Волошин.

Кистень перестал жевать и, склонив голову к плечу, спросил:

— Волошин... это король автомоек который?

Влад вздохнул.

— Ну какой там король. Но на хлеб с маслом зарабатывал. Я только что узнал. Так что извини, собеседник я сегодня неважный.

— Да... это, конечно... — он задумался на мгновение, затем выпалил: — так я ж с ним пять дней назад в бассейне был! На Степной. Хороший такой бассейн и сауна там приличная. Я, правда, чисто поплавать, а он, по моему, в сауну тоже заходил... Да, странная штука жизнь. Был жив-здоров... А причина? Сердце?

Влад неопределенно пожал плечами.

— Пока не знаем. Будет экспертиза.

— Я тебе сочувствую, Петрович. Ты крепись. Как говорится, пройдет и это.

Влад грустно усмехнулся и кивнул:

— Тут ты прав.

Рассчитавшись по счету, они вышли на улицу. Кистень вызвал такси и предложил Владу подвезти его до нужного пункта.

— Спасибо, Витя. Я еще пройдуся немного. Мне так легче.

Они обменялись рукопожатиями, и Влад быстрым шагом направился к ближайшему переулку, чтобы сократить путь домой. Ранние зимние сумерки уже опускались на землю, вызывая у Влада очередной приступ удушающей меланхолии. Он шагал по-армейски твердой походкой и мысленно чеканил слова в такт шагам: где-мог-отравиться-Павел, кто-мог-отравить-Павла, за что-отравили-Павла, почему-рядом-нет-Настя...

— Добрый вечер, — прервала его мысли пожилая соседка, с которой он столкнулся в дверях подъезда.

— Что? — невпопад спросил он и тут же, спохватившись, исправился: — Добрый вечер, Анна Аркадьевна. Простите, задумался...

— Ничего страшного, Владислав Петрович. Вы человек творческий. Не иначе новый сюжет обдумывали.

Владу неожиданно захотелось наругать её, но ситуацию спасла дверь, которая вовремя захлопнулась и разделила его с соседкой. Поднимаясь по ступенькам, он продолжил свою речевку, оставив в ней лишь слова про Настю. Действительно, ему сейчас очень не хватало ее. В отношении себя он таких иллюзий не питал. Вряд ли в ее планы входит возвращение к нему в ближайшее время. Мама — святое. Но беда в том, что вместе с мамой в кадре замаячил еще один странный персонаж — неизвестный мужчина в кафе. Коллега по работе? Возможно, но только не из ее редакции.

Он поймал себя на том, что давно стоит перед дверью своей квартиры с зажатым в кулаке ключом. Все потому, что эта дверь теперь — стена, в которую он упирается лбом от безысходности. Просто ему некуда больше идти, но и дома делать нечего. А ведь совсем недавно он любил свою небольшую, но очень уютную квартиру, где все располагало к творчеству — удобная мебель, хороший вид из окна, шкафы с книгами, и Настя — его беспристрастная муза.

Побродив по квартире, Влад остановился возле стола, за которым он обычно работал, провел ладонью по гладкой поверхности, ощутив приятную шелковистость натурального дерева. Работа была смыслом его жизни. И если он в ближайшее время не начнет писать, последствия могут быть, как говорят медики, необратимы. Он сел в кресло, крутанулся пару раз и ухватился руками за ноутбук. Вот он, благословенный сборник человеческих знаний, мудрости и вселенской глупости. От четкой работы этого ящика зависела вся его жизнь. Влад не мог объяснить сам себе, почему писать на бумаге у него никогда не получалось. Дай ему с утра ручку и белый лист, он так и останется к концу дня идеально чистым. С точки зрения психологии это, наверное, имеет свое объяснение, но чисто по-человечески ему было обидно. Будто ущербность какая. А ведь классики перьями скрипели, и с фантазией проблем не испытывали.

Пальцы легли на клавиатуру и вывели заголовок: «Проклятый день». О чем заголовок, он понимал прекрасно, этот день он не забудет никогда, а вот что последует ниже... Сегодня ему предложили написать мелодраму. Смешно сказать. Правда, гонорар далеко не смешной. Вспомнив о сумме на листке, Влад, крикнув, поскреб затылок. Что это за люди? Не блеф ли? Для какой надобности людям киносценарий, если они никогда не смогут сделать из него настоящее кино? Этот Неверов позвонит через три дня, а ответ как-то не вырисовывается. Более того, Влад понимал, что уже завтра он будет склоняться, скорее, к «нет», нежели к «да», потому что подобное предложение выходит за рамки здравомыслия. Хотя, что греха таить, ему никогда не был чужд дух легкого авантюризма.

Вскоре на столе появилась большая чашка кофе, чуть поодаль блюдце с несколькими ломтиками сыра и стопочкой крекеров. Это так, чтобы не отвлекаться на перекусы. Теперь сюжет. Так все-таки мелодрама или детектив? Господа Ракитин с Неверовым держали его за шиворот над пропастью со своим предложением. Вполне может так случиться, что, как сказал этот тип на встрече, новый жанр придется ему по вкусу. Да, теоретически он допускал такой вариант, но только теоретически. А практически... Влад прищурил глаза и представил себе сцену, где он рассказывает об этом предложении, к примеру, сценаристу Резунову, человеку амбициозному и достаточно успешному. Итак, что бы ответил тот? Влад хмыкнул, мысленно увидев выражение лица Резунова. «Да я тебе любую Санта-Барбару накропаю за такие деньги!» — ответил бы он. И ведь точно накропает!

Влад нахмурился и забросил в рот печенку. Похрустев, запил глотком кофе и тяжело вздохнул. Может, поговорить с Неверовым и перекинуть заказ на Резунова? Нет... похоже, что его мнением в данном случае никто не интересуется. И здесь два варианта — либо он соглашается, либо нет. Тут же неприятно заныло в груди: а есть ли шанс у него на второй вариант? Деньги нужны как воздух.

От мыслей отвлек завибрировавший мобильник. Глянув на экран, Влад подскочил с кресла — Павлов! Собственной персоной!

— Да, слушаю, — едва совладав с голосом, ответил он.

— Влад, добрый вечер, — прохрипел в трубку продюсер. — Слушай, нам бы не мешало с тобой встретиться, есть о чем поговорить. Я про твой сценарий, — он закашлялся.

— Да-да, я понял... вы заболели, Игорь Иванович?

— Есть немного. Ерунда. Ты когда сможешь приехать ко мне в офис? Я сейчас здесь как раз.

— Если вам удобно, через полчаса буду на месте.

— Давай...

Он стоял в каком-то странном оцепенении, не в силах понять, что сейчас испытывает — радость или разочарование. О чем именно собрался говорить Павлов? Как-то весьма туманно он излагал свои мысли. К тому же, чувствовалось, что человек конкретно болен, и рабочие встречи ему вряд ли удобны. Тогда что? Можно предположить, что он, по-видимому, решил принять сценарий или отказать, но не через секретаршу, а при личной встрече. Короче, полгода, объявленные ранее, как-то рассосались. И велика вероятность, что его приглашение — знак хороший. Зачем вызывать его для того, чтобы лишний раз сказать, что работа не устраивает? Нелогично. Влад, словно очнувшись, бросился лихорадочно собираться, не забыв прихватить с собой папку со вторым экземпляром сценария. По дороге он позвонил Лизе и сообщил ей, что, похоже, Павлов, как она и предполагала, все же одумался и решил принять его сценарий.

— Правда? Я очень рада. Но ничего в этом удивительного нет, потому что вы по-настоящему талантливый человек. А разбрасываться талантами ни один режиссер не станет. Я вас поздравляю.

— Ну, поздравлять пока еще не с чем. Вот иду на встречу. Сам позвонил. А хотите, я угадаю, что вы сейчас делаете?

— Я? И что же...

— Улыбаетесь, — рассмеялся Влад.

— Э-э-э... как это вам удалось?

— Все просто. Меняется интонация.

Она засмеялась в ответ.

— Ну да, это ведь элементарно.

— Если все сложится удачно, то мы с вами это обязательно отпразднуем. Вы согласны?

— Пожалуй, у меня нет повода отказать. Главное, чтобы пророчество сбылось. Буду держать пальцы крестиком.

— Спасибо. Я завтра вам позвоню.

Дом, в котором Павлов снимал довольно просторное помещение для работы, располагался почти в центре города, но при этом в глубине от шумных улиц. Ухоженный тихий двор и старое, сталинских времен здание, реставрированное по современным технологиям — все это привлекало сюда людей обеспеченных, богемных. Насколько было известно, по соседству с Павловым у художника Тимирязева была здесь мастерская, этажом выше жила пианистка Зоя Вересова, которая по большей части находилась на гастролях и домой появлялась в редкие периоды межсезонья.

Было около восьми вечера, когда Влад Семенов подошел к подъезду и попытался набрать номер квартиры на домофоне, но потом заметил, что прибор не светится и, потянув легко поддающуюся дверь, вошел в плохо освещенный подъезд. Апартаменты Павлова располагались на довольно высоком первом этаже. Подойдя к двери, Влад на время остановился, мысленно пожелал себе удачи и нажал кнопку звонка. Знакомый мелодичный перезвон неожиданно громко раздался совсем рядом. Не услышав шагов, он, спустя некоторое время, позвонил еще раз, затем повторил попытку. Больше трезвонить в чужую дверь было уже неприлично, и Влад достал из кармана мобильник, чтобы выяснить причину. Однако звонить не стал, потому что квартира оказалась вовсе не заперта — тонкая полоска света сочилась по краю двери.

Первое, что пришло на ум — Павлов вышел к соседям и забыл запереть за собой дверь. Постояв немного, Влад все же решил войти.

— Игорь Иванович!

Он подождал. Из глубины квартиры слышался лишь звук работающего телевизора. Сделав несколько шагов по направлению к распахнутым дверям гостиной, он еще раз позвал:

— Игорь Иванович! Вы дома?

Влад в растерянности стоял на пороге комнаты и не очень понимал, что ему дальше делать. Уходить не солоно хлебавши как-то совсем не хотелось, слишком много зависело от сегодняшнего звонка Павлова. Если они с Павловым продолжают работать, как в былые времена, то про эту глупость с мелодрамой можно забыть.

В конце концов, он громко постучал по деревянному наличнику и заглянул в гостиную.

— Игорь Иванович, это я, Семенов!

В ситуации ничего не изменилось. По-прежнему тихо работал телевизор, и никаких других звуков слух Влада не улавливал. Он не сразу понял, почему именно работающий телевизор вдруг так взволновал его. И только потом

сработала память — Павлов никогда не смотрел телевизор. Он использовал экран только лишь для просмотра отснятых эпизодов через компьютер.

Не разуваясь, он прошел в комнату и осмотрелся вокруг. Из-за спинки дивана, стоявшего почти по центру комнаты, виднелась макушка Павлова. Он сразу узнал всклокоченные седые кудри режиссера, которые, казалось, совершенно не подчинялись расческе. Уснул что ли? — подумалось ему, хотя по своим внутренним ощущениям он уже понимал, что это не так. Во рту вдруг пересохло, и в ногах появилась предательская слабость. Обойдя диван вокруг, он остановился напротив известного продюсера и режиссера Игоря Павлова, остекленевшие глаза которого безразлично смотрели на гостя, рот был широко открыт, неестественный румянец во всю щеку и при этом синюшный подбородок не оставляли шансов на то, что этот человек жив.

Влад медленно попятился, пока не уткнулся спиной в стену. Он не мог оторвать взгляда от этой картины под названием «Убийство». Павлов был сухощавым, маленького роста человеком, и голос у него был высоким, при этом каким-то мягким, домашним. Несмотря на эти внешние характеристики, по натуре режиссер был очень сильным, волевым мужчиной, который держал в трепете самых высокооплачиваемых актеров и сценаристов. И что самое загадочное — его обожали женщины.

Не в силах сдвинуться с места, Влад будто прилип к стене. Он пытался понять, почему он чувствует себя причастным к смерти Павлова. Его ладони вспотели, он беспрестанно оглядывался по сторонам, будто в поиске еще одного свидетеля, когда в один момент не понял вдруг, что внешний вид Павлова совпадает точь-в-точь с описанием жертвы в его сценарии. Отравление цианидом...

На полу валялись бумаги. Влад опустил и поднял ближайший к нему лист. Это был его, Влада, последний сценарий «Твои тихие глаза». Скользнув взглядом по остальным бумагам, он наткнулся на отпечатанное на большом листе крупным шрифтом послание: «Это все твоих рук дело, Семенов! За что же ты меня всегда так ненавидел?»

Скомкав лист, он засунул его в карман, затем попытался собрать дрожащими руками валявшийся сценарий. Он знал, что паника сейчас не лучший советчик, но времени рассуждать здраво практически не было. За окном неожиданно завывла полицейская сирена, и Влад понял, что он в ловушке. Вытащив носовой платок, он метнулся к входной двери и быстро протер ручку с двух сторон. Закрыв дверь, он помчался в ванную комнату, там было окно, выходящее на улицу, в торец дома. Папку со своим экземпляром сценария он затолкал за пазуху и, надев перчатки, открыл окно. За углом, возле подъезда, слышались голоса и звук хлопающих дверей автомобиля. Зубы стучали, руки плохо слушались, но время поджимало, и Влад, собрав всю волю в кулак, перевалился через подоконник на улицу. На его счастье, под окном был сугроб, хотя и не такой пушистый, как хотелось бы, но достаточный, чтобы смягчить удар с высоты трех метров.

Он вышел во двор ближайшего дома и сел на скамейку. Только теперь он понял, что повредил ногу. То ли вывих, то ли перелом. Надо бы вызвать такси, но было страшно, что на его хромоту обратит внимание шофер и запомнит его лицо.

Спустя час, Влад добрался до остановки, что была на параллельной улице, и сел в первый подошедший автобус. Доехав почти до конечной остановки, он пересел в машину частного. И только там, когда он полез во внутренний карман пальто, чтобы рассчитаться с водителем, его словно током ударило: исчез шарф! От страха он никак не мог вспомнить, надевал ли он его вообще.

Едва перешагнув порог квартиры, он тут же принялся за поиски шарфа. Увы, аксессуар исчез бесследно. Осталась надежда, что он потерял его где-то на улице. В конце концов, решил он, шарф не стакан и отпечатков пальцев на нем не могло быть. Остаток вечера Влад провел в кровати, примотав пакет со льдом к ноге. Перелома не было, как он понял, и это, пожалуй, был единственный приятный момент за весь день. Несколько раз он перечитал скомканный лист с обвинениями в свой адрес. Что произошло там, в квартире режиссера, он не мог предположить, даже подключив весь арсенал своей профессиональной фантазии. Да уж, правду говорят, что жизнь намного причудливее самой сказочной придуманной истории.

Были моменты, когда он порывался сжечь злополучный лист, но потом вновь и вновь перечитывал его, словно заучивая текст наизусть. Кто мог написать подобную дрянь? В его голове не возникало ни одного мало-мальски складного объяснения. Почему это он вдруг виноват в смерти Павлова, и про какую ненависть там толковали? Влад относился к Павлову, как к коллеге, который имел возможность воплощать его замыслы на экране. На него можно было злиться, с ним не обязательно было соглашаться в чем-то, но ненавидеть.... Нет, это уж слишком! Гораздо проще поменять партнера в общем деле. И как раз этого Владу меньше всего хотелось.

Когда раздался звонок мобильного, у Влада едва не выскочило сердце. Нервы были на пределе.

— Влад, это я, — раздался голос Насти. Владу показалось, что произнесла она эти слова как-то слишком сухо и холодно.

— Привет. Как дела? — осторожно спросил он.

— Я по поводу Волошина.

Влад невольно приподнялся на постели.

— Павла отравили в бассейне. Предположительно, конечно. Просто совпадает по времени с ухудшением его самочувствия. Пока это единственная версия, доступная нам. Остальные детали известны узкому кругу прокурорских. Дело серьезное... Але, ты слышишь меня?

Влад прокашлялся.

— Да, конечно же, слышу.

— А ты себя нормально чувствуешь?

— В общем, да. А почему ты спрашиваешь?

— Странный голос у тебя. Отстраненный.

— Обычный. Я размышляю...

— О чем, Влад?

— О многом. Ты позвонила, чтобы про Павла мне рассказать?

— Ну, да.

— Спасибо. Я и сам догадывался, что дело серьезное.

— Еще я звоню, чтобы ты был осторожен.

— Это ты к чему? Я-то кому нужен, чтобы травить меня.

— Откуда нам знать, кто кому нужен. У Павла тоже вроде врагов не было.

— У Павла бизнес. Пусть без особого размаха, но все же дело, которому могли завидовать, и к тому же у него были конкуренты. А что я? Волк-одиночка. Сам пишу, сам предлагаю. Хотят берут, не хотят — не берут. С меня нельзя отщипнуть кусок способностей, и я не участвую в соревнованиях на звание «лучший сценарист года».

— Влад, не зацикливайся на своей профессиональной стороне. Человек сам по себе бывает ненавистен другому человеку, даже не подозревая об этом.

Рассуждения Насти вызвали раздражение у Влада, потому что неожиданно она озвучила мысли того, кто написал ему послание.

— Я понял. В бассейн не планирую ходить, в магазинах покупаю все сам, в ресторанах перестану питаться в целях экономии.

— Влад, извини, похоже, я тебе помешала. Больше не буду беспокоить.

— В каком смысле? — живо поинтересовался он. — Ты решила не возвращаться ко мне?

— Ты же знаешь, у меня обстоятельства. Маме уже лучше. Потом поговорим.

— Стесняюсь спросить, а что же у нас случилось с мамой? Ты ни разу не озвучила диагноз.

Последовала продолжительная пауза, после которой Настя неопределенно пояснила:

— Это связано со сложным обследованием, под наркозом. Я потом тебе все объясню.

— Не обязательно. Раз не говоришь, значит, тебе так удобнее.

— Влад...

— Всего доброго, Настя, — он отключил связь. Ему сейчас было не до нее. В конце концов, не спрашивать же ее, с кем она обедала в кафе? Это выглядело бы довольно жалко. О чем еще можно говорить с женщиной, которой ты перестал доверять? И вообще, иногда бывает полезно побыть одному. В последнее время он замечал, что их отношения вошли в фазу «надуманного удобства». Иногда ему казалось, что они с Настей как две реки с разным химическим составом воды, вынужденные течь в одном русле. В какой-то момент неизбежно наступает определенная реакция, и воды рек отравляют друг друга. Откуда в его голове могла возникнуть подобная метафорическая теория, он и сам затруднялся объяснить. Но где-то было подозрение, что все началось совсем-совсем недавно. И первый звоночек прозвучал в день его рождения. Он встретил Лизу, женщину, которая, как дыхание легкого весеннего ветра, вызывала у него едва заметное, но очень приятное, головокружение. Влад не мог не заметить, что она все эти дни незримо присутствовала в его жизни, ежечасно, ежесекундно, не обременяя при этом своим реальным присутствием. Был ли это эгоизм с его стороны или что-то совсем другое, новое и серьезное, в чем он боялся пока еще признаться самому себе — неизвестно.

Влад поднялся с постели и проковылял на кухню. Он в очередной раз решил уничтожить улику из квартиры Павлова. Чиркнув спичкой, он уже поднес огонь к листу, но потом резко отдернул руку. А что, если это действительно может послужить уликой? На самом деле в расследовании важны любые детали, в том числе и такие. Кто-то же будет расследовать убийство режиссера, и когда-то же выяснится, кто на самом деле убил Игоря Павлова и за что. И, главное, при чем тут он, Владислав Семенов, сценарист с отвергнутым сценарием.

Тошнотворный комок застрял в горле. Влад вдруг осознал, что он будет одним из главных подозреваемых. Как же он сразу не сообразил, что отказ от сценария — самый что ни на есть реальный мотив убийства. И об этом знают как минимум три человека, кроме него самого. Настя, Лиза и секретарь Павлова. Или он еще говорил кому-нибудь? От волнения Влад не мог никак вспомнить, кому конкретно он еще говорил о своих проблемах. Хотя, какая разница? Сам режиссер мог рассказать об этом кому угодно. И потом там, в квартире, вокруг Павлова, как в

парке осенью, валялись листы с его сценарием. Именно его, а ни чьего-то там еще! Сценариста, которому отказано! Что первое может прийти в голову сыщику, глянувшему на эту мизансцену?

Влад схватился руками за голову и начал расхаживать по кухне, совершенно позабыв про больную ногу. Это была катастрофа! Сейчас, наверное, идут допросы соседей и, само собой, его секретаря Майи. Скоро, очень скоро доберутся и до его персоны. Он посмотрел на записку, лежавшую на столе, аккуратно сложил ее до размеров маленького квадратика и, поразмыслив, решил спрятать в кофемолку, которую подарила Настя, затолкав в выдвижной ящик. Потом он открыл шкафчик с лекарствами и отыскал там снотворное, которое иногда пила Настя, когда у нее были «взвинчены нервы». Похоже, что сегодня ему без этого снадобья тоже вряд ли удастся уснуть.

Вместе с утром вернулся страх — липкий, дурманящий сознание и парализующий волю. Паша погиб, Артем не отвечает, и смерть Игоря Павлова черной тенью расплзлась над его головой. Единственное, что пришло сейчас на ум — это позвонить администратору «Ласкового вечера». Владу, как воздух, нужен был Артем.

— Здравствуйте, Владислав Петрович, — надтреснутым голосом ответил на приветствие Григорий.

По телу Влада пробежала мелкая дрожь. Он уже понял, что хороших вестей про Артема нет.

— Жена Артема Сергеевича подала в розыск. Волошин пропал.

— Как это пропал? Ты же говорил, что он звонил на работу...

— Извините, но мне сейчас не до разговоров. Может, позже как-нибудь. У меня встреча со следователем. Что касается его звонков, то здесь все неоднозначно. Он и мне, и домой звонил. Но говорил дежурные фразы, на вопросы не отвечал. Потом перестал звонить.

Гриша отключился. Влад, закусив губу, старался сдержаться, чтобы не взвыть от бессилия. Волошина и Павлова отравили, Артем Соколов пропал, а для него самого, похоже, будет придумана особо изощренная казнь — медленная и мучительная. Влад пошевелил ногой и, не почувствовав боли, с облегчением вздохнул. Сейчас его хромота была бы совсем некстати. Он поднялся, сделал несколько шагов и решил для надежности перевязать щиколотку эластичным бинтом.

Заварив кофе, он принялся лихорадочно листать контакты в мобильнике. Как-то, пару лет назад, он обращался за консультацией к одному адвокату, работавшему в прошлом частным сыщиком. Консультация в тот момент нужна была ему для правдоподобности в сюжете сценария. Фамилию он уже не помнил, но, возможно, зрительная память что-нибудь подскажет. Отпив из чашки, он продолжал пальцем листать длинный список фамилий.

— Вот! — воскликнул он. — Так и есть — Потапов Егор.

Звонить сыщику он пока не собирался, но если что, желательно, чтобы контакт был под рукой. Следующим номером программы была машина напрокат. Расхаживать пешком и заказывать такси ему уже изрядно надоело. Как же все некстати! Размечтался о новой машине... а тут того и гляди за казенный счет будут катать. Влад передернулся, представив себя за решеткой. Уже в коридоре, глянув на себя в зеркало, он в сердцах выматерился и снял пальто. Покрытое щетиной лицо, красные глаза и ссадина над бровью — типичный образ затравленного неприятностями человека. Это сейчас для него непозволительная роскошь. Надо привести себя в порядок, надо держаться...

Через час Влад выехал из проката. Выбирать и прицениваться не стал, взял, что предложили. Форд Фокус был почти новым, в салоне еще приятно пахло заводской отделкой. Проехав пару километров просто так, без цели, он немного сбавил скорость. Машина есть, а что дальше? Куда ехать, что делать? Одно было ясно, что сидеть дома и ждать, когда случится очередное страшное событие, никак нельзя. Хотя, почему вдруг он решил, что еще что-то должно случиться? Может, все, что должно произойти уже произошло. Влад поморщился и включил приемник. Уж кому как ни ему было не знать, что в череде последних событий пока еще не поставлена точка, нет завершенности, не вырисовывается, так сказать, общая картина. Более того, похоже, именно сейчас задуманное кем-то действие будет набирать обороты. Спрятаться, зарыться в нору уже не получится, просто потому, что это опасно. И еще потому, что он не знает, откуда ждать очередного удара, и любое «укрытие» может оказаться смертельной ловушкой. Придется к этому как-то готовиться.

Свернув в первый же заулочек, он остановил машину. Пожалуй, сейчас салон автомобиля единственное безопасное место. Влад растер ладонями лицо, пытаясь сосредоточиться. Главное — это понять, где источник всех бед, что случились с Артемом, Павлом и режиссером. Волошин и Соколов никогда никаких дел не имели с режиссером Павловым. Они даже не были знакомы. И поставить их в один ряд никак не получалось: разная сфера деятельности, разные характеры... да что там рассуждать! Все у них разное.

Влад постучал пальцами по баранке, огляделся по сторонам и в зеркало заднего вида. Ничего примечательного и подозрительного не заметив, он прикрыл глаза и откинулся на сиденье. Не за что и зацепиться! Считать все это случайностями, не связанными между собой тоже как-то не получалось. Хотя... почему же не связанными? Влад открыл глаза и часто задышал. Как раз он, Влад Семенов, и является здесь центральной фигурой, вокруг которой разворачивается этот спектакль. Именно на нем замыкаются контакты каждого из них. И

какой из этого всего можно сделать вывод? В чем и перед кем провинился неудачник-сценарист? Провинился до такой степени, что наказывать приходится всех его друзей и соратников по профессии.

Он попытался восстановить в памяти все события последнего времени, где, возможно произошло что-то странное или настораживающее. Все безуспешно. В машине стало холодно. Надо было трогаться с места, ехать, жить дальше. Влад решил, что самое разумное будет сейчас жить так, как если бы ничего не случилось. Не поддаваться панике и суете. Что бы он сегодня делал, к примеру, если бы ничего ни с кем не случилось? Выбор не велик. Можно было засесть за обдумывание сценария треклятой мелодрамы. И, похоже, не сегодня-завтра этим и придется заняться. Но сейчас этот вариант отпадает сразу. Заниматься сочинительством в состоянии шока еще никому не удавалось, даже гению.

В добрые времена он позвонил бы Лизе, пригласил ее куда-нибудь. Увы, и еще раз, увы! Вчера он уже обговорил с ней повод для встречи — заключение договора с Павловым. Сегодня ему на этот счет нечего сказать. Пригласить, чтобы поговорить о смерти режиссера? Не смешно. Дьявол! А ведь она будет ждать звонка, и его молчание может истолковать по-своему. Придется вечером позвонить, придумать отговорку. Ну и последний вариант — поговорить с Настей, она умная женщина, и было бы интересно узнать, что она думает по поводу всего случившегося.

Он тронул машину с места и набрал номер Насти. В ответ услышал лишь бесконечные гудки. Бросив мобильник на сиденье, он поехал в сторону редакции, хотя вовсе и не рассчитывал ее там застать. Отпуск какой-то странный у нее, видите ли. Почему не объяснила толком, что случилось с матерью, почему не попросила его помочь ей... Возможно, Настя решила порвать с ним? Но такие вещи происходят, наверное, по-другому. Настя не тот человек, который будет юлить и выкручиваться. Она скажет честно, что, к примеру, полюбила другого.

Владу захотелось курить. Странное желание, никогда прежде не посещавшее его. Нервы, наверное... Все его рассуждения сейчас построены на логике простого обывателя. А жизнь, как оказалось, может подкинуть сюрпризы не укладывающиеся в стандартные схемы человеческого понимания. Так что... все возможно в этом мире.

Повернув на стоянку возле редакции, он аккуратно притормозил за красной БМВ. Эта машина некоторое время ехала впереди него и, как оказалось, в том же направлении. Влад уже взялся за ручку дверцы, как вдруг увидел, что из красного авто со стороны пассажирского места вышла Настя. Сказав что-то водителю, она захлопнула дверцу и пошла в здание редакции. Влад в растерянности остался сидеть на своем месте. Не прошло и минуты, как раздался звонок мобильного.

— Влад, привет. Извини, я не могла тебе ответить.

В трубке раздавался стук ее каблучков.

— Привет. Бывает, — проямлил он, чувствуя, что в горле застрял сухой комок.

— Так что ты звонил? Как твои дела? — буднично поинтересовалась она.

— Дела? Нормально. А как твои?

— Влад, я вся в заботах. Тут и по работе навалилось разного, еще и мама. С тобой все в порядке?

— Настя, со мной все в порядке. Не прыгаю от радости, сама понимаешь...

Раздался хлопок двери. Шаги стихли. Очевидно, она вошла в кабинет.

— Ну да, я понимаю. Ничего нового не узнал?

— Нет, откуда мне. В прокурорские круги, увы, не вхож. Вот, думаю, не принять ли предложения насчет сценария мелодрамы.

— Почему бы и нет? Займись, отвлечешься.

— От чего? От смерти Волошина? — огрызнулся Влад.

— Ну при чем тут это. Я про твою работу. Нельзя держаться за старое, надо двигаться вперед...

Ему стал неприятен этот разговор.

— Настя, ты где сейчас?

— Я? — она как будто споткнулась. — Я сейчас в магазине. А ты?

Это было неожиданно. В конце концов, ее присутствие в редакции вполне себя оправдывало и непонятно, зачем она решила соврать.

— А я дома. Сажу перед чистым экраном ноутбука...

Спустя полчаса Настя оказалась на крыльце. Водитель красной БМВ вышел ей навстречу. Влад пригляделся и сделал вывод, что это тот самый мужчина, с которым Настя обедала в кафе. Что ж, его надежды, что это кто-то из журналистской братии, не оправдались. Иначе, он, скорее всего, пошел бы вместе с ней в редакцию.

Влад почувствовал себя брошенной собакой, которую подло оставили на вокзале. Он не знал, как ему поступить в данной ситуации: то ли выйти из машины и поставить все точки над «и», то ли продолжать шпионить, что тоже не вызывало у него энтузиазма. Она стояла, спрятав лицо в высоко поднятый воротник, холодный ветер трепал ей волосы на макушке, а зябнувшие руки она попеременно прятала в карманах пальто. Он смотрел на Настю так, будто видел ее впервые и понимал, что эта женщина сейчас не имела к нему никакого отношения.

В боковое зеркало Влад видел, как они, вдоволь наговорившись, разошлись в разные стороны. Настина машина, как оказалось, стояла тут же, в следующем ряду. Они выехали со стоянки, а он так и сидел, не притронувшись к ключу зажигания, смакуя свою ущербность. Ему было безразлично, поедут ли они в одном направлении или нет. Он отвернулся от зеркала и, сосчитав до десяти, медленно тронулся.

Зачем он ехал к матери Насти, Влад и сам не знал. Возможно, он цеплялся за соломинку, чтобы удержаться в привычном ему жизненном русле еще какое-то время. До тех пор, пока он не освоится с новой реальностью, болезненно-жестокостью и пугающей.

— Влад?

Регина Николаевна очень удивилась его появлению. Последний раз он был у нее вместе с Настей ранней осенью, когда они приезжали к ней за яблоками. Она жила далеко за городом в своем доме, уже довольно обветшалом, но переезжать в Настину городскую квартиру категорически отказывалась.

— Здравствуйте, Регина Николаевна, — улыбнулся он, не почувствовав при этом напряжения. — Давненько не виделись. Можно войти?

— Здравствуй, дорогой, — она посторонилась, пропуская его в дом. — Заходи, конечно. Настя говорила, что ты сейчас очень занят, что-то там со сценарием вроде проблемы. Мне очень жаль. — Она шла по длинному коридору и, не оборачиваясь, все говорила и говорила. — Но я тебе скажу, ты не отчаивайся. Талант пробьет дорогу. У тебя хорошая репутация, и отказываться от таких сценариев — одни убытки для режиссера. Так что твой Павлов одумается, да как бы поздно не было. — Она распахнула двери большой комнаты, откуда повеяло приятным теплом, хорошо протопленного деревянного дома.

Да, подумал Влад, тут она про Павлова в самую десятку попала. Поздно по всем статьям...

— Сейчас чай поставлю, перекусим того сего. Мне, если честно, одной даже лень поесть, — она засмеялась, и веселые лучики тонких морщинок разбежались от уголков глаз.

— С удовольствием. Я тут немного продуктов как раз привез, — Влад передал ей пакет. — И еще там ваше любимое розовое шампанское.

— Что ты говоришь? — Регина Николаевна заглянула в пакет и покачала головой. — Вот уважил, так уважил! Спасибо.

Он сидел в углу старинного сталинского дивана с высокой спинкой, с небольшим зеркалом по центру и полочками по бокам. На такие полочки давным-давно расставляли слоников. Где мать Насти раздобыла этот раритет, неизвестно, но состояние мебели было отличным, диван был обтянут современной тканью и выглядел, по меньшей мере, центральным стержнем всего дизайнерского замысла комнаты. Было тепло, спокойно и немного грустно. Грустно потому, что он уже не имел никакого отношения к этому доброму дому, к этой атмосфере искренности и простоты. Он, как воришка, прокрался сюда, чтобы еще хоть разок почувствовать себя кому-то нужным.

— Как ваше здоровье? — спросил он, когда Регина Николаевна разливала по чашкам душистый черный чай с добавлением каких-то своих трав.

— Да, Господь милостив. Пока вроде все хорошо, — она придвинула поближе к нему тарелку с ветчиной, сыром и курицей. — Вот, сначала посущественней, а потом уже попробуешь мое новое варенье, ассорти. Тебе понравится.

— А Настя говорила, что вы приболели, — он взял куриную ножку и с аппетитом принялся есть.

— Настя так сказала? — женщина удивленно посмотрела на Влада и на секунду замялась. — Ну, возможно, она имела в виду, что надо было свозить меня на МРТ, сустав хотели посмотреть, но, тьфу-тьфу, пока менять не предложили, сказали, что обойдусь уколами и физио всякими.

— Вот и хорошо, а я уж подумал, что Настя недооценивает серьезность положения. Думаю, дай-ка сам заеду, надо убедиться, что никаких срочных мер принимать не потребуется. — Влад участливо окинул ее взглядом.

Женщина махнула рукой.

— Нет, что ты. Я ничего не скрываю от тебя. Упаси Бог. Настя моя паникерша, могла и наговорить тебе ерунды всякой. Но ты не слушай.

Так, неспешно разговаривая на обычные житейские темы, Влад провел лучший час в своей жизни за последние несколько дней. Он не стал выпытывать ничего про Настю, про то, насколько часто она бывала здесь, оставалась ли на ночь. Все это показалось ему сейчас совсем не важным. Главное, что он получил, пусть и небольшую, передышку. Ушла нервозность, наступило умиротворение, очень хрупкое, но Влад с жадностью старался насладиться им в эти минуты. Потому что знал, стоит ему спуститься с крыльца и сесть в машину, как страх сомкнет на горле свои цепкие ледяные пальцы.

Он подъезжал к городу, когда ему позвонили из полиции и сообщили о смерти Павлова. Самообладание тут же покинуло Влада и он, резко затормозив, остановился у обочины. В висках громко пульсировала кровь, ладони вспотели.

— Владислав Петрович, мы хотели бы с вами побеседовать в связи с этим неприятным событием. Если бы вы сейчас подъехали к нам в отделение, мы были бы вам признательны. В противном случае придется вызывать вас повесткой.

— Я приеду. Зачем повестка? — едва сдерживая дрожь в голосе, ответил он.

В кабинете следователя было серо, холодно, пахло пылью. Майор держал в руках чашку с горячим чаем, который, по-видимому, он налил, чтобы согреть замерзающие пальцы. Шмыгнув носом, он указал ему на стул. Затем включил диктофон и негромко спросил:

— Хотите чаю или кофе?

— Нет, спасибо. Если можно, простой воды.

Майор кивнул и наполнил стакан из графина.

— Спасибо, — Влад сделал пару плотков и отодвинул стакан от себя. — Можно узнать, что случилось с Павловым? — он поднял на майора глаза, полные ужаса.

— Он погиб. Вчера вечером. Нам позвонили, сообщив, что произошло убийство. Звонили с домашнего телефона режиссера. Свое имя человек не назвал.

— Почему?

— Воздержитесь от вопросов. Лучше сосредоточьтесь на ответах, — он произнес это безо всяких эмоций. Очевидно, это было дежурной фразой на допросах.

Влад нахмурился и внутренне постарался собраться. Сейчас ему никак нельзя терять контроль над собой. Промежуток времени, когда он ездил к Павлову, Влад мысленно прокручивал в уме не один раз, вспоминая все детали, которые могли бы усложнить ситуацию.

— Надо понимать, меня вызвали на допрос? Или все-таки на беседу? — спокойно спросил он и посмотрел следователю прямо в глаза.

Майор поставил чашку на стол, достал из кармана носовой платок и громко высморкался.

— Нет. Пока только на беседу, — мотнул он головой. — Меня интересуют ваши взаимоотношения с Игорем Ивановичем. Мы опрашиваем всех, кто так или иначе контактировал с режиссером в последнее время.

Влад опустил голову, помолчал, затем произнес ровным голосом:

— Что ж, я готов ответить на ваши вопросы. Задавайте.

— Насколько нам известно, вы работали с Игорем Павловым довольно давно. Сколько именно?

Влад пожал плечами.

— Да уже, наверное, лет семь-восемь. Или около того.

— Скажите, а когда вы с ним виделись в последний раз?

По лицу Влада побежали мурашки, он провел ладонью по лбу, будто вспоминая последнюю встречу с режиссером.

— Хм... я бы сказал, что давно, — кашлянув, ответил он. — Пожалуй, месяца три назад.

Майор втянул голову в плечи и поежился, пощупав чашку, он поискал глазами чайник, но включать не стал, остался сидеть на месте.

— Почему? Вы что, с ним перестали работать?

У Влада сузились глаза, внутри нарастала злость. К чему он задал этот вопрос, если вчера Павлов сидел весь забросанный листами его сценария? И само собой, что этот момент был зафиксирован в первую очередь.

— Нет. В этом смысле у нас с Павловым все было в порядке. Три месяца назад он взял мой сценарий, чтобы обдумать дальнейшие планы по съемкам.

— И что, обдумал? — следователь впился взглядом в него. — Почему так долго?

— Ничего не долго. Игорь Иванович может работать одновременно над различными проектами. Где-то он режиссер, в другом месте — продюсер. Это обычная практика. Творчество творчеством, но есть и финансовые вопросы, и прочие нюансы. Что-то приходится отложить, к чему-то вернуться...

— Я почему спрашиваю, — перебил его майор, — он с вами вчера разговаривал по телефону. Предположительно незадолго до смерти. О чем был ваш разговор?

Влад судорожно сглотнул. Как хорошо, что следователь первый озвучил информацию про звонок от Павлова.

— Да, мы разговаривали с ним вечером. Он сказал, что надо встретиться и обсудить работу над сценарием.

— Когда именно?

— Что когда?

— Когда он предложил это сделать?

— Когда предложил? — Влад вздернул брови. — Не было конкретного разговора о сроках. Сказал, что надо встретиться. И все. В ближайшие дни, я так понял.

Майор поднялся из-за стола, растер пальцы и спрятал руки подмышками. Его явно знобило.

— О чем кроме работы вы еще говорили?

— Ни о чем, — Влад с удивлением посмотрел на майора. — Мы всего лишь деловые партнеры, никакие другие интересы нас не связывают.

Следователь отошел к окну, оказавшись за спиной у Влада. Некоторое время он молчал, и Влад чувствовал его сверлящий взгляд в спину.

— Вы ничего странного не заметили вчера во время разговора с Павловым? — нарушил, наконец, он гнетущую тишину.

— Что вы имеете в виду? — обернулся Влад.

— Ну, возможно, он напряженно вел себя, жаловался вдруг на что-то.

Влад отвернулся от него и сказал, глядя перед собой:

— Павлов как Павлов. Разве что кашлял. Простыл, наверное.

Майор быстро вернулся к себе за стол и уставился на Влада.

— Вы слышали, как он кашлял, или он сказал вам, что простыл?

— Слышал. Голос был немного осипший и несколько раз он кашлянул, — довольно резко ответил он и злобно зыркнул на следователя. — Это на что-то влияет? — не выдержал он. — От кашля еще ни один человек не умер!

— А вы не нервничайте. Мне виднее, от чего умирают люди. Что вам про это известно может быть? Пишете там все, что в голову придет. Главное, сюжет покруче завернуть. Пипл, глядишь, и схавает.

Влад сжал челюсти. Больше всего на свете ему хотелось сейчас треснуть этому менту в лоб, так, чтоб искры по всему кабинету.

— У вас еще вопросы есть ко мне? — сухо поинтересовался он.

Следователь выключил диктофон и махнул в его сторону рукой.

— На сегодня достаточно. Если понадобится, вызовем. Постарайтесь не исчезать из поля зрения.

— Постараюсь, — бросил Влад и направился к выходу.

— Владислав Петрович...

Влад обернулся.

— Вы не сердитесь на меня. Я, как и вы, тоже весь на нервах. Меня с этим делом сегодня так накрутили... Теперь ни есть, ни спать, ни кашлянуть некогда.

После холодного и унылого кабинета следователя теплый салон машины показался райским местом. Он не спеша, без цели, ехал по улицам. Хотелось прийти в себя после допроса. Пусть не под протокол, но беседой это никак назвать нельзя. Только допрос. С этой братией ухо остро держать надо, — тяжело вздохнув, подумал Влад. И глазом не успеешь моргнуть, как проснешься в камере! Как это он сказал — пишете там все, что придет в голову. Умник, понимает, что хамить он может без всяких последствий. А в голове у таких особей, между тем, одна мысль — найти стрелочника, да поскорее, желательно.

Влад остановился на светофоре. Пока шел обратный отсчет секунд на табло, он безуспешно пытался продумать свой дальнейший маршрут. Надо было как-то разобраться в ситуации и с Павловым, и с Волошиным. Только самому ему это сделать не под силу. Обратиться к Потапову? Даже это сейчас не получится, потому что сыщик, увы, не провидец. И не прояснит картину, что нарисовалась вокруг него. О чем просить? Найти, кто убил режиссера? Или кто отравил Волошина? Или куда пропал Соколов? Он и сам не знал, чего хочет. Скорее всего, конечно, все и сразу. Но так не бывает.

Во дворе дома стояла машина Насти. Нехорошее предчувствие шевельнулось в душе Влада. Он нехотя вошел в подъезд, затем долго поднимался по ступенькам, и когда, наконец, очутился возле двери, его посетило странное чувство — будто это чужая квартира, где его никто сейчас не ждал. Повернув ключ в замке, он вошел и сразу ощутил аромат крепкого кофе.

— Привет. Кофе будешь? — выглянув из кухни, спросила Настя.

В коридоре стоял большой чемодан. Спрашивать, зачем он ей понадобился, Влад не захотел, ограничившись коротким «буду». Войдя в кухню, он некоторое время стоял, прислонившись к двери, наблюдая, как она суетливо заваривает ему в турке напиток. Ее спина была прямая и напряженная, и она чувствовала его взгляд, но оборачиваться не спешила.

— Извини, я тороплюсь, — сказала она, поставив на стол кофе и бросив на него короткий взгляд.

Ему стало зябко, он сел за стол, и, поежившись, сомкнул пальцы на чашке, как это недавно делал следователь.

— Настя, — произнес он, глядя на причудливую пенку напитка, — у тебя что-то произошло?

— Почему ты так решил?

Он сделал глоток, посмотрел на нее и пожал плечами.

— Хорошо, сформулирую вопрос по-другому. Ты решила уйти от меня? — спросил он и удивился тому безразличию, которое охватило его в этот момент.

— Я решила, что нам нужно пожить отдельно. Я вижу, что этого хочешь ты сам в первую очередь, но... — она замолчала.

— Но что?

— Но не решаешься признаться мне. Или самому себе. Даже не знаю... — она отвернулась, занявшись поисками чего-то там в шкафчике.

Влад вдруг подумал, что это все логично, то, что происходит сейчас в его жизни. Было бы странно сидеть вдвоем с Настей на кухне и обсуждать смерть режиссера Павлова или разрабатывать план поиска пропавшего Артема Соколова. Зачем ей эти проблемы? Нет уж, похоже, ему суждено испить горькую чашу до дна в гордом одиночестве.

— Пожалуй, ты права, — он поднялся, подошел к раковине и вылил недопитый кофе.

Настя ушла, оставив ключи от квартиры тут же, на кухонном столе. Наступила гнетущая тишина, которую нечем было заполнить. Он лишился способности думать, удивленно прислушиваясь к звенящей пустоте в голове. Как будто в космосе — нет ни верха, ни низа, и север с югом стали бессмысленны, по сути. В такие моменты, наверное, приходят людям мысли о самоубийстве. Влад подошел к окну, глянул вниз — пусто, даже следа от ее машины в этот раз не осталось.

Звонок в домофон заставил его вздрогнуть. Он не сразу понял, откуда эта заливи́стая трель, и какое-то мгновение стоял, ничего не понимая. Когда этим прибором кто-то пользовался в последний раз, он и вспомнить сейчас не мог. Подняв трубку, услышал взволнованный голос:

— Владислав Петрович, это я, Майя. Вы дома один?

— Да. Входите...

Что такого могло случиться, что секретарь Павлова пожаловала к нему собственной персоной прямо домой — загадка. Внутри у него словно взболтнули испорченный коктейль. Тошнота подкатила к самому горлу.

Майя была женщиной лет сорока-сорока пяти на вид, невысокого роста с невзрачными чертами лица и красивым, завораживающим голосом. Казалось, она могла убедить в своей правоте любого, благодаря этому бархатному, сочному тембру, который с лихвой восполнял все внешние мелкие недочеты природы. Павлов, скорее всего, учитывал это обстоятельство, когда принимал ее на работу к себе.

— Как хорошо, что вы один сейчас, — сказала она, переступив порог квартиры. — Я не рискнула звонить по мобильнику. Решила, лучше прямо домой.

— Звучит достаточно оптимистично, — с сарказмом заметил Влад, развешивая ее пальто на плечиках. — Кофе, чай, коньяк? — спросил он, жестом приглашая ее пройти в гостиную.

— Не до чаев, знаете ли. Просто поговорим.

— Что-то прояснилось по Павлову? — спросил он, устроившись в кресле напротив Майи.

— Я знаю, что вас сегодня допрашивали...

— Откуда, интересно?

— Потому что я приехала в отдел вслед за вами. Но вы прошли по коридору, не заметив меня. А я, знаете, не рискнула заводить там разговоры.

Влад удивленно вскинул брови.

— Я действительно вас не заметил. Честно говоря, я сам не свой был от этой так называемой беседы.

Выражение лица Майи стало очень серьезным, она выдержала паузу и затем спросила:

— Откуда у Игоря взялась ваша рукопись? Только не надо ничего придумывать. Я знаю, что рукопись была у Павлова в момент смерти.

От подобного заявления Влад потерял дар речи и некоторое время смотрел на нее, не моргая. Затем, тряхнув головой, словно избавляясь от наваждения, неуверенно произнес:

— Простите, я как-то не совсем понял ваш вопрос. Вы интересуетесь, откуда у Павлова моя рукопись?! Я случайно не сплю сейчас?

Майя побледнела и сделалась совсем некрасивой и даже как будто старше своих лет.

— Я ничего не понимаю, — тихо пропела она чарующим голосом. — Владислав Петрович, вашей рукописи давно нет у режиссера. Она пропала. Разве вы не знали? Или вы принесли ему в тот вечер второй экземпляр?

У Влада похолодели руки и вытянулось лицо.

— Что значит, пропала? Почему я об этом узнаю только сейчас? Зачем же было говорить, что Павлов не готов работать с моим сценарием?

— Павлов отказался от сценария? Кто вам такую ересь сказал? — Майя подпрыгнула в кресле. — Сценарий пропал, и Павлову нечего было сказать вам. Решили пока ничего не говорить, надеялись, что все-таки рукопись найдется, не хотелось выносить сор из избы раньше времени, это скандал...

— А кто мне звонил три дня назад с отказом?

— Вы у меня спрашиваете?! — Майя все-таки не выдержала и вскочила со своего места. — Павлов вам не мог звонить. А я тоже, знаете, в беспамятство не впадала, и никаких звонков вам не делала.

— Нет-нет, не вы, однозначно. И уж конечно не Павлов. Звонила женщина... не знаю, я даже не стал вникать,

чей это был голос. Сейчас понимаю, что незнакомый.

— А с какого номера, вы не обратили внимания?

— Нет. Просто сказали, что от Павлова.

Майя рассмеялась и присела на боковину кресла. Сделав изящный взмах рукой, она сказала сквозь смех:

— Вы хотите сказать, что у Игоря Павлова была еще одна секретарша? Тогда я не удивляюсь, что сценарий мог якобы где-то затеряться.

Влад не моргая смотрел на нее, пытаясь вспомнить момент того злополучного звонка. Ее смех резко оборвался, она ткнула пальцем, как пистолетом, в его сторону.

— Так откройте журнал звонков. Давайте наконец выясним, кто эта таинственная незнакомка.

Влад пошарил у себя за спиной в кресле в поисках телефона.

— Сейчас... — сказал он, вытащив мобильник. Пробежав по номерам, он повернул телефон в сторону Майи. — Вот. Судя по времени, это тот самый номер.

Она протянула руку, Влад безропотно передал ей мобильник. Нахмутив лоб, она некоторое время вглядывалась в номер, пытаясь, очевидно, вспомнить, знаком ли он ей.

— Сейчас и проверим. Какие проблемы... — она нажала вызов, продолжая держать мобильник в вытянутой руке. Почти сразу же в ответ раздался бодрый голос: «Доставка пиццы. Слушаю вас».

— Вы этот голос имели в виду? — ее губы дрогнули, в глазах мелькнули слезы.

Ошарашенный Влад, забрал у нее телефон и, еще раз глянув на номер, тихо произнес:

— Я ничего не понимаю. Какая пицца? Да я последний раз пиццу заказывал, может, год назад, а то и больше. Но это именно тот номер. Только голос другой...

У Майи был совершенно потерянный вид, как будто речь шла об ее собственном сценарии.

— Владислав, — прошептала она, едва сдерживая слезы, — почему все так... вы можете рассказать мне, что на самом деле произошло у вас с Павловым?

Он никак не ожидал подобного поворота дела. Получается, что она не поверила ему?

— Что вы имеете в виду? — ледяным тоном спросил он. — Хотите сказать, что я тут валяю дурака перед вами? Да, я не спросил, кто говорит со мной. Но это всего лишь потому, что был шокирован отказом. Мне и в голову не могло прийти, что это чья-то глупая шутка! Да, идиот. Согласен.

Женщина устало провела ладонью по лицу, и строго посмотрела на него.

— Вы сказали следователю, что режиссер отказался от вашего сценария?

— Нет. Мне настолько неприятна эта ситуация, что решил не делиться с ним этой новостью.

— Напрасно ерничаете. Все могло обернуться для вас большими неприятностями. Я тоже решила воздержаться и не рассказала им о том, что сценарий пропал. Хотя меня вызвали в квартиру к Павлову сразу, когда он еще был там, сидел мертвый на диване. Я увидела эти разбросанные листы сценария и, знаете... — она замолчала.

Пауза затянулась. Он понимал, что Майя ждет от него пояснений.

— И вы решили, что это сделал я. Пришел к маэстро, бросил ему в лицо сценарий и порешил тут же беднягу, не мудрствуя лукаво. Считаете, что кадр для фильма был бы впечатляющим?

Майя отвернулась в сторону окна и шмыгнула носом. Она была сейчас похожа на маленького несчастного мышонка.

— Кадр был бы впечатляющим, это точно, — неожиданно сочным голосом произнесла она. — Именно поэтому я ничего такого не подумала про вас. Но выглядело бы все не в вашу пользу, сообщите вы об отказе Павлова. Вам очень повезло.

Влад кивнул:

— Берите выше. Просто баловень судьбы.

— Ладно, я пойду, — Майя посмотрела себе под ноги, помолчала, словно обдумывая что-то. Затем вскинула глаза на Влада и улыбнулась. — Главное, что мы с вами в курсе, что каждый из нас говорил следователю. Это важно.

Она направилась в прихожую. Влад медленно пошел вслед за ней. Он подал ей пальто, как-то нехотя, словно понимая, что разговор между ними не закончен. Она не торопясь застегнула пуговицы, посмотрела на себя в зеркало и сказала:

— До свидания, Владислав Петрович. Надеюсь, у вас все сложится хорошо. Вы талантливый человек.

— Спасибо, — глухо ответил Влад. — Спасибо вам за все.

Когда за Майей закрылась дверь, Влад еще некоторое время в задумчивости стоял, пытаясь сделать оценку этой странной встрече. Он подошел к зеркалу, в которое только что смотрелась Майя, будто пытаясь задать вопрос уже растворившемуся во времени отражению женщины. Затем принялся рассматривать себя, склонив голову и удивленно поднимая брови. И тут его взгляд зацепил разноцветный пакет, лежавший на банкетке у входной двери. Он

слышал, как лифт закрылся, и догнать Майю по лестнице не было никакого смысла. Взяв пакет, он сделал несколько шагов в сторону кухни, чтобы в окно окликнуть ее, но вдруг резко остановился. Он на ощупь догадался, что находилось там, внутри. Его шарф, темно-синий в едва заметную тонкую красную клетку, выпал на пол, следом опустился пакет.

Он был сейчас загравленным зверем, которого со всех сторон обложили охотники. Цель ее прихода теперь стала ясна — она считала его убийцей и предоставила ему этот шарф как доказательство. Ну и память, однако, у этой женщины, — невольно удивился Влад. Она безошибочно узнала в этой шерстяной полоске вещь сценариста Семенова. Но как ей удалось его забрать из-под носа у полиции? И, главное, зачем она это сделала? Какая ей выгода?

Влад засунул шарф в стиральную машину, потом тут же вытащил его и отправил вместе с пакетом в мусорное ведро. Он понимал, что вряд ли захочет когда-либо обернуть его вокруг своей шеи. Эта тряпка будет постоянно напоминать ему о страшной смерти режиссера Павлова. Набросив куртку, он забрал мусорный пакет и направился в ближайший чужой двор, где выбросил злополучную улику в мусорный бак.

Несмотря на усталость и взвинченные нервы, он чувствовал, что провести дома остаток дня у него не получится. Его здесь все раздражало и... пугало. Хотелось уехать, желательно подальше. Только на это он не имел права. Его как бы предупредили — невыездной. Куда он мог поехать, с кем поговорить, кому он вообще нужен со своими проблемами? Да и без них никому не нужен...

Присев в коридоре на банкетку, он набрал номер Лизы. Она, скорее всего, ждала его обещанного звонка. О чем он сейчас собирался с ней говорить, Влад точно не знал. Но ему во что бы то ни стало нужно сейчас услышать хоть чей-нибудь голос. Гудки бесконечно тянулись один за другим и пропадали, как в бездну. Она не ответила. Влад прислонился затылком к стене и опустил веки. И почему он решил, что Лиза ждет его звонка? Хотя, может, и к лучшему. Пойти с ней праздновать, как он обещал накануне, не было повода. Рассказывать о своем поражении и в творчестве, и в жизни — того хуже.

Однако спустя несколько минут мобильник ожил, и на экране высветился номер Лизы.

— Здравствуйте. Я, наверное, не вовремя позвонил, — проговорил на одном дыхании Влад.

— Рада вас слышать, Влад, — тихо, почти шепотом, отозвалась она далеко не радостным голосом. — Я не успела подойти к телефону. Извините...

— Это вы меня извините. Свалился на вашу голову... — он замолчал, не зная о чем говорить.

— Как ваши дела? Вы встретились вчера со своим режиссером? — безучастно поинтересовалась она.

У Влада перехватило дыхание. Он судорожно пытался придумать отговорку. Кашлянув, он ответил:

— Нет, к сожалению. На ступеньках, когда выходил из дома, подвернул ногу. Еле доковылял обратно...

— Что ж вы так. Хотя это уже не имеет значения теперь.

— Почему? — задал он глупый вопрос и почувствовал, как его обдало жаром.

— Разве вы не знаете, что режиссер мертв? — удивилась она.

— Да... конечно, знаю. Меня сегодня вызывали на допрос. А вам кто сказал?

— Да разве это может быть тайной? Интернет...

— Ну да, я как-то не подумал... Это ужасная трагедия.

Он замолчал, почувствовав, что разговор совсем не клеится. И, к тому же, что-то в голосе Лизы его настораживало.

— Лиза...

— Да...

— У вас все в порядке? Не хочу быть назойливым, но ваш голос...

— Да, собеседник из меня сейчас неважный. Извините, — она шмыгнула носом. — У меня сын болеет, и я в отчаянии.

— У вас есть сын? — почему-то удивился он и тут же добавил: — Я могу чем-нибудь помочь? Лекарства там или врача хорошего...

Она грустно усмехнулась:

— Нет, что вы. Ничего такого не нужно. То есть, я хотела сказать, все есть.

— Ну, уже неплохо. У меня тоже дети есть — сын и дочка. Правда, живут они с моей бывшей женой. Я редко их вижу. Совсем редко... Извините меня, Лиза, что утомляю своей болтовней. Просто очень хотелось услышать ваш голос.

— Спасибо, Влад, — она хлопнула носом и, не прощаясь, положила трубку.

Он сидел, зажав телефон в руке, и внутри у него все кипело. Идиот, размазня! Устроил тут трагедию. Да, люди умирают, гибнут, и часто — совсем рано. Но нет, пожалуй, ничего драматичнее, чем тяжелая болезнь ребенка. Сын Лизы, он это почувствовал по ее отрешенному голосу, болен не банальной простудой, а чем-то достаточно серьезным. Было очевидно, что говорить на эту тему с ним она вряд ли захочет.

Протянув свой паспорт девушке на ресепшн, он безуспешно пытался сконцентрироваться на интерьере вестибюля — современном, праздничном, с ярким освещением. Все это никак не гармонировало с его настроением. Ему, пожалуй, сейчас подошел бы тихий уютный гостиный двор с харчевней, где готовят простую и вкусную еду.

— Пожалуйста, ваш номер пятьсот три, — девушка с улыбкой протянула ему паспорт и ключи от комнаты.

Свое решение провести несколько дней в гостинице он мотивировал исключительно внутренней потребностью спрятаться от одиночества. Сейчас он понимал, что это было ошибкой. Пятизвездочный отель, где в воздухе витал запах дорогих духов, успеха и денег, вызвал у него лишь чувство ущербности и еще более глубокого отчаяния.

Войдя в номер, он не стал включать верхний свет, ограничившись небольшим прикроватным светильником. Этого было достаточно, чтобы рассмотреть ассортимент мини-бара. Пнув ногой чемодан в сторону шкафа, он присел на край кровати и откупорил бутылочку текилы.

Влад пытался понять, почему вдруг получилось, что в тот момент, когда ему была так необходима простая дружеская поддержка, вокруг него образовалась устрашающая пустота? Память услужливо подкидывала эпизоды про те времена, когда они с Артемом и Павлом были беззаботными школьниками, а потом и студентами. Когда весь мир, казалось, перед ними был открыт и, как они считали, просто обязан был «прогнуться» под них. У каждого были свои амбиции, свои таланты, никто никому не завидовал и не конкурировал. Веселые вечеринки, первый алкоголь, первые девушки и запах легкой дури, привезенной кем-то «оттуда» — все это сейчас всплывало в памяти, и острым жалом впивалось в сердце Владу. Почему умер Пашка... какое к черту отравление... Во все это можно было бы не поверить, если бы не исчез Артем. Вот именно — если бы не исчез Артем. И если бы его самого не пытались втянуть в историю с убийством Игоря Павлова. Получалось, что Артему Соколову сейчас тоже неоткуда ждать помощи. Павлу Волошину, ясное дело, уже не поможешь. И ему, Владу Семенову, никто не спешил на помощь. Еще и режиссер здесь, как гиря, привязанная к ногам, что тянет на дно, не давая шансов на спасение.

Он откинулся на кровать и уставился в глянецовый потолок с многочисленными крохотными точечными светильниками, едва заметно мерцавшими в свете настольной лампы, отчего потолок казался покрытым инеем. После разговора с Майей, на душе был противный осадок, словно он невольно оказался в чем-то виноват перед ней. Именно так все и выглядело, будто она пришла посмотреть ему в глаза и убедиться, что там плещется страх за содеянное зло. Интересно, убедилась или нет? Скорее всего — да. С Майей придется еще раз поговорить. Только о чем? Убеждать ее в своей непричастности к смерти режиссера или в том, что принесенный ею шарфик вовсе не его вещь? Оба варианта никуда не годятся. Самое верное будет признаться, что он вчера был у Павлова, и тогда, возможно, она раскроет цель своего визита или хотя бы откровенно скажет, что обо всем этом думает. Снять с себя подозрения перед этой женщиной было для Влада сейчас очень важно. Важнее, пожалуй, чем перед правоохранителями.

Он поднялся, допил остатки текилы и отбросил в сторону пустую бутылочку. Одна незадача — он не знал домашний адрес секретаря Павлова. Номер телефона знал, а вот адрес ему был все это время как-то без надобности. И звонить, как правильно она заметила, сейчас не стоило. Можно попытаться узнать через общих знакомых, в кругу которых вращался Павлов, но все это как-то не ложилось на душу. Лишние вопросы ему сейчас ни к чему.

Из головы не выходили слова Майи об исчезновении сценария. Кому и зачем это понадобилось? Хотели украсть, чтобы выдать за свою работу? Но Павлов в этом случае мог подтвердить, что это чистой воды плагиат. И Майя знакома с текстом. Это не кража из письменного стола писателя. Здесь все это не имеет смысла. И зачем потом подбрасывать работу обратно Павлову? Детская игра какая-то. Только с недетскими последствиями. Стоп-стоп... Если только на мгновение представить, что об исчезновении сценария стало бы известно посторонним лицам, и, особенно, этим людям в форме, то судьба Владислава Семенова как сценариста и человека была бы исполнена большого трагизма.

Уже стоя под душем, Влад не переставал задаваться вопросом: почему Майя не рассказала следователю об этой ситуации со сценарием? Зачем «спасла» его шарф? Чтобы проанализировать все это в условиях стресса — а она, несомненно, получила стресс, узнав про гибель своего босса — и выбрать верное решение в пользу сценариста, надо обладать недюжинными аналитическими способностями или... вескими причинами. Интересно узнать, каковы же были эти причины. Из всего этого Влад сделал вывод, что ему лучше признаться Майе в том, как все произошло на самом деле вчера у Павлова.

Было совсем поздно, когда Влад спустился в ресторан в надежде поужинать в полупустом зале. Но его ждало разочарование: ресторан был забит посетителями до отказа. Администратор едва смог отыскать ему место за столиком, где заканчивал свою трапезу мужчина импозантной наружности с меланхоличным выражением на лице. На вопрос администратора, не будет ли тот против, если к нему за стол присядет еще один человек, мужчина, окинув взглядом фигуру Влада, ответил:

— Не ложиться же ему спать на голодный желудок. Пусть человек поест.

— Благодарю вас, — склонил голову администратор и взмахом руки пригласил Влада.

— В это время здесь всегда шумно, — не отрывая взгляда от тарелки, сообщил мужчина. — Собирается, впечатление, половина города. Так что если в планах спокойный ужин без лишнего шума, то приходиться надо не позже восьми.

— Спасибо. Учту, — мрачно отозвался Влад и принялся изучать меню.

Мужчина бросил короткий взгляд на него, и вновь занялся едой.

Влад пробежал глазами меню вдоль и поперек, но так и не смог сделать выбор.

— Не заморачивайтесь, официант сам подберет, что нужно. Тот, кто здесь впервые, все равно ничего из этого меню выбрать не может.

Владу не понравилось, что незнакомец читает его мысли. Он откинул в сторону папку и спросил:

— А что, у меня на лбу написано, что я здесь впервые?

Мужчина промокнул рот салфеткой и скучным голосом произнес:

— У вас на лбу написано, что вы здесь не по доброй воле. И скорее всего, впервые. Извините.

— Не по доброй, — согласился Влад. — Тут вы попали в точку. По злой...

Мужчина придвинул к себе чашку с зеленым чаем, помешал ложкой.

— Решили взглянуть на проблему с другой стороны. Из стен гостиницы, в данном случае.

Влад покосился на незнакомца.

— Типа того, — хмыкнул он. — Но, похоже, я из одного угла перебежал в другой. И это, я думаю, тупиковый путь. Как вы считаете? — с вызовом спросил Влад. У него возникло непреодолимое желание вовлечь в разговор кого бы то ни было. Но непременно сейчас, безотлагательно.

Мужчина отпил из чашки и со вздохом кивнул:

— Все правильно. Вы гоняете себя из угла в угол. Зачем?

— Вы психолог?

— Я? Упаси бог. Вы спрашиваете, я отвечаю. И все. Кто в здравом уме поверит в наши дни психологу?

Подошел официант, мужчина заплатил по счету, Влад сделал заказ.

— А жаль, — сказал Влад, когда они остались одни. — Хотя, мне уже впору обратиться к психиатру.

Мужчина поморщился.

— У каждого в жизни бывают моменты, когда им кажется, что придет дядька психиатр, вставит на место мозги, и солнце засветит по-другому.

— А на самом деле? — Влад с интересом посмотрел на собеседника.

— Хотите знать? — спросил он с выражением лица уставшего путника.

— Ну...

— Он лишь покажет то место, где вашим мозгам было бы в самый раз находиться.

Влад молчал, ожидая продолжения. Мужчина допил свой чай, и нехотя посмотрел на Влада.

— Но вы отказываетесь верить и продолжаете искать и искать... Не желая видеть очевидных вещей и придумывая себе все новые и новые проблемы.

— Хорошо вам говорить. Со стороны оно всегда понятней и проще все кажется.

Мужчина улыбнулся. Влад расценил это как снисходительность и замолчал.

— Вот, вы все правильно сказали, — ответил незнакомец, поднимаясь со своего места. — Со стороны все проще и понятней. Только уберите слово «кажется». Не кажется, а так оно и есть — все проще. Попробуйте помочь себе, как если бы вы помогали постороннему человеку. Не зря же говорят: «Со стороны видней». Удачи вам.

— Всего доброго.

Влад уныло ковырялся вилкой в тарелке, не чувствуя вкуса еды. Когда пришел официант, он спросил:

— Скажите, этот мужчина часто у вас бывает?

— Который сидел с вами? — официант покосился на дверь, куда вышел собеседник Влада. — В общем, довольно часто в последнее время. Говорят, он чей-то там консультант, — молодой человек указал пальцем в потолок.

— В какой области?

— Понятия не имею, — виновато помотал головой официант.

В номере было тепло, что несвойственно гостиницам. Влад приоткрыл окно, но стало шумно от монотонно стучащих капель по подоконнику. Случилась оттепель, ни с того ни с сего. Природа, похоже, резко решила прорепетировать весну. Ей, как и людям, давно надоела бесконечная зима. Влад сделал несколько глубоких вдохов и повернул ручку на раме. Воцарилась тишина. Он с сожалением подумал о том, что еще только начало февраля и до настоящей весны, увы, далеко.

Его пугало наступление утра и потому, наверное, он долго не мог заснуть. Проснулся довольно поздно, весь разбитый, будто накануне кирпичи таскал. Сквозь портьеры пробивался тусклый свет очередного унылого дня. Влад прикрыл глаза и попытался сосредоточиться на задачах этого дня. Он должен начать что-то делать. Неважно, что именно, но делать. Писать, искать нового продюсера. Он открыл глаза и тихо выругался: какое, к черту, писательство, если вокруг такое творится!

Спустившись в бар, чтобы выпить чашку кофе, он наткнулся у входа на худощавого парнишку с орлиным грузинским носом и грустно опущенными уголками глаз.

— Господин Семенов? — осторожно поинтересовался тот, остановившись.

— Что вам надо? — бросил Влад и, не останавливаясь, прошел вглубь зала.

Поискав глазами свободный столик, он все же предпочел сесть за барную стойку.

— Двойной эспрессо-макиато, если можно. И бутерброд какой-нибудь.

— Сейчас изобразим, — ответил бармен и отошел к кофе-машине.

— Владислав Петрович, — раздался рядом вкрадчивый голос.

Влад обернулся. Чернявый парнишка на всякий случай сделал шаг назад.

— Заклинаю всеми святыми, не прогоняйте меня, — полушепотом взмолился он.

— Вы кто? — удивленно посмотрел на него Влад.

— Мне позарез нужно у вас кое-что спросить...

— Не понял, — Влад развернулся на крутящемся стуле и в упор посмотрел на молодого человека. — Тебя кто подослал?

— Редакция. Сказали, если сможешь поговорить с самим Семеновым — считай себя космонавтом.

— Реда-а-а-кция, — нарочито важно протянул Влад. — Журнал «Космос и дураки» что ли?

— Меня уволят...

— Вот мне беда. Ну не полетишь в космос. Делом, может, займешься каким полезным, — он отвернулся от журналиста и принялся за кофе. Отменный эспрессо был сейчас для него эликсиром жизни. Он смаковал каждый глоток, чувствуя, что таким образом может хотя бы на несколько мгновений отгородиться от окружающего мира со всеми его напастями. Он уже решил, что позвонит Майе и попросит ее вернуть ему сценарий, чтобы он не валялся среди бумаг Павлова. Это, конечно, был предлог. На самом деле ему не терпелось поговорить с ней. Выискивать где-то и у кого-то ее адрес и сваливаться ей как снег на голову в квартиру — ему совершенно не хотелось. Он ни в чем не виноват, в конце концов.

Расплатившись за завтрак, Влад направился к себе в номер. Чудаковатого парня нигде не было видно, и Влад, облегченно вздохнув, вошел в лифт. Однако едва он вставил ключ в замочную скважину, неудавшийся космонавт как из-под земли вырос перед ним.

— Опять ты? — незлобиво спросил Влад. — С какого перепугу я с тобой должен вести беседы? Я что, звезда местного бомонда? Или ты Ларри Кинг?

— Куда мне. Но вы же в некотором роде гуманитарий.

Влад открыл дверь, вошел в номер и сказал, не оборачиваясь:

— Если только в некотором. Не более, — с этими словами он захлопнул дверь перед носом интервьюера.

Глянув на время, он решил, что уже вполне уместно сделать звонок.

— Слушаю вас, — раздалось сочное контральто.

— Здравствуйте. Это Семенов вас беспокоит.

— Да, я узнала вас, Владислав Петрович.

— Мне хотелось бы забрать рукопись сценария. Насколько это возможно?

Майя, чувствовалось, была удивлена. Однако спустя короткий промежуток, она ответила:

— В принципе, конечно можно. Он у меня, и если для вас это так важно, то заходите в офис, я отдам... Хотя, нет, — спохватилась она, — офис опечатан. У меня что-то из головы вылетело, извините. Но сценарий я сразу забрала. Так что подъезжайте ко мне...

Влад записал адрес и, набросив пальто, вышел из номера. В коридоре, у стены напротив, стоял с видом великомученика журналист. Он слегка встрепенулся, увидев Владу, но почти тут же сник, поняв, что тот не намерен вступать с ним в переговоры.

Влад дошел почти до конца коридора, затем обернулся: парень смотрел ему вслед.

— Ты меня достал, понимаешь? — сказал он, вернувшись. — Ты что, намерен здесь ночевать у двери? Или... постой... ты, наверное, решил проникнуть ко мне в номер. Колись, что вынюхиваешь и кто твой хозяин?

Парень побледнел и вжался в стену.

— Нет, что вы, — он выставил вперед ладонь. — Я ничего такого не замышляю...

Чертыхнувшись, Влад открыл дверь и кивнул.

— Давай, у тебя есть пять минут. Излагай свою версию.

— Спасибо, Владислав Петрович.

— Может, представишься для порядка?

— Ага. Серж Петросян.

Влад с недоверием покосился.

— Это что, псевдоним?

— Почему? — искренне удивился юноша. — Никакой не псевдоним. Армянин я, если вы об этом. Газета

«Вечерние новости».

— Правда? Я почему-то подумал, что грузин.

— Ну как можно... мы ж такие разные.

— Возьму на заметку. Так что, Серж, нужно вашим «Ночным сплетням»?

Молодой человек махнул рукой и на выдохе произнес:

— Да я уже и сам не знаю. Переволновался, извините.

— Тебя что, действительно хотят уволить?

— По всей видимости, да. Я стажер. Мой срок подходит к концу, и если я им не принесу в клюве хоть одну сенсацию, то моя песня спета. Ни одного доброго слова, поверьте, за все три месяца.

— Верю, — пожав плечами, подтвердил Влад.

Серж покраснел и замкнулся.

— Ладно, ты не обижайся. У тебя профессия такая, что обижаться нельзя. Пропадешь, — сменил гнев на милость Влад. — Так ты решил, что с моей помощью можно состряпать сенсацию? Я ведь даже не писатель. Это у них там имя, тиражи, известность, скандалы...

— Владислав Петрович, вот тут позвольте не согласиться. По вашим сценариям сняты самые крутые фильмы. И как бы вы ни хотели остаться в тени, шлейф слухов тянется довольно длинный.

— За мной? — ахнул Влад. — Я очень закрытый человек. Откуда...

— Вот как раз оттуда, — развел руками парень. — Именно ваша скрытность порождает массу всяких вымыслов и догадок.

— Да некогда мне, Серж, пиариться. Я весь в работе.

Журналист сузил глаза и тихо произнес:

— В работе, говорите... А с кем, если не секрет, вы намерены работать в данный момент?

— В каком смысле? Я сам по себе, да будет тебе известно.

— А как же режиссер? Как теперь без Павлова? Насколько мне известно, последние несколько лет вы работали именно с ним.

— Ах, вот ты о чем... — Влад вытащил из кармана жвачку и протянул Сержу. — Любишь? Мне вот нравится разминать челюсти. — Он забросил в рот пластинку и еще раз протянул пачку Сержу. Тот безропотно взял угощение и выразительно посмотрел на Влада.

— Что ж, тут придется подумать, — Влад медленно разжевывал резинку и смотрел в потолок. — А кого бы ты мне посоветовал? — перевел он взгляд на собеседника.

Серж, засунув за щеку жвачку, сидел с несчастным видом, понимая, что он упускает свой последний шанс.

— Неужели вы об этом еще не подумали? — сделал он попытку.

Неожиданно Влад рассмеялся.

— Вот скажи, ты ведь тоже как бы гуманитарий в некотором роде. И как ты, гуманитарий, представляешь себе человеческие взаимоотношения? Умирает твой друг — и ты спустя денек начинаешь прикидывать, с кем бы еще подружиться? Умирает твой соратник по творчеству...

— Не надо продолжать. Я все понял.

— Что ты понял, вечерний мотылек? — сокрушенно покачал головой Влад.

— Что я не умею брать интервью. И никогда не научусь делать сенсационные материалы.

— А разве вашей газете недостаточно того, что ушел из жизни легендарный продюсер, режиссер, талантливый человек, в конце концов? Это разве не сенсация? Или вам поподжаристей хочется? Что его, к примеру, прикончил сценарист-неудачник. Что лично от меня, уважаемый Серж Петросян, ты хотел услышать? Какие факты?

Стажер напрягся и на одном дыхании выпалил:

— А это правда, что у Павлова был... ну как бы это помягче выразиться... друг, в общем. И что, когда вы узнали об этом, то в вашей с ним работе возникли разногласия. Ведь у режиссера не было семьи?

Влад перестал жевать.

— Слушай, а ты вообще как узнал, что я нахожусь в этой гостинице? — Влад поднялся, всем своим видом

показывая, что неприятности у стажера только начинаются. — Кто тебя пропустил сюда?!

Серж вжал голову в плечи и стал похож на ребенка, нашкодившего по своей глупости.

— Мне наш заведомо сказал... и про Павлова — тоже он. А в гостиницу попасть не такая уж проблема.

Показал удостоверение, сказал, что у меня с вами интервью запланировано...

— Не гостиница, а проходной двор! Так, Петросян, слушай меня внимательно, — Влад отошел к окну. — Я сейчас на секунду гляну в окно, а потом обернусь в твою сторону. Если тебя не окажется на месте — твое счастье. В противном случае я просто вышвырну тебя в форточку, — зловеще прошептал он.

Майя была задумчива и, как показалось Владу, несколько рассеянна. Она молча пропустила его в квартиру и сразу же направилась куда-то в недра длинного коридора.

— Проходите в комнату, — запоздало пригласила она, скрывшись там за дверью.

Влад, потоптавшись некоторое время в прихожей, зашел в ближайшую комнату. Вскоре появилась Майя.

— Что же вы стоите? — Она держала в руках папку и грустно улыбалась. — Присаживайтесь. Я перепроверила все здесь. К счастью, ни один листок не пропал, — она протянула папку Владу.

Он засунул ее подмышку и нахмурился.

— Послушайте, Майя, мне кажется, что нам стоит объясниться...

— Вы про шарф? — она вскинула брови. — Извините, если ошиблась.

Влад почувствовал, что его трясет. Он просто не знал, как вести себя сейчас, и каждое слово, произнесенное им, казалось ему фальшивым.

— Нет, вы не ошиблись, — кашлянув, признался он. — Шарф мой, и я был там в тот вечер. Но, как вам сказать...

Он замолчал. Все слова, которые он по несколько раз прокручивал в голове по дороге к ней, вдруг показались ему неубедительными.

— Влад, перестаньте, — пришла, наконец, она ему на помощь. — У меня и в мыслях не было, что вы причастны к смерти Игоря. Я много думала об этом. С чего вдруг? К тому же этот сценарий, так театральнo разбросанный возле тела Павлова. Не в ваших интересах все это, вас явно хотели подставить...

— Вот и мне пришла в голову эта же мысль. Только позже, когда я уже в состоянии был о чем-либо думать. Меня шокировала эта картина, когда я вошел.

— Почему вы тогда пришли к нему именно в тот злополучный час? Такое совпадение, очень опасное, скажу я вам...

— Потому что Павлов позвонил мне и пригласил заехать к нему.

— Он позвонил?! Еще живой? Ой, простите, глупость сморозила, — она прикрыла рот ладошкой.

— Да как вам сказать... еще не мертвый, но что-то было с ним уже не так. Он кашлял. Неестественно, как я сейчас уже вспоминаю.

— Игорь кашлял? Днем он был абсолютно здоров.

— Дверь в квартиру была приоткрыта, на мои звонки никто не реагировал, и я решил войти. Когда увидел его там, на диване, то понял, что кашель его был вовсе не от простуды. Стало ясно, что Игоря Ивановича отравили.

— Теперь все понятно, — Майя склонила голову и замолчала.

— Что именно? — нарушил тишину Влад.

— Не обращайтесь внимания, — мотнула головой женщина. — Это я про ситуацию. Он, бедняга, получается, не сразу умер. Еще и помучился.

— Скорее всего. Этот кашель меня тоже насторожил, но раз человек зовет к себе, значит, он в состоянии был работать. Ну, во всяком случае, мне так показалось.

— Вы не стали собирать сценарий. Почему?

Влад переложил папку к себе на колени, хлопнул несколько раз по ней ладонью.

— Я запаниковал. Признаюсь как на духу. Мне стало страшно. Я вроде пытался вначале что-то собрать, но потом бросил эту затею.

— Почему?

— Под окнами раздалась сирена полицейской машины. Я даже не помню, как снял тот шарф, — он невольно взялся за горло.

— Я нашла его в ванной. Мне стало плохо, и я попросила разрешения зайти в ванную комнату. Они ее уже к тому времени осмотрели. На ваше счастье, шарф упал на корзину с бельем. Выглядело все обычно, как будто его положил туда хозяин. Но я-то хорошо помню ваш шарф — синий, в тонкую клетку. Мне он сразу бросился в глаза. И то, что окно было лишь притворено, мне тоже не показалось случайным.

Влад во все глаза смотрел на эту женщину и понимал, что самое большое счастье, когда в трудную минуту рядом оказывается умный и порядочный человек.

— Ой, извините! — неожиданно воскликнула она. — Что же мы сидим просто так? Давайте хотя бы чаю

попьем. Только не говорите мне, что вам не до чаев, — намекнула она на свое высказывание у него в квартире.

— А я и не скажу, — с облегчением вздохнув, ответил он. — Мне так тяжело на душе было. Вы сняли с меня этот груз.

Они прошли в кухню. Владу было интересно, как живет Майя, эта «железная леди» — так называл ее режиссер за ясный ум, профессионализм и безупречность в манерах. Секретарь Павлова, как и сам режиссер, была одинокой. Почему так сложилась ее судьба — трудно сказать. Что касается режиссера, то он был известным ловеласом в молодости и, возможно, пресытившись вниманием женской половины человечества, решил на склоне лет предаться творческому одиночеству. Во всяком случае, он так всем объяснял свое нежелание связать себя узами брака.

В оформлении интерьера в квартире Майи не было ничего такого, за что можно было бы зацепиться воображению. По этой обстановке, достаточно дорогой, но лаконичной, нельзя было судить о том, чем она увлекается или как проводит свободное время.

— Майя, вы сказали, что Павлов был здоров днем, и вроде как ничего не предвещало... ну, то есть, никаких жалоб, я имею в виду.

— Вроде как не предвещало, — кивнула она, разливая по чашкам ароматный золотистый чай. — Хотя... — она вдруг задумалась, приложив указательный палец к носу. — Влад, вот сейчас я уже не так уверена в своих словах. Пару недель назад он мне как-то сказал, что принимает какие-то уколы. Я еще спросила, что случилось. А он отмахнулся — не надейся, типа, все в порядке, просто профилактика. Ну, мне же неудобно спрашивать, что конкретно его беспокоило. С виду он действительно был здоров. И даже, я бы сказала, на каком-то подъеме был. Энергичный, блеск в глазах...

— А не завел, случайно, наш Павлов роман? Тайный? — спросил Влад, почувствовав, как учащенно забилося вдруг сердце.

Майя вспыхнула, но быстро взяла себя в руки.

— Я его об этом спрашивала. Не знаю, что на меня нашло, но был такой момент, что я открытым текстом так и сказала: «Уж не влюбился ли ты, Игорь в свою медсестру, что уколы делает? Порхаешь, будто крылышки выросли».

Влад с удивлением посмотрел на «железную леди». Она перехватила его взгляд и усмехнулась.

— Вижу, что вы не верите мне. Но откроюсь вам, что уж теперь... — ее глаза затуманились от накатившихся слез. — Я долгие годы... была, так скажем, равнодушна к Павлову. Правда, он даже не подозревал об этом. Я не позволяла себе ни словом, ни взглядом это как-то проявить. Но со временем все в душе зачерствело. Павлов был в этом отношении жестоким и циничным мужчиной. Он часто при мне высказывался о женщинах... — Майя, махнув рукой, замолчала. — Извините, Влад, зря это рассказываю. Но вернемся к его возможному роману. Так вот, когда я высказала свое предположение о том, что он влюбился, Игорь расхохотался мне в лицо. «Ты, что, ревнуешь? — спросил он. — Знаешь, не ожидал, не ожидал... Даже приятно. Успокойся! Ни в кого я не влюбился. Уколы мне делает медбрат, если ты об этом».

Владу показалось, что он прирос к стулу. Непослушной рукой он взял чашку и судорожно сделал небольшой глоток.

— Вас это удивило? — спросила она.

— Не то слово, — едва разжимая губы, произнес он. — А вы говорили об этом полиции?

— О чем? Что Павлов использовал какие-то медикаменты?

— Про медбрата.

Майя пожала плечами и развела руками.

— Вы знаете, весь тот разговор я приняла за издевательство надо мной. Где правда, где вымысел — я не поняла. Так что говорить об этом полиции как-то не рискнула, чтобы не вводить их в заблуждение. А вы считаете по-другому?

— Я считаю, что мы с вами оказались в одинаковом положении.

— Что вы имеете в виду?

— Сегодня ко мне прицепился молодой репортер, совсем еще зеленый. Сенсация ему, видите ли, нужна была. Я от него отбивался, как мог. В конце концов, он сам мне выдал сенсацию: у Павлова якобы был тайный друг.

Майя откинулась на спинку стула, закатила глаза в потолок, потом посмотрела на Влада, как на полоумного.

— Вы хотите сказать, что Павлов был нетрадиционной ориентации?

— Я??? Мне такое и во сне не могло бы присниться. Журналюжка этот ляпнул, желая, чтобы я подтвердил.

Майя тихо рассмеялась, прикрыв ладошками рот.

— Вам смешно, а мне, знаете, как-то не по себе стало. Я Петросяна этого выгнал к чертовой матери. А теперь жалею, надо было его каленым железом пытаться, чтобы признался, откуда ноги растут у этой «сенсации».

— Петросяна? — она засмеялась еще громче. — Точно Петросян...

— Это его фамилия. Серж Петросян. Армянин, чернявый такой мальчик. Чесались, правда, руки врезать ему. Едва сдержался.

Майя перестала смеяться и с ужасом глянула на Влада.

— Подождите... так получается, что слова про медбрата...

Влад кивнул:

— Имеют место быть. Уколы уколами, но что-то в этом есть, — он почесал за ухом, — только что именно — вопрос. Я ведь сразу понял, что Павлова отравили, когда только увидел его. Уколом или ядом, подсыпанным в напиток, пищу или не знаю, во что еще.

— И сделал это тот самый медбрат.

— Вот тут можно только гадать. По всей видимости, так оно и было. Но не факт. Возможно, что кому-то удобно было это сделать, зная, что Павлов принимает лекарства и пользуется услугами медика.

— Это вы верно заметили. Петросян ваш подкинул нам версию.

— Как это ни выглядит анекдотично, но получается, что так.

— Наверное, надо сказать об этом следователю? — растерянно спросила она.

Влад, нахмурившись, о чем-то сосредоточенно думал. Майя, затаив дыхание, ждала его решения.

— Знаете, — наконец произнес он, — не стоит спешить. Как говорят адвокаты, все сказанное вами может быть использовано против вас в суде.

Она сокрушенно кивнула:

— Я уже сама об этом подумала сейчас. Очень удобная версия про лекарства и отравление. А я помощник, считай, самый близкий человек, с кем контактировал продюсер по работе. Зачем им искать какого-то мифического медбрата?

— Вот-вот, — поддакнул Влад. — Зачем? Если есть реальный человек — вы. А чтобы раскрыть преступление, нужна не столько версия...

— Сколько мотив, — подхватила она. — Влад, я понимаю, что теперь каждый из нас будет поневоле пытаться узнать, кто этот человек, но вы же понимаете, что это опасно.

— Предполагаю, конечно. Спасибо вам еще раз, что спасли мою шкуру, — усмехнувшись, сказал Влад и поднялся из-за стола. — Никогда бы не подумал, что окажусь в роли персонажа жанра, в котором сам работаю.

— Ох, не говорите, Владислав Петрович. Мы с вами сейчас в ловушке. И, хочу заметить, что совсем к этому не готовы оказались. Беспомощны, как дети.

Запустив двигатель, Влад плавно тронулся с места. Он решил съездить к Волкову, оператору, с которым Павлов работал в последнее время на съемках исторического фильма. Он понимал, что надо было выходить на окружение продюсера, чтобы хоть как-то прояснить картину последних дней жизни Павлова.

Петр Волков отыскался в дальней комнате съемочного павильона. Вместе с ним за столом, уставленным водкой и символической закуской в виде чипсов и консервированных гарнионов, сидели еще трое незнакомых Владу людей.

— Привет, Петрович, — он коротким жестом поприветствовал сценариста. Широкое от природы лицо оператора выглядело сейчас болезненно опухшим и неподвижным, как маска. — Ты извини, но мы тут не можем прийти в себя от шока. — Он крякнул и, мотнув головой в сторону бутылок, предложил: — Поддержи, если не брезгуешь.

— Петя, я за рулем, извини. — Влад присел на табуретку, услужливо придвинутую одним из мужчин. — Проезжал мимо, не мог не зайти. Тоже, знаешь, как будто ледяным душем обдали. До сих пор не могу поверить. Что ваш фильм?

— Ха! Фильм! Трындец полный. Финансирование, ясное дело, сейчас остановилось. Пока там разберутся что да как, думаю, съемки заморозят надолго. Сам понимаешь, историческая тема не каждому в масть. Тут могут быть разногласия в прочтении событий, подборе актеров... Да что я тебе говорю, ты же все сам понимаешь. Короче, зависли мы.

— Да, не позавидуешь. У многих, я знаю, это был шанс после долгого простоя в работе.

— В том-то и дело, — Волков опустил голову, исподлобья глянул на Влада и сказал: — сходим перекурим?

Они спустились по ступенькам и остановились возле узкого окна в глубине большого лестничного пролета, где обычно народ собирался для перекуров. Оператор энергично растер ладонями лицо и потряс головой, пытаясь, очевидно, сбросить алкогольный дурман. Вытащив из заднего кармана брюк пачку сигарет, протянул Владу.

— Не курю, ты ж знаешь.

— Знаю. Но тут такое дело... — он щелкнул зажигалкой и глубоко втянул дым. — Влад, мы тут теряемся в догадках. Что вообще произошло с Павловым? Ты-то хоть в курсе?

— Скорее всего, так же, как и ты. Заехал, думал, вас много, информации по идее тоже должно быть немало. Тем более над фильмом вместе работали. А я с ним не виделся уже довольно давно. Считаю три месяца. Вот как

отдал последний сценарий, так и все. Вызывали на допрос, сказали, что убили Игоря Павлова. Про подробности само собой, никто мне не докладывал.

Волков разочарованно посмотрел на Влада, и выпустил из угла рта густую струю дыма. Взмахнув сигаретой, он пожал плечом и бесцветно произнес:

— Работать работали, но как говорится, ничего ж не предвещало...

Влад не ожидал такой вялой реакции от Волкова. Глотать дым за просто так, здесь, в этом прокуренном закутке, никакого смысла он не видел.

— Петя, а ты не в курсе, с кем он в последнее время там сдружился? Мне сегодня один пацан из газеты сказал, что якобы появился у знаменитого Павлова тайный дружок. Понимаешь, о чем я? — он игриво повел бровями.

Оператор поперхнулся дымом, громко закашлялся и ткнул пальцем в сценариста.

— Ты... что ты городишь, Петрович?... Кто-то мне уже такое пытался сказать, я, знаешь, плюнул в него. Успел отскочить, придурок... А теперь ты еще...

— Только не плюйся, Христом богом прошу, — замахал на него Влад. — Я же не говорю, что верю в это. Мне сказали, я всего лишь хотел узнать, что ты по этому поводу думаешь. Не в смысле веришь-не-веришь, а с чего вдруг пошли такие разговоры.

Петр засунул руку за ворот рубахи и поскреб ногтями шею, изобразив на лице мученические страдания.

— Вот скажи, Петрович, до чего народ паршивый пошел. Я просто диву даюсь... Павлов был мужик. Настоящий! Не стало мужика — начали грязью поливать. Чем больше, тем лучше!

— Уроды, — поддакнул Влад. — А кто тебе такое сказал? Одно дело, кто-то что-то ляпнул. А когда источников несколько, то это уже — целенаправленная травля человека. Вот я и хочу понять, кто и зачем мог пустить слух. Зачем понадобилось портить имидж человека такого уровня. Как ты считаешь?

— Дай подумать...

Влад с тоской посмотрел на Петра. Волков был отличным оператором, профи высокого класса. Самую бездарную сцену он мог вытянуть необычным ракурсом, правильным светом, подсказкой режиссеру. Но с такой же страстью он отдавался зеленому змию. Организовать шумные гульбища по любому поводу и в любой обстановке — таким мастерством не обладал никто из многочисленной киношной братии.

Волков докурил сигарету и, глядя перед собой, начал медленно ее утаптывать в импровизированной пепельнице из широкой керамической кружки с отбитой ручкой.

— Плевал-то в кого? — не выдержал Влад.

Волков перевел на него угрюмый взгляд.

— При чем тут это... народу было много... пьяные все, как поросята...

— На натуре что ли дело было?

— Да-да... на ней, треклятой...

Владу хотелось завить волком, глядя на носителя этой фамилии. Если дело было на выезде...

— Слушай, — оператор дернул за рукав Влада, — я помню момент, что кто-то из наших это дело снимал...

— Какое? — Влад с плохо скрываемым раздражением смотрел на измученное водкой лицо собеседника.

— Какое... пьянку нашу. Вот такие мы идиоты — снимаем все подряд. Что нужно и не нужно...

— Жизнь покажет, что нужно, а что — нет. Где можно глянуть на этот шедевр?

Волков с тоской в глазах взмолился:

— Петрович, не будь садистом. Я найду, вспомню и найду. Клянусь мамой! Только не сейчас, ну пойми, ты...

Влад хлопнул оператора по плечу и попросил:

— Петя, и ты пойми, я не скуки ради интересуюсь. Мне важно найти следы того, кому чем-то мешал Павлов. Не затягивай с этим делом.

Волков, как будто протрезвев, искоса глянул на Влада и пригрозил пальцем:

— Писатель, ты только не вздумай лезть в это дело. Убийство не книжное. Доморощенным сыщикам сам знаешь, что за это бывает. Павлов — это тебе не старуха процентщица. Там такие бабки крутятся... И не в амурах дело. Вот попомни мое слово.

— Без тебя знаю, что не в амурах. Но пустить слушок, чтобы перевести вопрос в другую плоскость — это вполне возможно.

Петр нахмурился, вытащил в очередной раз пачку сигарет, но, помяв ее в руках, затолкал обратно в карман.

— Прав. Вот тут ты прав, однозначно. Навести тень на плетень... — Волков прислонился к стене и затуманенным взором посмотрел в пространство. — Так-так... Рядом со мной сидел Костя Лебедев, художник. Он ничего такого не говорил, он вообще парень молчаливый у нас. Рюмка-тарелка. Скучный тип. За ним сидел... сидела... Вот, черт! Ну да, эта сладкая парочка — Алла с Валерой.

— Костюмерша и осветитель, если не ошибаюсь?

— Да-да... молодец, Семенов, соображаешь. Именно они завелись там насчет предпочтений маэстро. Алка

сказала, что наш Павлов такой неприступный, что кто-то его сильно на крючке держит — даже уколы не позволяют делать женщине.

Волков замолчал, что-то вспоминая.

— Извини, Петя, не совсем понял: какая связь уколов с женщинами и с какими-то еще крючками?

— Вот, сейчас объясню, — отмахнулся от него Волков. — Алла сказала, что, видать, у Павлова завелась любовница. Ходит типа весь такой сияющий, как блин на масленицу. Но, похоже, что женщина ревнивая. Стерва, короче, — сделала вывод Алка. Никого, типа, не допускает к телу своего ухажера. Понадобилось уколы делать — так мужика пришлось нанять.

— И что, ты разозлился на нее из-за этого? — разочарованно протянул Влад.

— Да не было никакого резону мне злиться. С чего? — Волков выпрямился, засунул руки в карманы и, махнув головой в сторону лестницы, медленно пошел. — Ребята заждались, — пояснил он. — Я взбесился, когда Рыжиков сказал, что какой еще там медбрат, ребята... просто он голубой и все...

— И тут ты...

— Да, — Волков оглянулся на шедшего за ним Влада, — я сильно разозлился и плюнул в его сторону. Так, символически, вроде. Хотя, ты знаешь, Петрович, вот сейчас понимаю, что все это пьяные эмоции. Не более. Какую фигню ни городят мужики по пьяни. Да и по большому счету, какая нам всем разница — голубой, сиреневый... Человека убили, мастера.

— Согласен. А много народу там было?

— Где? — оператор остановился. — За столом что ли? Много. Считаю, вся съемочная группа, включая рабочих.

— Я к тому, что ляпнуть такое при всей честной компании — это надо быть либо сильно смелым, либо полным идиотом. Последствия могли быть серьезные.

— Да нет, это не тот случай. Там шумели все, не прислушиваясь друг к другу. Эта тема не была центральной, если ты об этом. Ну вот, считай, это все, что я могу тебе сказать. И показывать что-то еще нет никакой необходимости.

— Понятно, — кивнул Влад.

Распрощавшись с Волковым на лестнице, Влад вышел на улицу. Можно было, конечно, разыскать костюмершу Аллу, но к разговору с ней стоило как-то подготовиться. После такого громкого убийства, понятно, что никто откровенничать не захочет. Сейчас любой здравомыслящий будет выверять каждое слово, прежде чем что-то утверждать. Тем более в таком щекотливом вопросе. К тому же, вряд ли Алла сообщит что-то еще нового. Сейчас главное, что этот таинственный медбрат все-таки существует. Что ж, спасибо тебе, Петросян. Как только подобраться к нему...

Едва он взялся за ключ зажигания, как в кармане завибрировал мобильник.

— Доброго дня, Владислав Петрович, — раздался знакомый голос. — Если вы помните, я обещал сегодня вам позвонить. А вы обещали мне принять решение.

У Влада противно заныло в желудке. Он совсем забыл про этот мелодраматический сценарий, и никак не мог сейчас сообразить, что же ему ответить.

— Ну, я чувствую, что застал вас несколько врасплох. Очевидно, вы сейчас не можете говорить? — вкрадчиво поинтересовался Валерий Неверов. Влад наконец-то вспомнил его имя.

— Да-да, не могу. Я сейчас за рулем, — подхватил Влад.

— Ничего страшного. Я буду вас ждать в фойе гостиницы через два часа. Обговорим детали. Устроит?

— Вполне, — бодрым голосом ответил Влад, хотя ему в этот момент хотелось взвыть от безысходности. Что ж это получается — он уже не принадлежит самому себе. Полностью под колпаком. Теперь каждый, кому не лень, будет ему докучать своими прихотями, и нет никакой возможности скрыться от этих людей в укромном местечке. Хотя, что тут говорить — гостиница никак не попадает под категорию «укромных местечек». С таким же успехом он мог сидеть у себя в квартире.

Он откинулся на спинку сиденья и хмуро посмотрел на себя в зеркало заднего вида. Мелодрама как-то сейчас совсем не в тему. Но кушать надо. Причем довольно большому количеству людей. Кроме него самого, были его дети и еще — Глафира. Его бывшая — это отдельная, довольно внушительная, статья расходов. Каким-то образом изменить это положение вещей Влад даже не пытался, потому что крайними окажутся Артем и Нина, а дети страдать не должны.

Итак, мелодрама... Влад сложил ладони в подозрную трубу и начал рассматривать прохожих. В поле зрения не попало ни одной женской фигуры, которая бы дала толчок его фантазии. Иногда он для тренировки давал себе такие задания: охарактеризовать первого увиденного в окне человека и попытаться написать короткую историю про него. Он тронул машину с места и включил радио. Влад никогда не верил в магию, но в этот момент ничем иным он не мог объяснить зазвучавшую вдруг песню. «Лиза, не исчезай...» — томно выводил Андрей

Губин. Влад засмеялся в голос и зажмурил на мгновение глаза. Да! И еще раз да! Он займется этой мелодрамой, будь она неладна. В конце концов, похоже, у него наступил в жизни как раз тот момент, когда волей-неволей приходится что-то менять. В работе, в жизни...

Влад Семенов поднимался по ступенькам гостиницы уже совсем другим человеком. На лице играла улыбка, а в голове звучала песня, в такт которой он едва заметно покачивал головой. В номере было убрано, и потому, наверное, газета, одиноко лежавшая на журнальном столике, сразу бросилась ему в глаза. Продолжая мурлыкать мотив «Лизы», он мельком глянул на название — «Вечерние новости». Демонстративно скомкав издание, Влад выбросил газету в корзину для мусора.

До встречи с заказчиком сценария оставалось довольно много времени, и чтобы чем-то занять себя, он решил пообедать. Но потом, сбросив пальто, он опустился в кресло и занялся перелистыванием контактов в телефоне. Уж если писать мелодраму, то по некоторым вопросам ему придется проконсультироваться, так, для общего представления о жизненных ситуациях в сфере чувств. Пафосно сформулировав для себя задачу, он прокашлялся в ожидании ответа.

— Потапов на проводе...

— Здравствуйте, Егор. Вас Семенов беспокоит.

— Весь внимание, Владислав Петрович.

— Вы даже помните мое имя. Приятно.

— Память пока не подводила, — небрежно пояснил он. — Что заставило великого мастера интриги обратиться к моей скромной персоне? Я, честно признаюсь, иногда подумываю: а не проконсультироваться ли мне у Семенова? — Потапов коротко хохотнул. — Итак, я весь внимание.

Внезапно Влад почувствовал волнение, как будто он стоял на пороге экзаменационной комнаты.

— Знаете, когда звонил, то думал, что нужна консультация, но теперь...

Он замолчал, пытаясь как-то определиться в своих неясных желаниях.

— Что же смутило вас? — нарушил молчание Потапов ровным голосом психоаналитика. И Влад поддался на эту интонацию, как изголодавшаяся рыба на крючок.

— Егор, я понял, что мне нужна ваша помощь. Не консультация, нет. Вы можете выполнить для меня одно поручение? Я хотел сказать, — тут же поправился он, — найдется ли у вас для этого время?

— Для этого я должен знать, о чем конкретно идет речь. Надо встретиться. По телефону такие вопросы я не решаю.

— Конечно, конечно... В данную минуту вы свободны? Я мог бы подскочить к вам, — Влад суетливо глянул на часы.

— Я у себя в конторе. Пока свободен, но где-то через час у меня встреча с клиентом. Если вы недалеко, то можем перекинуться парой слов.

— Окей!

Первое, что увидел Влад, войдя в кабинет к сыщику, были ноги в домашних тапочках, бесцеремонно лежащие на столе. За длинными ногами, в глубине кресла, виднелась голова сыщика в наушниках. Он что-то слушал, закрыв глаза. Влад остановился на пороге, не смея нарушить тишину. Через короткое время Потапов приоткрыл один глаз и пальцем указал на стул.

— Да, интересно... — пространно выразился он, сняв наушники. — Понимаете, Владислав Петрович, если бы люди не имели голоса, преступления раскрыть было бы практически невозможно.

— Считаете? — с сомнением произнес Влад. — Я бы выбрал глаза. Разве зря говорят, что глаза не врут?

Потапов покрутил пальцами в разные стороны.

— Как вам сказать... скорее, все же врут. К тому же в глазах можно увидеть такую гамму разных чувств, что легко заплутать среди многочисленных нюансов.

— А голос?

— А его величество голос — это, я вам доложу, просто прелесть какая-то... Я вот слушаю, не видя глаз собеседника, и сразу понимаю — врут! Как бы ни старался человек, ложь вынуждает его ставить перед собой стену, непробиваемую, непроницаемую, чтобы никто ни о чем не догадался. И голос его бьется об эту стену, гложет, задыхается.

— А как же выражение: врут как дышит.

— Это исключение, подтверждающее правило! — сыщик с азартом потер ладони. — Как мне с вами интересно разговаривать! Тот, кто врут как дышит — психопат. Не верите? Научно доказано, что патологические вруны — больные люди. У здорового человека вынужденная ложь губительно сказывается на его психике. Он страдает, мучается.

— Ну и как там, — Влад кивнул в сторону наушников, — лжец или честный?

— Лжец. Увы, — сыщик скорчил страдающую мину. — А ведь мне предстоит его защищать, быть адвокатом.

— Как такое может быть? — Влад брезгливо поморщился. — Вы идете против своей совести, сознательно причем. Егор, между нами, вы предаете самого себя. Вы же сами говорили, что от этого страдает психика. Он врет, вы будете врать...

— С чего вы взяли, что я буду защищать лжеца?

— Так вы же сами сказали...

— Э, нет! — Потапов поднял вверх палец. — Я вначале заставлю его сознаться. А потом уже буду защищать. Любой преступник имеет право на защиту. Здесь важны многие моменты — мотив, обстоятельства, цель... Не хочу вас утомлять, короче. Итак, что конкретно привело вас ко мне?

Потапов сбросил ноги на пол, выпрямил спину и нацепил очки в тонкой оправе. Влад невольно расправил плечи и сухо произнес:

— Хочу, чтобы вы помогли мне выяснить, с кем и, главное, с какой целью встречается одна особа с представителями мужского пола.

С этими словами Влад открыл телефон и показал фотографию Насти. Он сейчас слабо отдавал себе отчет почему вдруг ему понадобилась профессиональная слежка за ней. Возможно, где-то в глубине души, его мучила эта недосказанность в их взаимоотношениях. Он, человек, привыкший ко всем историям — хоть жизненным, хоть книжным, — подходить с профессиональной точки зрения. И если была завязка, то должна быть и развязка — логически ясная и правдоподобная.

Потапов никак не выдал своего удивления столь банальной и, очевидно, пошлой просьбе. Он быстро перекинул фотографию к себе в мобильник и записал нужную ему информацию в блокнот.

— При этом мне не нужны подробности, не нужны никакие сведения об этих мужчинах. Важно только одно — это любовная связь или нет. Никаких фотографий для отчета тоже не нужно. Я нигде и никому не собираюсь что-либо доказывать. Два слова — да или нет. Я вам полностью доверяю.

Сыщик внимательно посмотрел на Влада и тихо произнес:

— Все предельно понятно. Вы человек серьезный и намерения ваши — тоже. Вопрос только один: как скоро вам нужен ответ? Мне надо соотнести это со своей текущей работой.

— Все на ваше усмотрение. Это не к спеху. Главное — правда.

— Ээ... извините, Владислав Петрович, можно последний вопрос?

— Да, конечно, — Влад с готовностью посмотрел на Потапова.

— Мы с вами затеяли такое деликатное дело... В общем, меня интересует, что в данном случае вам сердце подсказывает?

Влад не ожидал подобного вопроса. Сыщик неожиданно застал его врасплох.

— Я? — он ступешался и потерял, казалось, возможность что-либо соображать вообще. — Простите, я не знаю. Честное слово — не знаю. Я совсем запутался. Вот поэтому, собственно...

— Я понял. Хорошо, ждите моего звонка. Через неделю. Может, раньше. Как дело пойдет, тут сами понимаете...

Влад ушел от Потапова в растрепанных чувствах. Он уже десять раз пожалел о своей затее, и ровно столько же раз оправдал себя. С одной стороны, он понимал, что следить за Настей — подло. Она никогда его не предавала, она являлась частью его жизни последние несколько лет — успешной, удобной, отлаженной. Только за эти годы он должен быть ей безмерно благодарным и не судить за то, что она решила уйти от него. С другой стороны, его мир, такой понятный и приятный во всех отношениях, сейчас с треском лопнул. Как переспевший арбуз. Этому должно быть объяснение. Скорее всего, он переоценил свои возможности, и от него ускользнули какие-то важные вещи, на которые следовало обращать внимание. Конечно, если бы не загадочные смерти близких ему людей, то проблему личных отношений он решал бы несколько иначе, проще. Однако ему сейчас нужна была помощь, нужны объективные факты, а не гадания на кофейной гуще. Если Настя полюбила кого-то другого, то ему придется с этим смириться, невзирая на ущемленное мужское самолюбие. Это будет тяжело и больно. И ему придется найти в себе силы перевернуть эту страницу своей жизни.

Широко шагая по вестибюлю гостиницы и все еще пребывая в состоянии бурного внутреннего диалога, он не сразу услышал, как его окликнули.

— Да, извините... задумался, — Влад затуманенным взором посмотрел на Неверова. — Пройдемте ко мне в номер.

— Итак, вы хотите, чтобы я написал для некоего господина Ракитина сценарий двухчасового фильма, — Влад повторил задачу, поставленную ему три дня назад, едва они уселись в кресла напротив друг друга.

Лицо мужчины было холодно и не выражало ничего, кроме ожидания ответа. У Влада мелькнула мысль, что Неверову сейчас было абсолютно безразлично, согласится он или нет. Главное — закрыть этот вопрос раз и навсегда.

— Совершенно верно. В жанре мелодрамы, — напомнил он.

Влад опустил взгляд на свои руки, словно спрашивая: возьмемся? Затем прочертил ногтем по ладони линию, изо всех сил, до боли.

— Что ж, пожалуй, я соглашусь, — он дождался, пока на руке не появится красная полоса и посмотрел на мужчину. На лице Неверова не дрогнул ни один мускул.

— Тогда обговорим детали, — уголки губ у него едва заметно дрогнули. — Речь пойдет о несчастной любви девушки, надежды которой рухнули в один день. Это было утро после первой ночи любви. Жестоко обманутая, она страдала долгие годы...

— Погодите, погодите... — Влад в недоумении склонил набок голову. — Вы мне хотите рассказать содержание этой истории? То есть, это не будет моя интерпретация жанра...

— Интерпретация будет ваша, — поспешил его успокоить Неверов. — Я всего лишь обозначаю канву фильма. Так нужно по замыслу Ракитина. В конце фильма обидчик горько пожалеет о своем поступке. Вот вам, так сказать, берега, а русло наполняйте своей фантазией.

Владу хотелось возразить, что это не мелодрама вовсе.

— Я вижу, вы хотите что-то мне сказать? — Неверов приподнял брови.

— Если честно, то, скорее, спросить....

— Спрашивайте.

— В чем, собственно, трагедия героини? Она любила его, а он отверг чувства девушки?

— А что вас смущает? — лицо Неверова ожило, легкий румянец лег на скулы.

— Понимаете, Валерий, если мы с вами говорим о жанре мелодрамы, то здесь, на мой взгляд, надо хотя бы соблюсти некоторую процедуру, — Влад сложил руки на груди и откинул голову на высокую спинку кресла. — Должны быть чувства — яркие, многообещающие. Любовь, короче, должна быть. Она любит его, он любит ее. Но по какой-то, неведомой пока нам с вами, причине, один из героев нарушил клятву любви. Обстоятельства могут быть разными — он или она разлюбили партнера — это раз. Его или ее кто-то ввел в заблуждение, обманул и они, таким образом, расстаются и страдают из-за этой неразберихи. Это второй вариант. Ну и третий, к примеру: случилась война, любимый ушел воевать, пропал, потом, в конце, находится, и все безмерно радуются и плачут от счастья. Ну, в общих чертах... А что вы мне предлагаете? От начала до конца сплошная драма. Почти криминальная.

— Какая вам разница? Главное, как я говорил — она утром поняла, что обманута, а он, в конце, будет наказан. А в середине — слезы-сопли, уж будьте добры. Вы, кстати, про размер гонорара не забыли?

— Ну да, забудешь тут. Скорее свое имя не вспомнишь... Пусть будет по-вашему. Страдалица будет отомщена. Так?

— Именно так. Ну что, подпишем договор? — Неверов полез в портфель за бумагами.

— Договор?

— А что вас удивляет?

— По правде, таких договоров мне еще заключать не приходилось. Как это вообще возможно между частными лицами?

— Достаточно просто. Мы напишем с вами расписки на сумму, которую я вам называл.

— Не понял. Я тоже должен буду вам такую расписку дать?

— Само собой. Вы же хотите получить свой гонорар? Вы его получите. Прямо сейчас, — с этими словами Неверов вытащил на стол стопку купюр, упакованную в прозрачный пакет.

Возникшее при виде денег беспокойство, через мгновение переросло у Влад в панику.

— Вы хотите мне сразу выплатить весь гонорар? Не дожидаясь даже первых строк?

— Взамен вы напишете расписку, что получили эти деньги в счет будущего сценария. Это нормально?

— Само собой. И это все условия?

— Не торопитесь. Если в указанный срок вы не представите готовый сценарий, то будут штрафные санкции.

По-моему, это тоже нормальная практика.

— Согласен, — кивнул Влад.

Неверов помолчал, побарабанил пальцами по своему портфелю и медленно, чеканя каждое слово, добавил:

— Учтите, что срыв передачи сценария будет стоить вам двойной суммы выплаченного гонорара.

— Простите, не понял, — Влад помотал головой, будто освобождаясь от наваждения. — Если я не уложусь в срок, то обязан буду вернуть вам двойную сумму?! Это же бред какой-то...

— Почему? Ваш сценарий тоже вряд ли стоит тех денег, что вам дают. Но мы же идем на риск.

Владу стало неудобно. Перед ним лежала куча денег, и тянула к себе, как магнитом. Но двойная сумма неустойки...

— А если форс-мажор?

— Что ж, мы и тут согласны рисковать. Если вы умрете, то с ваших детей вы взыщем эти деньги. Разумеется,

когда они достигнут своего совершеннолетия. Не раньше.

У Влада пересохло во рту, а тело налилось свинцом.

— Так что, Владислав Петрович, живите долго, и будьте счастливы. Мы не препятствуем, — Неверов расплылся в улыбке, и все его грузное тело, казалось, начало растекаться в кресле, как подтаявший студень.

Влад открыл было рот, чтобы сказать, что он отказывается от сделки, но так и не произнес ни слова. Он лишь украдкой посмотрел на Неверова, который, по всему видно было, не собирался продолжать с ним дискуссию, и неторопливо раскладывал бумаги на столе. Господи! — воскликнул он мысленно, — как же я сразу не догадался, что это ловушка? Никто и собирался ждать от него какого-то решения. Все было решено за него.

— А если я...

— И не думайте, — мягко оборвал его Неверов, все так же копошась в бумагах. — Это уже ни на что не повлияет. Поверьте мне на слово. Вы же умный человек. У вас было три дня, вы только что дали ответ «да». Человек вы талантливый. Напишите эти розовые слюни и вся недолга. Остальное уже не имеет значения. Время пошло, как говорят. А я человек подневольный.

Влад тут же услышал, как оно — время — идет. Громко так, словно в ботинках с подковами. Стук отдавался в голове, заставляя вздрагивать при каждом ударе. Он подписал все подsunутые ему бумаги, не вникая в их смысл, потому что сосредоточиться на тексте ему все равно не удалось, как он ни старался. Было лишь одно желание — поскорее остаться одному.

— Ну вот, полный порядок, — Неверов собрал бумаги. — Итак, требования к тексту вы запомнили. Срок полтора месяца. Деньги можете не пересчитывать — там все в порядке. Бумаги эти пусть вас не беспокоят. Все будет так, как я передал на словах. Даже если бы вы не подписали ничего. Так что корить себя не стоит в любом случае. Вы поступили благородно.

Мужчина поднялся и легким шагом, что было удивительным для его тучной фигуры, направился к дверям.

— Погодите! — окликнул его Влад.

Неверов обернулся.

— Скажите честно, зачем это все, кому я понадобился?

— Пишите. Напишите — поймете.

Дверь захлопнулась, как капкан. Влад еще некоторое время прислушивался к тишине, к своему гулко стучащему сердцу. Затем он взял договор, но перечитывать не стал — все равно буквы прыгали перед глазами, — отнес его в дорожную сумку, с которой он приехал в отель. Глянув на пакет с деньгами, он первым делом запер на ключ номер, потом вытащил одну стопку, перетянутую резинкой, извлек купюру и посмотрел ее на свет, на ощупь попробовал и, вдобавок, понюхал. Деньги были настоящими. Количество — половина стоимости его квартиры. Штраф, соответственно, будет равен квартире целиком. Ни при каких обстоятельствах он не сможет заработать или взять в долг такую сумму. Выход — писать. Только выход ли это? — задал он себе вопрос, не желая даже думать про ответ.

Вытащив из мини бара бутылочку минеральной воды «Перье» и залпом осушив ее, Влад попытался взять себя в руки. Он сейчас не был в состоянии как-то анализировать происходящее. Однако была острая потребность задать самому себе вопросы, пусть и без ответов. Приложив холодную бутылку ко лбу, он опустил в кресло. Если посмотреть со стороны на эту пьесу, что разыгралась у него в номере, напрашивался в первую очередь тот самый вопрос, что он задал Неверову: кому нужен сценарист Семенов? Что кроется за этими загадочными условиями? Даже не столько загадочными, сколько странными, не поддающимися никакой логике. Почему ответ может содержаться в его же тексте? То есть, получается, что он, по всей видимости, сам же напишет ответ? Ага! — Влад поставил бутылку на стол. — Они уверены, что Влад знает, почему так могло случиться с какой-то там девицей, которую обманули... Бог мой, кто обманул? Почему это так важно господам Неверову и Ракитину? Это история из жизни? Если да, то почему было не рассказать ему все, как есть. А уж он бы постарался изложить это в художественном варианте. Или... они считают, что обманщик он сам? Семенов? И ему понадобится лишь напрячь свою память, причем, напрячь за офигенный гонорар! Нет, эти люди сумасшедшие. И они его приговорили. Этими деньгами...

Между тем, Влад начал лихорадочно перелистывать страницы своей юности, вплоть до сегодняшнего дня. Он никогда не был заядлым любителем мимолетных приключений с представительницами противоположного пола. Ну не было у него столько девушек, чтобы заблудиться в этих воспоминаниях. Ничего похожего не отыскалось и в период школьных лет, когда он с ребятами ходил на дискотеки и вечеринки. Да и вообще — неожиданно подвел он грустный итог, — с женщинами у него всегда как-то не складывалось. Обижаться, скорее, можно было ему, нежели какой-то девице. Получается, что писать придется не про себя любимого. Так кому пришла в голову идея сделать из него козла отпущения?

Влад стукнул кулаком по столу. В очередной раз он подумал о том, что весь кошмар последних событий имеет к нему прямое отношение. И контракт на «розовые слюни» из той же серии. А вдруг этот Неверов и есть убийца

Павлова? И Волошина заодно. Никто не знает, какие муки им пришлось вынести перед смертью. И вот теперь наступил его черед. Начать решили с пряника. Но вскоре дело может дойти и до кнута. Он с отвращением посмотрел на деньги. Такое случилось с ним впервые. Почему он не выгнал этого проходимца Неверова вместе с его деньгами? Струсил? Пожадничал? Скорее, не рискнул. Такая формулировка будет выглядеть несколько мягче и точнее, подумалось ему. К тому же слова Неверова о том, что решающим фактором сыграло его «да», а вовсе не подписанные бумаги, нельзя сбрасывать со счетов.

Из гостиницы придется съезжать. Надо работать. Еще никогда Владу не приходилось думать о работе с таким ужасом. Уже много лет самые сладостные минуты — те, когда он садился за новый сценарий. Фантазия бурлит, мысли яркие, надежды большие. И так было всегда, ровно до сегодняшнего дня...

Побросав вещи в сумку, он подошел к мусорной корзине и вытащил скомканные «Вечерние новости», после чего аккуратно оторвал нижний край листа с реквизитами редакции. Пока еще он и сам не знал, зачем ему понадобились телефоны этой газетенки. После разговора с Майей и Петей Волковым персонаж Сержа Петросяна выглядел уже не так комично. Возможно, что поговорить с ним еще придется. И не раз. Взять, так сказать, интервью у репортера. А что, подумал Влад, пусть побудет в шкуре своего собеседника. Ему полезно будет!

Войдя в квартиру, Влад вздрогнул: на кухне горел свет.

— Настя, ты дома? — громко позвал он.

В ответ — ни звука. Он хорошо помнил, что Настя оставляла свои ключи перед уходом. И вряд ли она стала бы делать второй экземпляр. Это не в ее стиле. Однако окликнуть кого-либо еще он не мог. Не было у него никого. Ни собаки, ни кошки...

В кухне было пусто. Пройдя по квартире, он убедился, что дома никого не было. Получается, он просто забыл выключить свет, уезжая в гостиницу? Возможно, вполне возможно, успокаивал он себя. Дни стоят серые, темные, свет он мог включить в любое время суток, и в глаза могло не броситься. Тем более что уже вечерело.

Влад посмотрел на сумку и с досадой пнул ее к стене. Разбирать вещи не хотелось. Даже деньги, лежавшие там, его сейчас как-то мало тревожили. Потому что тот, кто их дал, так же легко сможет их забрать. В любой день. Да что там день! В любую минуту. Это для него ясно как дважды два! И в банк такую сумму он не мог положить. Именно сейчас, когда вокруг него творятся эти чудовищные преступления, открыть счет в банке — огромный риск. Объяснять потом про каких-то мифических господ Неверова и Ракитина — смерти подобно.

Он вернулся в кухню, заглянул в холодильник, с шумом втянул воздух и вспомнил, что сегодня кроме чашки кофе с бутербродом так ничего и не ел. А зря, в гостиничном ресторане кухня была весьма приличной. Неожиданно для него самого по телу расплозлось приятное тепло, стало спокойно и даже как-то безмятежно на душе. Кто-то из его многочисленных героев говорил как-то, что в критических ситуациях у человека срабатывает защита. Нервная система ищет возможности сберечь силы для более важных жизненных функций, чем страх, боль, тревога. Влад иногда сам удивлялся, каким образом придуманные им же герои знают больше, чем он, автор. Это было выше его понимания, но он никогда не считал нужным копать так глубоко. Есть высшие законы, которым подчинено все вокруг, в том числе и законы творчества.

— Алло, Лиза. Извините, что потревожил вас, — сказал он в трубку в ответ на ее глухое «да».

— Здравствуйте, Влад. Я рада вас слышать. Вы несколько меня не потревожили, — она негромко рассмеялась. — Не поверите, но только что подумала о вас.

— Правда? — с облегчением выдохнул он. — Даже не верится... как дела у вашего сына? Ему полегче?

Лиза ответила не сразу. Чувствовалось, что этот вопрос ее напрягал, и Влад уже хотел извиниться, но она опередила его:

— Спасибо, что вспомнили. Да, уже лучше.

— Это хорошо. Во всяком случае, своими разговорами мы ему не сильно мешаем?

— Нет. Совсем не мешаем. Он в больнице. Уже давно.

— Очень жаль. Я бы с ним с удовольствием познакомился. Он скоро выпишется?

— Влад... расскажите, лучше, как ваши дела? Как творчество. Мне, правда, интересно. Не подумайте, что я хочу как-то увильнуть от ответа. Но здесь особый случай...

— Извините... я не специально, — Влад ступешевался. — Да какие мои дела? Вроде как события важные, трагичные. Я даже не знаю, что вам сказать. Суета, недоумение... сплошные вопросы, в общем.

— Да, я понимаю. Но надо как-то встраиваться в эти новые реалии.

— Это вы хорошо сказали... встраиваться. Но как бы прагматично это ни звучало, встраиваться-таки придется. Как я уже сам понял, это единственный выход у меня сейчас. Но вы должны мне помочь...

— Я? — удивилась Лиза. — Если в моих силах...

— Я склонен думать, что это не отнимет много ваших сил. Как насчет поужинать где-нибудь в уютном месте? Я страшно голоден. Только не отказывайте, а то в обморок голодный упаду. Еще немного... и все...

— Сейчас. Погодите, пока падать не надо. Хочу собраться с мыслями...

Влад терпеливо ждал ее решения, хотя уже подсознательно чувствовал, что она не откажет.

— Але, Влад...

— Да, да. Я здесь...

— Не знаю, покажется ли вам уютным местом моя квартира, но в обморок от голода вы здесь точно не упадете. Я как раз приготовила хороший ужин. На двоих вполне хватит.

У Влада сладко заньло сердце, и слова от волнения застряли в горле.

— Или вы предпочитаете публичные места? — озадаченно спросила она.

— Да я их просто терпеть не могу, — почти шепотом произнес Влад. — Говорите адрес...

Она стояла в проеме открытой двери и улыбалась. Влад был удивлен, насколько «домашняя» Лиза отличалась от той, другой, которую он впервые увидел, когда лежал на снегу сбитый машиной. И тем более от Лизы в ресторане — утонченной, изысканной дамы. Сейчас перед ним стояла совсем молоденькая девушка в лосинах и тонкой тунике, совсем как вчерашняя школьница с косичкой, перетянутой цветной резинкой. Очки в простой темной оправе дополняли образ отличницы-первокурсницы.

— Здравствуйте, а мама дома? — решил подурачиться он.

Лиза прыснула в кулак, пропустила его в прихожую и закрыла дверь на замок.

— Так вы к маме, — подыграла она. — Тогда я вас разочарую. Мамы дома нет...

— По-моему, это нам на руку как раз, — засмеялся Влад и, сбросив пальто на вешалку, обернулся к Лизе.

Она была слишком близко, чтобы продолжать разговор, да и слова все вылетели у него из головы, как птицы из внезапно открывшейся клетки. Остались только эмоции, ослепляющие и лишаящие остатков разума. Он прижал Лизу к себе, уткнулся ей в волосы и срывающимся голосом произнес:

— Скажи, где твои крылышки? Я ничего не нахожу.

— Влад, ты о чем...

Он целовал ее в шею, гладил ладонями по спине и приговаривал:

— Ну как же так? Вот здесь должны быть крылышки. У ангелов они всегда есть.

От нее пахло детским кремом. Он хорошо знал этот запах, таким кремом пользовалась Настя, когда обветривала на холоде лицо или губы. Сейчас этот запах будоражил его куда больше самого изысканного парфюма. Э, парень, да ты пропал... совсем, — мысленно удивлялся он самому себе.

Ее хрупкое тело было слегка напряжено, а руки безвольно опущены вдоль тела, и Влад вдруг испугался, что она сейчас расплечется. Однако стоило ему немного отстраниться, как Лиза крепко прижала его к себе.

— Почему ты так долго? — прошептала она ему на ухо. — Я ждалась...

— Не знаю... я спешил. Пробки сейчас везде.

— Эти пробки вечно портят всем жизнь...

Влад подхватил ее на руки и понес в комнату. Больше они не произнесли ни слова. Он занимался с ней любовью с той болезненной страстью, которая присуща либо безумцу, либо приговоренному к смерти. В эти минуты для него как будто все исчезло — боль утраты близких ему людей, страх за свою жизнь, паника от непонимания происходящего вокруг. Исчезло все. Осталось только это чудовищное наваждение, за которое, он понимал, ему придется отвечать. Только сейчас уже поздно давать задний ход.

Потом он, как хищный зверь в зарослях, притаился за опущенными ресницами и наблюдал, как пульсирует жилка на ее шее, как блестит влажная ложбинка у нее на груди. Он почти не дышал, боясь нарушить этот хрупкий баланс в своей душе. Ему казалось, если сейчас она встанет с постели, он тут же рухнет вниз в реальность, как чаша весов, лишенная противовеса.

Лиза медленно натянула простыню до подбородка и проговорила едва слышно:

— Ты не спишь, не притворяйся...

— Не сплю.

— А почему ничего не говоришь?

— Я думаю...

Она не стала спрашивать, о чем он думает и, стянув с него простынь, обмоталась ею.

— Я в душ.

Она ушла, а он остался лежать нагишом, стараясь закрепить в памяти эти быстро ускользающие ощущения еще хотя бы на какой-то промежуток времени.

Они сидели в кухне при мягком свете бра, висевшим над столом. Влад старался много говорить, чтобы не поддаваться искушению анализировать происходящее. Лиза слушала, внимательно глядя ему в глаза, как примерная ученица. Иногда она загадочно улыбалась, опустив взгляд.

— Что у тебя с работой? — вдруг спросила она будничным тоном. Так спрашивают жены у мужей за завтраком.

Влад скривил лицо, как от случайно укушенного кислого яблока.

— Не напоминай даже.

— Не буду, извини.

— Я, похоже, влип по-крупному с работой, — пояснил он. — Вот теперь надо собраться с силами и запустить, как говорят, новый проект.

Лиза удивленно склонила голову.

— Ты решил уйти из литературы?

— Нет. Увы, на такое я не способен. Я ведь ничего не умею, кроме как сочинять. Совершенно неприспособленный к жизни человек, хочу тебя разочаровать сразу.

— Ну вот. Сначала, значит, очаровываем, а потом — здрасьти, ни к чему не пригодный, — рассмеялась она.

— Зато честно, — кивнул он. — Более того, я и в своей сфере, как оказалось, мало что понимаю. Мне сейчас позарез нужна мелодрама. То есть, хочу сказать, что я нанялся писать мелодраму.

Лиза восхищенно цокнула.

— Действительно, смело. Хотя жанр-то пустяшный.

— Считаешь? Не знаю, может, ты и права. Только не мужское это дело.

— Тогда зачем нанимался?

— Сдуру, — непринужденно ответил он. — Соблазнили гонораром. Продался, короче.

— Ну что ж, деньги дело не последнее в нашей жизни. Куда ж без них. Тем более что с твоим режиссером уже не поработаешь. Печально. Ведь в последний момент он согласился на сценарий.

Влад не отозвался на эту реплику, лишь сухо заметил:

— Мне неизвестно, о чем он хотел со мной поговорить.

Некоторое время они молчали. Эта пауза, возникшая после упоминания о Павлове, разрушила канву разговора. Образовалась брешь, которую Влад не знал, чем заткнуть. Все что угодно, только не о смерти Павлова!

— Лиза, — нарушил он молчание, — хочу спросить, чем болен твой сын. Не из любопытства, пойми меня правильно. Просто сейчас у меня есть деньги, и если требуется вывезти ребенка куда-то на серьезное лечение, я мог бы оплатить.

Лиза поменялась в лице. Вилка со стуком упала на тарелку, она опустила руки на колени и выжала из себя улыбку:

— Нет, пожалуйста, Влад, это слишком болезненная тема для меня. Деньги здесь ни при чем. Заболевание неизлечимо. Он часто лежит в стационаре. Но прогресса нет и быть не может, — произнесла она, словно подводя черту.

— Хорошо. Я больше никогда не затрону эту тему, — пообещал Влад.

В конце концов, подумал он, нужды в деньгах Лиза, похоже, не испытывает. У нее был когда-то состоятельный муж, который, по всей видимости, и помогает ей сейчас.

Разговор не клеился, несмотря на все усилия Влада. Он понимал, что они с Лизой оказались по разные стороны драмы, разыгравшейся у каждого по своему сценарию. Ни он, ни она не желали выворачивать наизнанку свои проблемы друг перед другом. И потому, наверное, как опытные фехтовальщики, оба деликатно уклонялись от болезненных уколов.

Он вернулся домой далеко за полночь, долго не мог заснуть, лежал, улыбаясь в темноте, и благодарил судьбу за этот вечер.

Утро пришло неожиданно. Влад был удивлен, глянув на часы. Надо было начинать жить в новом режиме — рабочем. Наверное, поэтому ему так хотелось оттянуть этот момент. Он долго плескался в душе, затем неспешно готовил завтрак, и понимал, что это тревожный симптом. Работа не заладится. Так было всегда. Всегда, но не в первый день! Бывали моменты, когда написав добрый кусок сценария, работа вдруг стопорилась. Тогда он делал день-другой перерыв, чтобы свежим взглядом оценить работу и наметить перспективы. А сегодня... Ему еще никогда не приходилось работать под прицелом. Получится ли? Кто знает, может постепенно получится втянуться в эти «розовые слюни», как сказал Неверов. Да и Неверов ли он? Как-то на этот счет у Влада были большие сомнения. Продался помимо воли черт знает кому!

Влад едва не проворонил сковородку. Спohватившись, он быстро выложил на тарелку слегка уже подгоревший омлет. Так оно и есть, продолжил он делать выводы, Неверов — дьявол, заманивший его в ловушку. Кто же стоял за этим... человеком? Ракитин? Нет такой фамилии в списке его знакомых. Никогда в жизни не контактировал он даже случайно... Стоп, стоп! Случайно — вот ключевое слово. Случайно могли быть встречи и контакты с любыми людьми, фамилии которых он не знал, и надобности в этом никакой не было. Это же элементарно!

Принявшись за кофе, Влад задумчиво уставился на холодильник, как на белый лист. Невольно его мысли начали укладываться черными буквами на белую эмалированную поверхность. «Проклятый день» — так, кажется, он решил озаглавить свой новый сценарий. Что ж, пусть так и будет. Какое еще можно придумать название, если не самое правдивое? К тому же, не выходит за рамки требований заказчика. Один день или ночь — неважно —

вполне могли перевернуть жизнь не только ему, но и придуманному персонажу. Тут как бы все совпадает. А что дальше? Он со своим ужасом не может разобраться, а тут дама... Вот где загвоздка. Как быть с женской психологией? Одно дело женщина-герой в детективе, и совсем другое — в мелодраме. Тут придется влезть в шкуру женщины по самую макушку. Силы небесные, сжальтесь...

Тщательно перебив посуду, Влад тяжелой поступью направился в сторону письменного стола. Открыв ноутбук, он увидел уже написанный им раньше заголовок. Возник вопрос — а знаком ли с принципами жанра заказчик? Насколько он понял, этот человек не из сферы кинематографа. Поэтому то, что в его понимании мелодрама, может быть совсем другим жанром. К примеру, триллером. Главное добавить слез и прочей атрибутики, что так любят женщины. Среди его знакомых мужчин любителей мелодрамы он не наблюдал. А здесь...

Его вдруг осенила догадка. Влад откинулся на спинку кресла и саркастически хохотнул. Откуда ему знать, что киношка нужна мужчине? Ракитин — всего лишь фамилия заказчика, а идея вполне могла исходить от женщины. Его жены, дочери или любовницы. Почему нет? Вполне правдоподобно. Сейчас много богатеньких Буратино, причуды которых зашкаливают. Итак, если исходить из этой версии, то придется изворачиваться. Эти нувориши не потерпят, чтобы обижали их девочек.

Взгляд упал на телефон, и все мысли тут же смешались. Захотелось срочно позвонить Лизе.

— Доброе утро, Лиза. Я не помешал?

— Здравствуй. Правда, уже день. Для меня, во всяком случае.

— Да? А я как-то и не заметил. Хочу тебе сказать, что очень благодарен за вчерашний вечер. Мне было безумно хорошо.

Лиза молчала несколько дольше, чем нужно для ответа, и он заволновался.

— Извини. Я тебя, наверное, чем-то обидел?

— Влад, все в порядке. Я просто смутилась немного. Как девочка. Не могла сообразить, что отвечают в таких случаях.

— Ничего. Просто не бросай трубку. Не прогоняй меня.

— Ну, этого у меня в планах не было, — она усмехнулась. — Ко мне скоро ученица придет. Поэтому я настроена несколько по-деловому. А что ты? Кропаешь шедевр?

— Ой, не напоминай. Сел перед монитором и почувствовал себя полным болваном. Ни одной мысли даже рядом не пробежало. Вот скажи, чем можно так обидеть женщину за один день... ну, или ночь там, что она будет пытаться мстить за это всю оставшуюся жизнь?

Лиза вздохнула и неуверенно произнесла:

— Влад, я так думаю, что у нас обиды те же, что и у вас.

— Понимаешь, мне в голову приходит только изнасилование. Но это слишком банально, чтобы строить на этом сюжет.

— Согласна. Это больше на криминал похоже, а у тебя, ты говорил, вроде как мелодрама.

— То-то и оно. Чего такого мог этот идиот сделать, за что потом головы лишился?

— Ого. Это надо постараться.

— О чем и речь. Понимаешь, Лиза, тебе может это показаться странным, но к женщинам я отношусь как к высшей расе. Они умнее, я уверен, добрее, глубже как-то. У мужиков все просто и понятно. Они сволочи, конечно, но если уж дело коснется ненависти и мести, то женщины и тут их переплюнут стократ.

— Что-то в твоих словах мелькнуло такое, что я подумала — ты женоненавистник.

— Ну вот, изложил, называется, суть проблемы, — рассмеялся Влад. — Я обожаю тебя! Все, не мешаю твоим урокам. И своими займусь. Целую!

Он положил трубку и уставился на экран. «Проклятый день»... даже название мужское. Женщина никогда бы так не сказала. Но о таких нюансах речи не шло. Он сходил за водой, вернулся к столу и, сделав несколько глотков, поставил бутылку на стол. Какое-то время он перебирал в памяти свои предыдущие сюжеты в поисках самого гадкого поступка, который бы мог засесть в голове у пострадавшего на всю жизнь. Измена, убийство близких. Нет, только не убийство. На убийство не обижаются. Тут другой уровень эмоций.

На душе стало невыносимо мутно, когда он подумал об убийстве Павлова и Волошина. Хоронить обоих почему-то не спешат. Значит, все еще работают криминалисты. А чем занимается он? Влад поднялся и начал рассказывать по квартире, все больше и больше погружаясь в раздражающие душу мысли. Ему стало невыносимо стыдно за то, что нанял сыщика следить за Настей, за то, что смалодушничал и согласился на этот дурацкий заказ. Ну что бы ему сделали? Квартиру отобрали? Квартира, в конце концов, не жизнь. Но тут он остановился, и жар прошел по телу. Ну да, как же он сразу не догадался, что выхода у него не было не потому, что так сказал некий господин Неверов, а потому что тот упомянул его детей. Нина и Артем — как и он — заложники этого дьявольского замысла. Никто не знает, как далеко могут зайти преступники.

Нужна зацепка, крохотная, микроскопическая — любая. Главное, чтобы выйти на след исполнителя. Про заказчика думать пока еще слишком рано. И потому со счетов нельзя сбрасывать ни одного даже случайного события последних дней. Влад плюхнулся на диван. Началось все с того, что его подбила машина. Видеть ее он никак не мог, потому что она наехала на него со спины. К сожалению, Лиза не смогла разглядеть из-за ослепивших ее фар. К тому же она не ожидала, что машина поедет прямо на него. Она и сама-то едва успела отскочить. Так-так... А вдруг целью нападавших была как раз Лиза, а не он...

Влад сидел словно окаменевший. Спустя минуту он все же отказался от этой версии. Гибнут близкие ему люди. И подставить с убийством режиссера хотели его, а не кого-то там еще. Нет, Лиза всего лишь невольный свидетель. И это не есть хорошо. Те, кто совершал этот наезд, не знают, что конкретно она успела заметить. А вот женщину, идущую им навстречу, скорее всего, увидели. Так что Лиза может быть для них опасна. Влад сжал кулаки. Остается уповать на то, что шансов отыскать человека, мелькнувшего в темноте перед машиной, практически нет. К тому же их машину не ищут — а это значит, что номера никто не зафиксировал.

Ему нужен был помощник — эта мысль пришла Владу неожиданно и тут стала навязчивой идеей. Только где найти такого сумасшедшего, который бы рискнул ввязаться в подобное дело? Он покачал головой и прищурил глаза. Но этот маневр не придал ему прозорливости, и роль помощника осталась вакантной.

Влад подошел к ноутбуку и на следующей строке, под заголовком «Проклятый день», добавил: «Проклятое дело». Если судьба все же дарует ему шанс остаться в живых и узнать развязку, то единственное, чего бы ему не хотелось — это оказаться главным персонажем, из-за которого пострадали дорогие ему люди. Он захлопнул крышку компьютера. Сама мысль, что он сейчас будет сидеть сложа руки, придумывая сказку про обиженную девочку, для него была невыносима.

Спустя полчаса он сел в машину. Решение заехать еще раз к Волкову показалось ему единственным вариантом как-то начать распутывать тайну смерти Павлова. Накинув пальто, он вытащил из кармана перчатки, вслед за которыми на пол выпал обрывок газеты. Тот самый, что Влад оторвал от «Вечерних новостей». Что ж, это еще один шанс, подумал он. Есть смысл подергать за веревочки и немного оживить замершую картинку.

Придерживая одной рукой руль, он быстро набрал номер редакции.

— Газета «Вечерние новости», слушаю вас...

— Здравствуйте. Скажите, пожалуйста, как мне связаться с вашим сотрудником, зовут его, если я правильно запомнил... Серж...

— Простите, а по какому вы вопросу? Возможно, что я приглашу к телефону еще...

— Нет, вы, похоже, не так меня поняли, — раздраженно перебил ее Влад, — меня интересует не сотрудник вообще, а конкретный человек — Серж Петросян.

— Понятно. К сожалению, он уже не работает у нас. Так что...

Влад притормозил и остановился у обочины.

— А что так? Хороший парень...

— Извините, но обсуждать с вами решение руководства я не намерена. Обратитесь к главному редактору или его секретарю для разъяснений.

— Погодите, не кладите трубку. Как мне найти Сержа в такой ситуации? У меня только ваши координаты. У меня к нему срочное дело...

— Ну... не знаю, я не имею права... извините...

Владу расхотелось ехать к Волкову. Если Сержа уволили только за то, что тот не состряпал новость про

смерть режиссера, то это выглядит несколько странно. Парня кинули, что называется на камни. Слишком он молод, чтобы отправлять его на такое ответственное задание. И потом, Серж так и не сформулировал свою идею про интервью. Что конкретно он хотел узнать у него? Влад вдруг рассердился на себя за то, что не выслушал парня. «Забронзовел, великий сценарист, — отчитывал себя Влад, — простому человеку и не подступиться». Набрал еще один номер, услышал в ответ простуженный женский голос:

— Галина Смирнова, ответственный секретарь газеты...

— Здравствуйте! — нарочито громко прокричал Влад. — Наконец-то хоть один ответственный человек нашелся. Это из горгаза вас беспокоят...

— Откуда? — просипела женщина.

— Галина! Простите, не знаю, как вас по батюшке. У нас тут ЧП!

— Что? У меня дома что-то с газом?! — испугалась Смирнова.

— Нет, не паникуйте, — Влад раскатисто расхохотался. — У нас ЧП, потому что меняли газовые трубы, теперь будем подавать газ...

— Мужчина, — рассердилась ответственный секретарь, — это газета, а не газопровод!

— Погодите! Все время меня перебиваете, — Влад сделал сердитую паузу и продолжил: — У нас тут жилец числится, Серж Петросян. Так вот, в личных данных ошибка в телефоне, все время отвечает посторонний человек. Так я очень надеюсь, что место работы он хотя бы правильно указал. Ваш человек?

— Наш, — неуверенно ответила Смирнова. — И чем я могу вам помочь?

— Ну как чем? Дамочка, милостиво вас умоляю, дайте мне правильный телефончик жильца. Или самого пригласите к трубке. Мы тут в квартиру не можем попасть. А ну рванет? А?

— Одну минуту... пишите...

— Ну вот, давно бы так, — удовлетворенно пробормотал Влад, отсоединившись. Вскоре Петросян отозвался.

— Да, чего еще надо...

— Здравствуй, Серж. Что-то ты не в духе.

— А... кто это? Не узнаю...

— Ну, даешь, космонавт... вчера только разговаривали...

— Семенов? Владислав Петрович, вы что ли?

— Он самый. Жажду встречи с тобой. Реально?

— О как... — удивился Серж. — А что вдруг, случилось чего?

— Ну, как тебе сказать... короче, так и будешь меня на пороге держать? Зайти можно будет?

— Даже не знаю... в больнице я.

— Как это случилось? — Влад поставил в тумбочку пакет с фруктами и придвинул стул к кровати.

— Я и понять ничего не успел, — едва разжимая рот, произнес журналист. Левый глаз, будто разрисованный черно-синей акварелью, заплыл. Оставалась лишь узкая полоска, как щель в заборе, откуда поблескивал любопытный армянский глаз.

— Так, где это произошло? — спросил Влад, нахмурившись.

— Там же. В гостинице. Я вышел от вас, сел в лифт. А когда на первом этаже двери распахнулись, я тут же получил удар в лицо. Вейкапнулся почему-то уже на верхнем этаже.

— Чего сделал? — вытянул шею Влад.

— Вейкапнулся... ну очнулся типа. Меня из лифта вытащили какие-то люди, потом приехала скорая, меня забрали. Вот, собственно, и вся история.

— Я же говорил, что это не гостиница, а проходной двор, — возмутился Влад. — На первом этаже к лифту просто так не пройдешь, кроме как мимо ресепшн. Куда они смотрят, спрашивается.

— Никуда не смотрят. Часто отлучаются...

Влад помотал головой и склонился над парнем.

— Слушай, неужели ты даже на секунду не увидел этого человека? Точнее, эту скотину?

— Ни на секунду, ни на долю секунды. Впечатление, что это бесплатное приложение к работе лифта — двери открываются, и ты автоматически получаешь удар в репу. Если бы я готовился к такому ходу событий... а так ехал себе, тупо в пол смотрел... Настроение еще, ну, сами знаете.

— У меня, поверь, не лучше. Но все равно — извини. Виноват перед тобой, не спорю.

Серж приподнял голову и попробовал улыбнуться.

— Да в чем же вы виноваты?

— Ну, как же. С работы тебя уволили, — Влад со вздохом развел руками. — Ты же не выдал им сенсацию?

— Не выдал, — согласился Серж. — Но с работы я ушел сам. Думаю, пройду стажировку в другом месте. А нет, так пойду учиться в магистратуру. Придумаю что-нибудь.

— Погоди, я не понял. Ты так переживал за это интервью, плакался, что работа для тебя вопрос жизни и

смерти, а сейчас...

— А сейчас я вам говорю, как на духу — пошли они валенки валять. Им что главное? Хайп! Шумиха, в общем, — пояснил парень, заметив мелькнувшее недоумение на лице Влада.

— Согласен, космонавт. Так разве не это от меня тебе нужно было? Чего так приоритеты резко поменялись?

— Не менялись они. Просто я был поставлен в рамки...

Влад внимательно посмотрел на замолчавшего вдруг Петросяна и поманил его пальцем.

— Ну, давай же, колись. Ты конкретно, что хотел у меня узнать? Мы тут с тобой ходим все вокруг да около. А я, если честно, так и не пойму в чем прикол?

Петросян поморщился и страдальчески произнес:

— Ну что с меня взять? Как сказали в редакции: молодой, тупой, амбициозный.

— Так это они тебя похвалили.

— Ага. Я так и подумал, — Серж обидчиво скосился здоровым глазом на Влада. — Поэтому мне главный закинул насчет вас, что, мол, откопай у Семенова сведения про Павлова. Они типа близко сотрудничали, узнай насчет ориентации нашей звезды кинематографа.

— Все правильно, кого они еще могут послать на такое ответственное задание? Тебя, молодого и амбициозного. Ну, ну, ну... — Влад на минуту задумался, затем посмотрел на Сержа, как на безнадежно больного. — Ладно, дружище, ты выздоравливай. Это главное. У тебя что там — сотрясение?

— Вроде как есть небольшое, — процедил Петросян и прикрыл глаза.

Почувствовав, что журналист замкнулся, Влад не стал больше испытывать его на прочность.

— Серж, я вижу, что утомил тебя. А доктор не разрешал долго с тобой разговаривать. Так что я пойду, — с этими словами Влад поднялся и осторожно ступая, направился к выходу.

— Владислав Петрович, — он окликнул его уже на пороге.

— Слушаю. Будут какие-нибудь пожелания?

— Да... то есть, я хотел спросить, вы называли свою фамилию, когда сюда ко мне шли?

Влад удивленно поднял брови.

— Там, у дежурной сестры? — он указал большим пальцем себе за спину.

— Да-да...

— Нет, будь спокоен. Или извини — не знаю как тебе лучше. Сказал, что я твой дядя. Поверили. Я же не звезда шоу-бизнеса, чтобы меня все знали в лицо.

— Это правильно. Нельзя вам светиться.

— Это еще почему? — Влад выглянул в коридор и вновь плотно прикрыл дверь.

— Там, в лифте, когда меня ударили, я не успел заметить лицо нападавшего. Но голос его я хорошо запомнил...

— Так, и что же голос...

— Он сказал, чтобы я к вам и близко не приближался.

— Вот это уже интересно. По какой такой причине, не сказал?

— В том-то и дело, что ничего не сказал. К тому же я...

— Вейкапнулся, — решил помочь Влад.

— Да нет же! — Серж с досадой махнул рукой в его сторону. — Вейкапнулся — это очнулся, проснулся. А я отключился... так вот, я решил сначала, что это ваш человек...

— Серж, ну ты даешь, — Влад прислонился к стене и сокрушенно покачал головой.

— Ну, а что еще мне было думать? Но это ладно, проехали... сейчас-то я понимаю, что у вас, господин сценарист, имеются проблемы и я случайно в них вляпался. Кто та сволочь, вы тоже не знаете. И это плохо. Лайфхакинг налицо.

Влад немного напрягся, затем спросил:

— Это ты хочешь сказать, что мою жизнь взломали? Я правильно понял?

— Прогресс, Владислав Петрович. В данном контексте — да.

— Ну это я и сам знаю. Только тебе, действительно, надо держаться от меня подальше. В целях безопасности.

— Разберусь сам, — неожиданно отрезал журналист.

— Не понял... ты это прекрати. Я твоим родителям пожалуюсь, — пригрозил пальцем Влад.

— Ага, давайте. Внесите ясности и добавьте теплоты в мои отношения с родителями. Думаете, им вчера мало досталось?

— Серж, перестань. Ты уже и шуток не понимаешь. Давай как мужчина с мужчиной — в мои дела лезть опасно для жизни. Поверь, это не красочный оборот речи. Это чистая правда. Ни одна живая душа об этом не знает, но тебе говорю. И еще чтобы ты понимал — жизнь хрупкая штука, береги ее.

— Все, Петрович, я все понял. В вашу жизнь не лезу. Зарекся. Но у меня и своя жизнь есть. И тут, простите, вь

мне не указ...

— Парень, ты себя в зеркало видел? Обрыдаешься без подготовки.

— А так? — Серж прикрыл ладонью опухший глаз.

— Так лучше, но это обман. А правда — под ладошкой. Все, будь здоров.

— Буду. Берегите себя.

Сбежав по ступенькам на первый этаж по служебной лестнице, Влад вышел во двор больницы. Его распирало от злости и негодования, и он молил бога, чтобы не сорваться на первом встречном. Добравшись до машины, которая стояла на другой стороне улицы, он еще долго не мог решить, куда ему сейчас лучше всего поехать. Взвинченные нервы — плохой советчик. С кем бы он сейчас ни говорил, половина слов пролетят мимо ушей. Перед глазами стояла разбитая физиономия Сержа. Чем не угодил им этот парень? Его-то за что?! — хотелось крикнуть в лицо этому неизвестному подонку. Вместе с яростью к нему начало приходить понимание своей беспомощности, и надежды раскрыть эти преступления стали таять.

Спустя полчаса, замерзающий и подавленный, он запустил двигатель и медленно тронулся в сторону центра города. Глянув на часы, Влад решил заехать пообедать в «Ласковый вечер». К тому же, он надеялся на новости от Гриши. Еще на подъезде к кафе, он увидел машину Артема. Сердце подпрыгнуло, и в висках застучало. Появился Соколов! Почему же он ему не позвонил?! От возмущения потемнело в глазах, и первым желанием было развернуть машину. Однако Влад понимал, что сейчас не до ребяческих обид.

Он распахнул дверь кабинета. За столом сидела жена Артема, напротив — Гриша.

— Привет честной компании, — выдохнул Влад. — А я увидел машину Артема...

— Здравствуйте, Владислав Петрович, — поздоровался Гриша. Судя по его каменному выражению лица, хороших новостей не появилось.

— Я рада тебя видеть, Влад, — Наташа повернула к нему свое бледное лицо. — Мы тут с Гришей обсуждали текущие дела. Сам понимаешь, сейчас такой момент, что развалить дело можно на раз, так что приходится мне во все вникать, думать не только про свои проблемы, но и про людей.

— Да, да, я все понял. Не буду вам мешать.

— Влад, — Наташа протянула руку в его сторону, — не уходи. Ты обедал?

— Нет. Как раз по дороге, думал, пообедаю у вас.

— Вот и хорошо, — она поднялась, — пойдём в зал, там столик накрывают. Составишь мне компанию, поговорим заодно.

Пока Наташа делала заказ, Влад украдкой рассматривал ее осунувшееся, будто постаревшее лицо, припухшие глаза без намека на макияж. Потом еще некоторое время они сидели за столом и вели отвлеченные разговоры про погоду, детей и экономический кризис. Лишь под конец обеда она произнесла слова, которых так долго ждал Влад:

— Давай поговорим про Артема. Хотя мне очень тяжело, но ты должен простить меня...

— За что? — удивился Влад. — Не понимаю.

Она усмехнулась и посмотрела прямо в глаза Владу.

— За тот холодный прием, когда ты приехал к нам.

Влад пожал плечами.

— Наташа, у меня никаких мыслей о своей персоне в тот момент и не было. Всего лишь хотел узнать, где Артем. Поэтому я сейчас так обрадовался, увидев его машину.

Она усмехнулась.

— Он уехал на моей машине, его была в ремонте. Поэтому вот так... — она запнулась, затем продолжила: — Я все-таки хочу объясниться, Влад. Когда пропал Артем, мне почему-то вдруг показалось, что вы с Артемом заодно.

— Э-э... что, прости? Заодно — это ты про что?

Наташа разложила на коленях салфетку и начала разглаживать ее руками.

— Я почему-то была уверена, что Артем ушел от меня к любовнице. А когда прошло время, и от Артема так и не было никаких вестей, я вдруг испугалась...

— Наташа... я даже предположить не мог, что меня можно как-то связать с Артемом и его... Погоди! Какая любовница? — От волнения Влад отодвинулся от стола и посмотрел на жену Соколова так, будто видел ее впервые. — Мне Гриша сказал, что ты подала в розыск. Это так? Или я еще чего-то не знаю? Что с Артемом, в конце концов.

Наташа облокотилась на стол и уткнулась носом в кулак. На щеках блеснули ручейки слез.

— Я не знаю, — прошептала она и помотала головой. — Я написала заявление в розыск, но потом он вдруг позвонил...

— Как... позвонил. Господи, Наташа, что он сказал? Он жив, слава богу!

— Я не знаю, — повторила она. — Он и не разговаривал со мной. Просто произнес несколько раз «алло».

— И все?

— И все. Но после этого мне в полиции сказали, чтобы попробовала сама разобраться со своим мужем. Мы не можем, сказали они, заставлять человека вернуться к вам.

— И все?! Они отказались искать Артема из-за этого «алло»? Офигеть...

— Да. Пока, во всяком случае, они приостановили поиски. Если он и дальше не проявит себя хоть как-то, дело возобновят.

Они помолчали некоторое время, потом Влад, нахмурившись, спросил:

— Я только одного не понимаю, почему ты вдруг связала отсутствие Артема со мной и еще с какой-то там любовницей? Это твои фантазии или чья-то сплетня?

Наташа промокнула глаза салфеткой и махнула ладошкой.

— Нет, не сплетня. У него была любовница. Мне почему-то казалось, что вы с Волошиным в курсе.

Увидев, как вытянулось от удивления лицо Влада, она добавила:

— Я почувствовала это сразу. Он переменялся не только по отношению ко мне, но и вообще, все его поведение стало совершенно иным.

— Мы последний раз виделись с ним месяц назад. Как-то ничего особенного я не заметил.

Наташа кивнула:

— Так месяц назад ничего и не было. Во всяком случае, ничего подозрительного я не замечала. И вот буквально недели три назад Артема словно подменили. Он стал часто отлучаться под надуманными предлогами. К тебе, кстати, якобы частенько заезжал. Типа творческий кризис у тебя, отвлечься надо...

— Ко мне? — Влад хлопком припечатал ладонь к своей груди.

— Да, да. Я видела, что он все время был в возбужденном состоянии. Вроде бы и настроение приподнято, однако, нервы все время на пределе. В любой момент мог вспылить на ровном месте. Так что, извини, думала, все вы заодно.

— Нет, нет, Наташа. Мы тут, действительно, как будто заодно. Только не по этой теме, ты даже и не думай... Паша Волошин мертв. Думаю, ты уже в курсе.

Наташа отвернулась к окну и сокрушенно покачала головой.

— Да, я была вчера у Риты. Там такая трагедия. Я им очень сочувствую...

— Наташа, я, конечно, не буду убеждать тебя, что у Артема не было любовницы. Это будет выглядеть так, будто я пытаюсь как-то прикрыть его похождения. Хотя, верь не верь, мне об этом ничего не известно. Но сейчас дело совсем в другом.

Влад замолчал, пытаясь для себя решить, что можно сказать, а чего не стоит.

— Влад, — протянула она, словно пытаясь вывести его из спящего состояния, — ты только не молчи, если хоть что-нибудь знаешь. Я все бы отдала, только бы он сейчас был здесь, живой, здоровый. И если ему надо, то пусть катится ко всем чертям. Но только без этой таинственности. Гнетет она меня.

Влад придвинулся ближе к столу и взял Наташу за руку.

— Послушай меня внимательно, — он посмотрел ей в глаза, — я не хочу от тебя ничего скрывать. Поэтому говорю тебе, что Артем, Паша и я попали в нехорошую историю. Это я еще мягко говорю, сама понимаешь. К моему великому сожалению, в чем причина того, что каждому из нас решили испортить жизнь — я не знаю. Много думал, но хоть тресни, не могу даже зацепиться.

— Подожди, Влад, — она мягко освободила свою руку и, оглянувшись, тихо спросила: — почему ты решил, что вы как-то связаны? У Паши какое-то отравление странное. Артем... даже не знаю...

— В беде Артем. Не знаю, почему эти дармоеды его не ищут.

— А ты, — она нахмурила брови, — у тебя-то что?

— В тот день, когда Артем якобы уехал по делам в область, он должен был со мной отмечать мои тридцать три. Но, как ты понимаешь, он без объявления вдруг пропадает. Дальше. По пути в «Ласковый вечер» меня сбивает машина. Да, я жив и более или менее здоров, но это не потому, что мне повезло. Просто такая была задумка — слегка «пнуть» меня, чтобы жизнь медом не казалась. Дальше... все намного хуже...

— Ну же, не молчи, — Наташа смотрела на него не моргая, и Влад видел, как ее глаза темнели от негодования. — Влад, я прошу тебя, говори, раз уж начал. Нам вдвоем, возможно, будет легче разобраться в этом ужасе, чем каждому поодиночке.

— Дальше умирает Паша от отравления, и еще... мой продюсер Игорь Павлов. — Влад поднял вверх указательный палец. — Тоже, заметь, от отравления.

— Боже праведный... я и не слышала ничего.

— Тебе своих «новостей» хватает. Но, дорогая Наташа, им и этого мало, — он сцепил пальцы до хруста и почти шепотом добавил: — Убийство Павлова было так ловко обставлено, что преступника едва не схватили на

месте преступления. Не хватило каких-то пару минут.

— Стоп, Влад, я что-то не поняла. Едва не схватили... кого? Кто преступник?

— А преступник, по замыслу убийцы, должен быть я. Меня вызвали к Павлову в тот момент, когда ему уже был подписан смертный приговор. Я приехал к нему, когда он был практически еще теплым. Извини за подробности.

— Влад, ты рассказываешь такие вещи, что меня просто оторопь берет. А кто тебя вызвал?

Влад скрестил руки на груди и грустно усмехнулся.

— Так он сам и вызвал. Только голос у него был странный. Такой сиплый, что я подумал, не простуда ли у маэстро. Но оказалось, что все дело в яде, который уже начинал действовать, приводя к удушью. Я застал его на диване с розовой пеной у рта. А вокруг валялся мой сценарий. Знаешь, как опавшие листья под деревом. И почти сразу — вой полицейской сирены за окном... Такое вот кино. Спасло меня то, что он жил на первом этаже.

Жена Артема была поражена услышанным и, казалось, в эти минуты забыла про свои проблемы. Она плеснула себе в стакан воды и с жадностью сделала несколько глотков, как будто ей пришлось много говорить и в горле пересохло.

— Послушай, — сказала она, — я даже не думала, что дело примет такой оборот. Действительно, как будто вы втроем — мишень. Но почему все так замысловато, причудливо? И если вы с Артемом и Пашей давние друзья, то твой продюсер тут при чем? Он в чем мог провиниться?

— Этот вопрос и меня мучает. Но на ум приходит лишь одно объяснение — Павлова выбрали в качестве орудия, чтобы наказать меня, да еще как можно эффективнее. Он выбран лишь потому, что связан со мной работой. Я тут очень уязвим, понимаешь? Поманил продюсер меня пальцем к себе — и я тут как тут. Обставляй любой спектакль по своему вкусу. И потом, прикинь, как это звучит: сценарист убил своего кинопродюсера! Хайп!

— Чего? — Наташа поморщилась, как будто плохо расслышав.

— Хайп. Шумиха, ажиотаж. Это меня сегодня один юноша просветил.

— А-а. Да уж, хайпее не придумаешь. Ну а если серьезно? Влад, что-то надо делать, ты в опасности. Может, тебе лучше уехать, спрятаться что ли, я даже не знаю...

— Не получится, — Влад с тоской глянул в окно. Возможно, я в силу профессии сгущаю краски, но у меня впечатление, что эти люди следят за каждым моим шагом. Где бы я ни оказался — им становится это известно.

— Им? Ты так говоришь, потому что считаешь, что их там много?

— Наташенька, я говорю «им», потому что вообще ничего понять не могу. Один, два, три... десять. Не знаю. Кстати, ты никогда не слышала про медбрата, делающего уколы на дому?

Женщина поежилась:

— Ну и переходы у тебя... Нет, Влад, не слышала. Но звучит зловеще. Это ты о чем? Даже мурашки по коже. В поликлинике у нас работает парень-лаборант, кровь берет на анализ.

— Перестань. Я к тому, что Игорь Павлов пользовался услугами некоего медбрата. Что-то лечил уколами. Возможно, что он имеет отношение к смерти Павлова, прямое или косвенное. Опять же, повторюсь: возможно. Это версия, которую я никак не могу проверить. Не знаю как.

Наташа задумалась, сделала неопределенный жест руками и сказала:

— Даже не знаю, что тут можно сделать. Я спрашиваю у своих знакомых, не сталкивались ли они с таким медбратом.

— И не думай! Я тебе рассказываю не для того, чтобы ты навлекла на себя беду! Просто будь в курсе. И если вдруг случайно что-то услышишь — сразу мне сообщи. И все, и никаких расспросов и розысков. Наташа, ты поняла?

— Да ты меня уже так запугал, что я на прохожих буду бояться глянуть.

— Вот и хорошо, — буркнул Влад, пожалев вдруг, что рассказал ей так много. С другой стороны, подумал он, Наташа должна быть начеку и понимать, что в случае с Артемом дело не в банальном адюльтере.

После разговора с женой Соколова на душе у Влада скребли кошки. История, приключившаяся с ним и его друзьями, обрастала новыми подробностями как железо ржавчиной, за которой скоро вообще ничего не разберешь. Где Артем? Что за странные звонки? Если похищение, должны были потребовать выкуп. А если денег не требуют, то и не похищение это вовсе. Заколдованный круг какой-то...

За стеклом автомобиля роился мелкий серый снег. Влад с усмешкой подумал, что жизнь в его сознании на фоне непроглядной унылой погоды разделялась на промежутки только приемами пищи — завтрак, обед, ужин. Обед — это когда еще немного светло, а завтрак и ужин — в полутьме. И во всей этой смертельно тоскливой круговерти серых дней его единственным занятием было распутывание клубка необъяснимых событий. Кто-то специально подкинул ему этот клубок и теперь потешается, глядя, как он мечется, словно затравленная зверушка, запутываясь все больше и больше. Пашу и Артема уже пристроили — кого в гроб, кого... черт знает куда. Следующий в очереди — он.

Начиная с осени, Влад заметно сократил свои контакты с друзьями. На то были причины, прежде всего творческого характера. Надо было сдать продюсеру сценарий. Зная привередливость Павлова, Влад работал много, кропотливо переделывая сомнительные сцены. Сейчас ему казалось, что именно в это время зарождался чей-то коварный план всех этих преступлений. И возможно, будь он более близок с Артемом и Павлом все эти месяцы, сейчас ему было бы проще понять или хотя бы предположить, что на самом деле произошло.

Ему много раз приходилось проводить расследования в своих сценариях. Но то было кино. А как на самом деле ищут преступников, он имел весьма смутное представление. Наверное, в распоряжении современных сыщиков есть много всяких технических примочек, помогающих им докопаться до истины. Но это было все из папки «секретно», и ни один консультант, ясное дело, ему ни о чем таком не рассказывал.

Желтый жилет и полосатая палка перед лобовым стеклом возникли так неожиданно, что Влад едва успел затормозить. Он вдруг понял, что вел машину на автопилоте, мало вглядываясь в обстановку на дороге. Опустив стекло, он протянул документы, не дожидаясь протокольных слов дпсника.

— Так... Семенов... Владислав Петрович, вы знаете, почему я вас остановил? — лейтенант внимательно смотрел в лицо Влада, сравнивая, очевидно, соответствие оригинала с фото.

— Если честно, не совсем, — пробормотал Влад, кляня себя последними словами. Только бы не отобрали права — ему сейчас никак нельзя без транспорта.

— Не совсем, — повторил за ним лейтенант и удовлетворенно качнул головой. Похоже, такой ответ его устроил, потому как давал простор для продолжения воспитательной беседы. — Но вы же заподозрили? Или знаете, но не хотите сознаваться. А?

— Вы про что? — Влад уже догадался, что ничего серьезного он, слава богу, не совершил, но прицепиться всегда найдется за что. — Я никого ни в чем не подозреваю. Если вы об этом.

— А я подозреваю.

— Кого?

— Вас, Владислав Петрович. Вы ведете машину на предельно допустимой скорости. Это раз.

— На предельно допустимой. Возможно. А что на второе у нас? — оживился Влад.

— Вы перекресток со Степной как проезжали? Или вам напомнить?

Услышав знакомое название, Влад на мгновение задумался и почувствовал, как легкое волнение охватило его.

— Да-да, напомните, пожалуйста, — скороговоркой произнес он, уже догадываясь, куда он сейчас направится.

— Вы не пропустили пешеходов на зебре...

— Как такое может быть? — возмутился Влад, почувствовав подвох.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга с откровенной антипатией.

— У вас, наверное, есть регистратор, и вы сейчас мне любезно покажете свое кино. Я правильно понимаю? — Влад решил идти ва-банк.

— Э-э... Владислав Петрович, мне виднее, какое кино следует вам показывать, а какое — нет! — с этими словами он протянул документы Владу, но отпускать их из своих рук не спешил. — Я вас узнал. Понимаю, что вы сейчас переживаете не лучшие времена, но хочу вас предостеречь — будьте все-таки внимательнее на дороге. Здесь вы рискуете не только собой, но и другими участниками дорожного движения. — Лейтенант, наконец, ослабил пальцы, и документы благополучно вернулись к их владельцу.

Слова дпсника озадачили Влада.

— Спасибо. Я буду стараться. Только мне кажется, вы обознались...

— Шутить изволите? — снисходительно усмехнулся страж порядка. — Сценарист Семенов. Или не так?

— Все правильно... и где мы с вами могли сталкиваться? Не припомню.

— Нигде. Я видел ваше фото по телевизору, когда говорили про убийство продюсера Павлова Игоря Ивановича.

— Мое фото по телевизору???

— А что вас так удивляет, — лейтенант сосредоточенно смотрел на движущийся поток машин. — Показывали, да. И не только вас. Павлов же не рядовой гражданин, а человек известный, с ним работали люди, тоже известные. Вот и все. Так что, извините за выражение, в кустах отсидеться не получится. Теперь вы узнаваемое лицо.

— Хорошо, что предупредили...

— Счастливого пути.

Влад проехал до ближайшего перекрестка и повернул направо. Вскоре он притормозил у бассейна «Кристалл», где, по словам Насти, могли отравить Павла.

— Добрый день, — загорелая дочерна девушка с короткой стрижкой «под мальчика» приветливо улыбнулась, сверкнув белоснежными зубками. — Вы у нас впервые?

Влад улыбнулся в ответ и подошел поближе к стойке, за которой сидела девушка администратор по имени Лилия.

— Здравствуйте. Да, действительно, впервые. Вот проезжал мимо, дай, думаю, зайду, — Влад наблюдал за реакцией девушки, пытаясь понять, узнала она его или нет. Но темнокожая красавица была настроена на дежурное кокетство, и во встречном взгляде он увидел лишь призыв, но никак не удивление. Что ж, похоже, дорожный страж преувеличил значимость его персоны.

— Что ж, как говорят в ресторане, отличный выбор, — рассмеялась она колокольчиком. — У нас вы можете поправить здоровье, поддержать себя в форме, а также посетить солярий и забыть про надоевшую всем зиму. — Пробежав пальчиками по клавиатуре ноутбука, девушка открыла нужную страничку и посмотрела на Влада. — Итак, будем оформлять абонемент?

— Даже не знаю... вообще-то я заехал, скорее, чтобы ознакомиться. Потом подумаю...

— Ну вот, так я и знала, — девушка с мольбой в глазах сложила ладошки. — Не уходите. Прошу вас. Никому не верьте...

Влад облокотился на стойку и тихо спросил:

— Вы про что, Лиля? Кому не верить? Лично вам я верю безоговорочно, — он выпрямился и рассмеялся. — Извините, у вас такой вид...

— Какой? — лицо девушки вытянулось.

— Как у маленькой испуганной девочки. Очень хорошенькой, — Влад одарил прелестницу взглядом искусителя.

Охотничьи повадки Влада возымели на девушку неожиданный эффект. На ее лице сквозь плотный слой загара проступила бледность, и он увидел, что Лилия не так молода, как ему сразу показалось. На лице читалась усталость и волнение.

— Зачем же так? — с укором произнесла она. — Я догадалась, что вы не просто сюда пришли, но все равно надеялась...

— Лиля, вы о чем? — искренне удивился Влад. — Я действительно зашел узнать, как у вас поставлена работа, что можете предложить клиенту, ну... и все такое. У меня сейчас появилось свободное время, и я думал провести его с пользой для здоровья.

— Да ладно вам врать, — перебила она. — Уже весь город знает, что тут якобы убили клиента. С тех пор — ни души. Несколько экстремалов я в расчет не беру. По-видимому, будем закрываться. Когда вы зашли, я сразу заподозрила, что вы из тех, кто тут все вынюхивает что да как. Неважно, что в штатском.

— Лиля, клянусь, я не их тех, кто забыл форму надеть. Я простой человек. Но... — Влад помолчал и решил сжалиться над девушкой, — ...но я действительно хотел увидеть этот бассейн, в котором, возможно, отравили моего близкого друга. И клянусь вам, наш разговор останется только между нами.

Лиля вышла к Владу и кивком головы указала на небольшой кожаный диванчик светло-серого цвета возле стены.

— Присядем...

— Лиля, вы почему-то сказали «якобы». Что на самом деле произошло здесь?

— Да потому что к нашему бассейну это не имеет никакого отношения. Не знаю, почему распустили такой слух. Да, ваш приятель здесь часто плавал, в сауну ходил, массаж ему делали. Но не он один. У нас куча народу плавает, парится, массажи делает. На кой он нам сдался? — в сердцах воскликнула Лиля и тут же спохватилась: — ой, простите, вырвалось. Я, конечно же, соболезнаю...

Владу показалось, что девушка была искренна. Однако он уже носом чуял, что не все так здесь гладко, как рассказывает Лиля.

— Лиля, я вам верю, я вас понимаю. Но, согласитесь, странно было бы вот так, ни с того ни с сего, повесить клеймо на ваш «Кристалл»?

Девушка насупилась, отвела глаза и замолчала. Влад понял, что потерял контакт, и как исправить положение, он тоже не знал. Спустя пару минут он поднялся и с сожалением сказал:

— Что ж, не буду больше обременять вас своим присутствием. Друга все равно не вернуть.

— Погодите, — не поднимая глаз, произнесла она. — Я не знаю, что на самом деле могло здесь произойти. Возможно, что вовсе даже и не здесь. Но фишка в том, что этот мужчина в больнице перед смертью сказал два слова — бассейн и массаж. Так нам здесь сказали менты.

— Скорее всего, кто-то из следственного комитета, — поправил Влад и вновь опустился рядом с девушкой на диван.

— Какая разница...

— И что, больше ничего? Просто «бассейн» и «массаж»?

— Я не знаю подробностей, — с нажимом сказала Лиля. — Мне так сказал Стас. Они его там допрашивали

полдня. Только Стас ничего плохого не мог сделать. Он у нас лучший здесь. Как реклама бассейну был. Люди только ради Стаса приходили к нам. Понимаете? — она опять сделала брови домиком, а ее глаза просили о пощаде.

— Э-э... я так понимаю, Стас у вас работает массажистом? — Влад почувствовал, как у него внутри что-то шевельнулось.

— Да. Работает. Или работал. Не знаю уже. Он сейчас взял отпуск.

— Лиля, — он развернулся к ней всем корпусом. — Умоляю, устройте мне встречу с вашим Стасом. Если вы говорите, что он...

— Да! — свистящим шепотом вскрикнула она. — Стас ни в чем не виновен!

— Если все так, как вы говорите, то ему нужна поддержка, ему самому станет легче, когда он выговорится перед кем-нибудь, — Влад быстро подхватил интонацию девушки, мало заботясь о смысле своих слов.

— Вы так считаете? — она прикоснулась к плечу Влада и заглянула ему в глаза. — А я вас где-то видела... — вдруг добавила Лиля и приложила палец к кончику носа, скосив глаза в сторону. — Точно видела. Но, хоть убей, не помню...

— Возможно, — пожал плечами Влад и еще раз попросил: — Лиля, так где я могу увидеть Стаса?

Девушка поднялась, оглядела Влада с ног до головы.

— А вы в кино не снимаетесь?

Влад энергично растер лицо ладонями, затем растянул рот в широкой улыбке и скосил глаза к носу.

— Вот так узнаете?

— Что это, — грубым голосом спросила Лиля и опасливо отступила на несколько шагов.

— Роль идиота.

Она молчала.

— Лиля, я про то, что сейчас чувствую себя полным идиотом. У меня друг умер. А вы мне про кино...

— Ну, извините. Я себя тоже чувствую не очень, знаете. — Она шмыгнула носом и поманила к себе пальцем. — Пойдемте, он на втором этаже. Надеюсь, не сбросит вас с лестницы.

— Ого! Перспектива, однако.

Влад поднялся. Когда они подошли к кабинету массажа, девушка приложила палец к губам и тихо пояснила:

— Я зайду одна. Объясню что к чему.

Влад не стал возражать.

Через минуту дверь отворилась, и на пороге показался Стас — красивый молодой человек с длинными волнистыми волосами и крепкой мускулистой фигурой. Владу сразу стало ясно, что Лиля равнодушна к этому мужчине, и вполне понятно, что в этом скульптурно вылепленном экземпляре она ни при каких обстоятельствах не могла бы увидеть преступника. Стас окинул цепким взглядом Влада и процедил сквозь зубы:

— Проходите.

Едва Влад вошел в кабинет, Лиля тотчас поспешила оставить их одних. Стас был в спортивных брюках, закатанных до колен, у стены стояла швабра, а посреди кабинета — ведро с водой.

— Я вижу, отпуск у вас своеобразный, — иронично заметил Влад и протянул руку. — Здравствуйте, Стас. Меня зовут Владислав.

Массажист усмехнулся и пожал протянутую руку.

— Здравствуйте, господин Семенов. Это вы правильно заметили — отпуск у меня своеобразный.

Влад не стал выяснять, как он его узнал. В данном случае, похоже, предсказание дпсника сбылось, и теперь быть инкогнито, где бы то ни было, ему вряд ли удастся.

— Присаживайтесь, — Стас протер влажным полотенцем стул и придвинул его Владу. — Я закурю, если не возражаете.

Влад пожал плечами:

— Вы у себя.

— Будете такие? — он вытащил из ящика стола пачку Кента.

— Нет. Спасибо. Я не курю.

Стас подошел к окну, открыл форточку и щелкнул зажигалкой. Сделав несколько глубоких затяжек, он перевел взгляд на гостя.

— Итак, что привело вас в мои скромные чертоги? — спросил он и выпустил густую струю дыма в форточку.

— У меня умер друг. Павел Волошин. Думаю, вам Лиля сказала, что я хотел бы поговорить с кем-нибудь из персонала бассейна... Я не собираюсь никого обвинять...

— Вот как? Но при этом вы пришли почему-то ко мне. Вы видите, чем я занимаюсь? — он ткнул сигаретой в сторону ведра и швабры.

Влад окинул взглядом кабинет, где не было ровным счетом ничего необычного.

— Я так понимаю, вы решили по какой-то причине поработать вместо уборщицы. Или вы намекаете, что сильно заняты, и времени разговаривать у вас со мной нет?

Влад не знал, как ему следует себя вести с этим тарзаном, не понимал, какие следует подобрать слова, чтобы подтолкнуть его к откровенности. Его растерянность заметил и сам Стас.

— Да, со временем у меня напряженка. Только дело не в этом, — Стас сделал еще несколько жадных затяжек и щелчком выбросил недокуренную сигарету в форточку. Усевшись на широкий каменный подоконник, он шумно вздохнул и сказал: — Я не стал бы и минуты разговаривать на эту тему с кем бы то ни было. Но, признаюсь, не каждый день ко мне заходят такие известные люди. Будет что вспомнить, рассказать.

Влад нервно дернул бровями, отвечать ничего не стал.

— У меня из-за вашего друга все кувырком, — Стас скорчил недовольную мину. — Отпуск пропал. С работы того и гляди попросят.

Влад закинул ногу на ногу и скрестил руки на груди. Покивав головой, он спросил:

— И в этом виноват Волошин?

— Почему сразу виноват? Нет, передо мной этот человек ни в чем не виноват. Но, поверьте хотя бы вы мне, — Стас ударил себя кулаком в грудь, — я тоже хотел бы, чтобы он сейчас был жив и рассказал нам всю правду. У меня здесь был обыск. Перевернули все вверх дном. Забрали компьютер, повывкидывали все что можно на пол из шкафов, засыпали кругом каким-то порошком, заляпали, короче, весь кабинет своей криминалистической дрянью...

— А что они искали, не сказали вам?

— Все. Они так и сказали: «мы ищем все!»

Стас спустился с подоконника, подошел к тумбочке, стоявшей в углу, и налил в стакан из кувшина воды. Запрокинув голову, он выпил содержимое до дна.

— Они требовали от меня... — он промокнул губы о рукав футболки, — чтобы я признался, что занимаюсь каким-то там незаконным врачеванием.

В этот момент в голове Влада мелькнула нехорошая мысль о пресловутом медбрате.

— Что они имели в виду? — спросил он Стаса и постарался внутренне собраться, чтобы не упустить какую-нибудь важную деталь. Ему казалось, что сейчас вот-вот повеет ветерок из-под запертой таинственной двери, за которой прячется правда.

— Я не знаю, что они имели в виду, но эти товарищи мне здесь устроили полный вынос мозга! В чем только я ни должен был сознаться, мама дорогая... И распространение наркотиков, и продажа запрещенных и незапрещенных препаратов для стимуляции половой силы, и применение ядов в лечебных целях... и еще черт знает чего нагородили мне тут. Я, знаете, не из слабаков... но в тот момент, поверьте, прощался не только со свободой, но и с жизнью. Вот только представил, сколько может светить за все эти преступления — сердце едва не стало.

— Могу себе представить, как они умеют изводить человека для дачи нужных им показаний. Вам повезло, что остались на свободе, — ответил Влад. Интонация его голоса была приправлена едва заметным оттенком сочувствия, ровно настолько, насколько требовалось для доверительного разговора между чужими людьми.

— Да, здесь у них что-то не срослось. Похоже, главной улики у них не было. Не нашли. — Он самодовольно хмыкнул.

Стас присел на кушетку, его широкие плечи безвольно опустились, исчезло напряжение. Влад почти перестал дышать, чтобы не разрушить эту атмосферу взаимопонимания. Но как разговорить собеседника, он тоже не знал.

Массажист внезапно хлопнул себя по коленям и с улыбкой подвел черту беседе:

— Короче говоря, дела обстоят вот таким образом. Больше ничем помочь вам не могу, уж простите.

Влад сидел, как прикованный к стулу, явно не собираясь покидать кабинет. Стас растерялся.

— Или вы еще хотите о чем-нибудь спросить?

Влад посмотрел тяжелым взглядом на Стаса. Тот перестал улыбаться, и Влад опять почувствовал этот едва заметный сквознячок из-под потайной двери. Нет уж, спортсмен-медик, — подумал он, — ты явно что-то не договариваешь.

— Стас, а я ведь, собственно, еще ни о чем вас и не спрашивал. Пока я всего лишь пытался донести до вас, что я не сыщик, которому бывает все равно, кого сделать виновным. Я хочу знать правду, — он понизил голос и произнес слово «правду» по слогам. — И только правду. Это не простое любопытство, а вопрос жизни и смерти.

Влад видел, как Стас сжал руками край кушетки, как побелели костяшки пальцев. При этом лицо его не выражало особого волнения.

— Вы каким спортом занимаетесь? — неожиданно поинтересовался Влад.

— Я? При чем здесь... — он поперхнулся, несколько раз кашлянул и пояснил: — бодибилдинг.

Влад кивнул.

— Я так и подумал.

— О чем? Что и не спорт это вовсе?

— Да нет, я не специалист в этом вопросе. Спорт или не спорт...

Влад поднялся, передвинул свой стул поближе к кушетке и назидательно сказал, с опаской оглядываясь на дверь:

— Думаете, когда я сказал, что это вопрос жизни и смерти, то это так... абстракция, образное выражение?

Массажист пожал плечами, его лицо внешне было невозмутимо и лишь легкая бледность, проступившая сквозь искусственный загар, выдавала внутреннее переживание.

— А... что, собственно, я здесь могу сделать? Думаете, мне самому все это приятно? Слава богу, вроде разобрались. Я тут...

— Это я уже слышал, Стас, — мягко возразил Влад. — Боюсь, что вы недооцениваете опасность, о которой говорю вам я. И о которой сыщики ничего не знают. К большому сожалению для вас.

Стас поежился, украдкой глянув на открытую форточку.

— Вы хотите сказать, что... послушайте... это вы мне так угрожаете? — Стас был на грани истерики. Он готов был сорваться с места, но изо всех сил старался не подать виду, что холод уже забирался ему в душу.

Влад поднялся со стула, глянул на руку.

— У-у... время — деньги, — подавив зевок, произнес он. — Ладно, что болтать попусту. Я пойду. Наш разговор останется между нами. Да, собственно, и разговора то настоящего не было.

— Как это не было? — Стас вскочил с кушетки и протянул руку в спину уходящему Владу. — Я вам все как на духу, а вы даже не сказали мне, в чем опасность!

— Тс-с! — Влад обернулся и прижал палец к губам. — Чего орешь? — перешел он на «ты». — Что ты хочешь от меня узнать, я не пойму? Спрашивай. Может, у тебя лучше получится.

На лице бодибилдера появилось такое долгожданное для Влада выражение отчаяния и страха, что он мысленно ему сказал: молодец, садись, пять.

— Вы мне только скажите, — почти шепотом спросил Стас, — почему вся эта карусель с вашим другом...

— Смерть, парень. Это называется не карусель, а смерть! — перебил его Влад.

— Ладно, понял... Так почему это может касаться меня? Неужели достаточно что-то там прошептать перед смертью — и все! И я уже в черном списке. Он ко мне даже на массаж не ходил.

— К сожалению, так обычно и бывает, — лишил его последней надежды Влад. — А в данном случае, хочу тебя заверить, мой друг никогда просто так ничего не шепчет.

— В смысле?

— В самом прямом. Если он произнес слова «массаж» и «бассейн», то значит так оно и есть: в вашем бассейне, а точнее — в вашем массажном кабинете должна быть улика, указывающая на преступника.

Стас чуть не взвыл от досады.

— Так что делать, если ее нет?! Вы же видите — перерыли все до пылинки, — он стукнул себя по бокам кулаками. — Кабинет был опечатан, только сегодня соизволили меня впустить. Все, что им надо, они взяли.

— Здесь, парень, два варианта. Либо ты улику нашел раньше, чем сюда прибыла следственная группа. Либо ее пока никто еще не нашел. В таком случае, советую тебе напрячься и поискать. Хорошенько поискать. Пересчитать еще раз все пылинки и найти. Это будет в твоих интересах. Понимаешь? Не в интересах следствия, а в твоих. Улавливаешь разницу?

Стас закатил глаза к потолку.

— Да почему на мою голову...

— Погоди причитать, — перебил его Влад, — я еще не договорил.

Стас замер и стеклянными глазами уставился на Влада.

— Так вот, если тебе интересно — я склоняюсь к первому варианту.

Стас приложил руку к груди и свистящим шепотом спросил:

— У меня? Вы считаете, что она у меня?!

— Да. Я считаю так. Ты можешь мне рассказывать правду, а можешь молчать. По барабану. Я просто сейчас уйду. Ты, если тебе нравится, разгребай это дерьмо в одиночку.

— Нету ее у меня, — еле шевеля губами произнес Стас. — Выбросил.

Владу показалось, что в воздухе тошнотворно запахло мертвечиной.

— Что ж ты мне... крутишь тут...

Массажист, судорожно сглотнув, выставил вперед ладони, словно опасаясь, что Влад его ударит.

— Спокойно, спокойно. Я не знал, клянусь своим здоровьем, я не знал, что это будет уликой. — Стас ткнул пальцем в сторону Влада. — Только не стойте там, у дверей. Я все расскажу.

— Так вот, — продолжил он, когда Влад подошел вслед за Стасом к окну. — В тот вечер мы играли в бильярд,

здесь на этаже. И ваш покойный друг в том числе. В какой-то момент мне пришлось выбежать на улицу, потому что около моей машины толкались какие-то подозрительные типы. Стоянка как раз под окнами. Когда я выбежал, они уже скрылись. Я осмотрел машину, все вроде бы было в порядке, еще раз проверил сигнализацию и вернулся. Вашего друга уже не было. Мы доиграли партию, и я вернулся к себе в кабинет.

Стас налил себе воды и, сделав глоток, продолжил.

— Бог мой, если бы я только знал...

Влад одарил его убийственным взглядом.

— В общем, этот шприц я бы и не заметил, но у меня, знаете, пунктик насчет порядка. Все должно быть стерильно чисто. Я уже надевал куртку и чисто автоматически заглянул в корзину для мусора. Я знал, что она должна быть пуста. Любой мелкий мусор перед отходом с работы я обязательно выбрасываю, даже если это будет одна крохотная бумажка. Можете представить, как я удивился, когда увидел там шприц. Какого хрена! — выругался я и вытащил его из корзины. Почему у меня здесь шприц? Я делаю массаж, но не уколы! У меня есть масло для массажа, эфирные масла для ароматерапии, но никак не инъекции. Я тут же вынес его в мешок для мусора, что стоит у нас на этаже, туда уборщицы во время уборки все выбрасывают. А утром, естественно, мусор вывозят еще до открытия бассейна.

— Все? — упавшим голосом спросил Влад.

— Все, — в тон ему ответил Стас.

— Ты хочешь сказать, что тебя просто таки покорило, когда в корзине обнаружился шприц?

— Я был в шоке. Не знал, что и думать.

— А где же ампула? Что было в шприце?

— Никакой ампулы не было. Чисто как у наркоманов — только шприц. Я, кстати, про наркотики и подумал в первый момент. Это уже когда новость о смерти вашего друга пришла, я понял, что не в наркоте дело.

— Ага, и можно подумать, что в здании бассейна никого в этот момент уже не было? И ты даже не стал громко возмущаться — кто, мол, на моей кровати лежал?

— Какая еще кровать, блин...

— Никакая. Ты сказки в детстве читал?

Стас гневно зыркнул на Влада.

— Это бы мне как-то в жизни помогло? — резонно поинтересовался он.

— Стас, я не верю, что ты молча выбросил шприц и не попытался узнать, кто же его тебе подкинул. Или твой кабинет — проходной двор? Любопытно, кто же его тебе подкинул. Или твой кабинет — проходной двор? Любопытно, кто же его тебе подкинул. Или твой кабинет — проходной двор? Любопытно, кто же его тебе подкинул.

— Вам легко говорить, — с досадой возразил Стас, — а мне в тот момент вовсе не показалось все это невинной шалостью. Собственно, так оно и вышло. Конечно же, я попытался узнать. Пробежал по этажу, никого не увидел. Спустился вниз — спросил у дежурной, не спускался ли кто со второго этажа в ближайшее время. Она ответила, что ваш этот Волошин ушел домой. А больше никто.

— У Лили спросил?

— Что? А, нет, Лилия уже ушла к тому времени. После девяти вечера никто уже не приходит, и за входом следит охранник или кто-нибудь из уборщиц, из тех, кто освобожден.

— А в бильярдной?

— Нет, там все были на месте. Никого из посторонних, только завсегдатаи. Не мог же я им предъявить претензии, мол, кто из вас, уродов, подбросил мне шприц? К тому же, шприц я обнаружил уже перед уходом, к этому времени все ушли из бильярдной тоже.

— А ты всегда оставляешь дверь открытой в свой кабинет?

— Никогда. Я не понимаю, почему в этот раз так вышло. Затмение что ли какое...

Влад спустился по пустынной гулкой лестнице на первый этаж. Лиля все так же сидела за стойкой для дежурных. При появлении Влада она тут же вскочила со своего места и подбежала к нему.

— Ну как? — шепотом поинтересовалась она. — Поговорили?

— Да, милая русалка, поговорили.

— Почему русалка? У меня ни хвоста, ни длинных волос нету...

— Зато воды много... — пространно отозвался Влад и с горечью отметил про себя, что теперь будет переживать и за эту девочку, и за Стаса. По одной лишь причине — они оба контактировали с ним. Ему очень не хотелось, чтобы их постигла участь журналиста Петросяна. Хотя здание действительно было пустым, и никто его там видеть не мог, Влад понимал, что это слабое утешение.

Кто знает, возможно, он зря так, в открытую, интересуется убийством Волошина. Но отказаться от любых розысков и заняться вплотную своими уроками — написанием мелодрамы — он тоже не мог. Вот, поговорил с массажистом — и как будто один камешек из высокой стены выбил. Правда, за мимолетным сквознячком потайная дверь так и не обнаружилась, но зато он почуял этот запах смерти, который еще не выветрился с места преступления.

Как удачно ложился образ Стаса для роли убийцы! Причем не только Волошина, но и Павлова. Все эти слухи про таинственного медбрата... Оно бы все ничего, но слишком уж топорная работа в случае с Волошиным. Маньяк-медбрат заколол посетителя и выбросил шприц в своем кабинете, в чистенькую корзину, чтобы сразу в глаза бросилось. Чушь, постановка. На кого рассчитана? Даже Стас с его минусовым айкью сумел выкрутиться. Но еще, как говорится, не вечер — массажист по-прежнему под подозрением. Интересно, как повернулся бы ход событий, если бы Стаса арестовали? Ох, не сладко пришлось бы кудрявому красавчику в тюрьме! И что в итоге выигрывает при таком раскладе убийца? Отведет от себя подозрение? По всей видимости — да.

А что же следствие? Теперь, не найдя улики в бассейне, следакам придется искать и определять так называемый круг подозреваемых. Только кто же может быть в этом круге подозреваемых, кроме бодибилдера? Хм... хорошее выражение «круг подозреваемых», то есть изначально, следуя классической схеме, должно быть несколько лиц, которым, так или иначе, выгодна смерть жертвы. В данном случае круг не получался, а только точка. Стас и точка! Как примитивно. Что называется дешево и сердито. Но как-то не ложилась эта схема Владу на душу. Потому, скорее всего, Стаса и отпустили на волю. На массаж Волошин к нему не ходил, и вообще, как понял Влад, они были знакомы лишь по игре в бильярд. За стенами бассейна их тоже ничего не связывало. Конечно, биться об заклад он бы не стал, но и Стас, будь он хоть как-то причастен к убийству, ни за что не рассказал бы ему про шприц. Стоял бы насмерть. Тут сработал психологический момент — Стас испугался, очень сильно. Так боялся чего-то необъяснимого, вроде странных звуков в темноте. Вот и массажист оказался в такой же ситуации...

Влад поймал себя на мысли, что он вновь увлекся рассуждениями и ситуацию на дороге почти не контролировал. Чуть сбавив скорость, он стал присматривать место, где можно было бы пообедать. Выбрав, наконец, кафе, он проехал во двор соседнего дома, чтобы поставить машину. Его мысли как по мановению волшебной палочки потекли в другом русле. Он уже предвкушал, как после обеда поедет домой и начнет работать. Да-да, ему захотелось писать. Даже руки чесались. Слово мелодрама в его подсознании сейчас отсутствовало. Он будет писать так, как умеет, как делал все это время. Нужен сюжет, развитие и... подведение итогов. Просто страшные события будут происходить с девушкой, а все остальное приложится в процессе работы или даже после нее. Почему-то ему сейчас казалось, что не так и страшен черт. В конце концов, если понадобится, он всегда сможет проконсультироваться у специалистов, пишущих или полемизирующих на эту тему.

Время за обедом было как отдушина от забот. Только в эти минуты он мог позволить себе ничего не делать, ни о чем не думать. Хотя, не думать не получалось, но во всяком случае он не терзал себя версиями и прогнозами относительно своего мрачного будущего. Пока он ждал заказ, рука невольно потянулась к телефону. Набрал номер Лизы, он безуспешно ждал окончания длинных, унылых гудков. Повторять вызов он не стал. Было досадно, что его пропущенный звонок будет висеть у нее в телефоне на всеобщее обозрение. Владу совсем не хотелось выглядеть назойливой прилипалой. Но теперь, когда она ему не ответила, его воображение тотчас нарисовало картину, где Лиза с усмешкой смотрит на дисплей, а затем небрежно отбрасывает мобильник в сторону. Почему его начали волновать такие тонкости, а по сути, ерунда полная — он не мог объяснить. Куда-то подевалась его уверенность в отношениях с женщинами. Именно сейчас, когда у него, казалось бы, столько других проблем и забот, начали вылезать наружу эти невесты откуда взявшиеся юношеские комплексы. Вспомнив сыщика Потапова, который по его заданию пробивает любовную линию в жизни Насти, ему и вовсе стало тошно. Ну, зачем он это сделал? Откручивать назад, просить бросить это дело теперь тоже глупо. Уж лучше выглядеть ревнивцем, чем истериком.

Домой ехать не хотелось. Влад вспомнил, как рассказывал ему Кистень про свои творческие муки, когда тот

под любым предлогом уходил от рабочего стола. У него сейчас ситуация, пожалуй, еще хуже — он не знал, какой найти предлог, чтобы не ехать домой. Потому что знал, едва ступив на порог, он тут же начнет искать для себя какое угодно занятие, только бы оправдать свое ничегонеделанье за ноутбуком.

Ругая и кляня себя на чем свет стоит, Влад направил автомобиль в сторону квартала, где жила Лиза. И даже придумал этому оправдание — это будет называться сбор материала для мелодрамы. Почему нет? В этом не было никакой лжи, зато были чувства, острые и дурманящие, как наркотик. В его голове тотчас возникла будоражающая кровь картина сплетенных рук, влажных прядей волос, прилипших к ее лбу, тихий, бессмысленный смех на ухо...

Он увидел Лизу выходящей из аптеки, что неподалеку от ее дома. Забросив пакет на заднее сиденье, она села за руль и тронула машину с места. Влад на мгновение растерялся, в руках появилась странная дрожь, он лихорадочно соображал, как ему лучше поступить. Подумав, что звонить сейчас не слишком подходящий момент, он медленно поехал следом. Когда машина Лизы повернула во двор, он проехал немного дальше по улице, купил букет нежно-лиловых анемонов, корзинку с фруктами и вернулся к ее дому.

Отбросив все ухищрения, Влад подошел к подъезду и позвонил в домофон.

— Лиза, это я. Можно мне зайти?

Она ждала его у открытой двери, пока он быстрым шагом поднимался по ступенькам.

— Здравствуй...

Лиза отступила в сторону, пропуская его.

— Влад... что-то случилось? Это мне? — она взяла из его рук цветы и уткнулась в них лицом, пытаясь спрятать невольно возникшую улыбку.

— Почему сразу случилось... Хотя, наверное, случилось. Ты не прогонишь меня?

— Ну как же я могу прогнать тебя? Забрать цветы и выставить тебя за порог? — на ее болезненно бледном лице читалась ирония.

— Можно выставить меня, а следом швырнуть букет, — посоветовал он, прижимая ее к себе.

— Нет уж, цветы мне понравились. Придется терпеть и их хозяина, — Лиза потерлась щекой о лацкан его пальто.

— Я тебе звонил...

— Правда? — Лиза отстранилась от него и взяла в руки мобильник, лежавший тут же, на полочке для ключей. — Да, вижу. Я в аптеку отлучалась ненадолго, а телефон забыла, так и остался здесь.

— Ты приболела? — он взял ее лицо в ладони и стал внимательно изучать. — Откуда такая печаль в глазах? И лицо очень бледное...

— Нет, все в порядке. Так, хандра небольшая, ну и потом, ты же знаешь, у меня проблемы...

— Да, прости. Я все помню, но ты упрямисься и не позволяешь мне помочь тебе.

— Не думай об этом. Как твои успехи? — бросила она через плечо, направляясь в комнату, чтобы поставить цветы.

Влад закатил глаза и мысленно ответил: «фигово».

— Ты голоден? — спросила она откуда-то из недр комнаты.

— Нет, недавно обедал.

— Тогда, может, кофе?

— Не откажусь.

Поставив перед ним белый фарфоровый кофейник и маленькую чашечку, Лиза налила себе в стакан воды с долькой лимона.

— Ты мне так и не ответил насчет своих дел.

— Ох, Лиза, зачем тебе мои дела? — Влад страдальчески усмехнулся и добавил: — я к тебе зашел в надежде забыть про свои дела.

— Ну, как знаешь, — она повела плечом и сделала глоток из стакана. — Мне всегда казалось, что мужчины любят говорить о своих делах.

— Правда? Не знаю, возможно...

— У тебя озабоченное лицо, — пояснила она, — вот я и подумала, что, возможно, ты захочешь поделиться проблемами.

Влад неожиданно глупо хихикнул и прикрыл рот ладонью.

— Что такое?

— Извини... я просто подумал, как же странно звучит — «поделиться проблемами». То есть, по смыслу я должен передать тебе часть своих бед. Но это эгоистично, черт возьми! Я не могу так поступить с тобой.

Лиза улыбнулась.

— Русский язык — неисчерпаемый источник для полемики. И все-таки...

В ее глазах, наполненных странным печальным светом, он увидел не любопытство, а тихое удивление. Влад

посмотрел на дно чашки с кофейной гущей, затем вновь поднял взгляд на Лизу. Вот он, образ для его новой работы, — подумалось ему, и теплая волна нежности пробежала по телу.

— Знаешь, если бы я писал мелодраму по доброй воле, я, скорее всего, справился с этим делом намного лучше и быстрее, чем в данной ситуации.

— В какой именно? Тебе всего лишь предложили написать мелодраму, но ты вовсе не обязан этим заниматься. Зачем же себя неволить?

Влад решил отказаться от дальнейших объяснений. Он добавил себе кофе и непринужденно поинтересовался:

— Лиза, признайся, ты часто задавалась вопросом, зачем я свалился тебе на голову?

Он был готов к какой угодно реакции — снисходительной улыбки, смеха, даже откровенной горечи. Вместо этого она, несколько не задумываясь, сразу ответила:

— Нет. Таких вопросов я себе не задавала. На них некому отвечать.

Ее голос — ровный, буднично-серый — сразу подкосил Влада. Он не ожидал столь простой и ясной оценки их ситуации.

— Ты права, — кивнул он, — но я почему-то все равно задаюсь этим вопросом. Вот такой я лирик...

На бледных щеках Лизы проступил легкий румянец, движением руки, каким-то лишним, надуманным, она провела по лицу, будто закрепляя на нем маску строгости. Влад вовсе не ждал от нее оправданий или аргументов в пользу своей точки зрения, однако она ответила:

— Мне как-то бабушка говорила, что лирика присуща молоденьким девушкам и престарелым мужчинам. И только.

Влад откинулся на спинку стула и весело рассмеялся.

— Как же права твоя бабушка! Честное слово, с некоторых пор я себя именно так и чувствую...

— Престарелым?

— Хуже. Побитым молью тюфяком.

Влад поднялся, подошел к ней и, опустив руки на плечи, уткнулся носом в золотистый стожок ее подобранных заколками волос. Они оба понимали, что было бессмысленно продолжать этот разговор, больше похожий на бросание ватными мячами. Он тихо покрывал ее волосы и шею поцелуями, словно опутывая невидимыми сетями. У него не было цели обольстить ее, он просто наслаждался этим моментом ее безропотности, стараясь запомнить каждое мгновение. Огромная, мутная волна бед, накрывшая его с головой, как будто схлынула сейчас, и он жадно ловил воздух, пока это было возможно...

В полумраке рано наступивших сумерек спальня Лизы казалась ему самым надежным и уютным пристанищем в мире. Как жаль, думал он, что нельзя укрыться здесь на ближайшие месяц-два. Почему ему пришло на ум сейчас эти месяц-два, он, конечно же, понимал — сроки сдачи сценария. Словно прочитав его мысли, Лиза спросила:

— Скажи, мне интересно, ты пишешь свои сценарии в каком алгоритме — сначала все продумываешь и по полочкам раскладываешь или просто сразу, так сказать, от общего замысла?

Влад мягко сжал ее плечо и, уткнувшись носом в шею, прогундосил:

— По-разному бывает. Лучше, конечно, когда по полочкам. Тогда работа идет быстро. Но так редко получается. Жизнь вносит свои коррективы и приходится многое менять.

— Жизнь? — удивилась она. — Ты это как-то переплетаешь с реальной жизнью?

— Нет, конечно, но жизнь выдуманных героев должна быть похожа на реальную жизнь, а потому как всякое бывает в реальности, так и в придуманной жизни случаются резкие повороты.

Влад откинулся на спину, тяжело вздохнул и спросил:

— Мне, наверное, пора уходить. Извини, что вторгся в твою жизнь, нарушаю твои планы.

— У тебя испортилось настроение. Почему? — повернувшись набок, она смотрела на него, подперев голову рукой.

— Потому что не хочется возвращаться к реальной жизни.

— А я у тебя, значит, из той, другой, придуманной жизни?

— Нет, совсем не так, — он повернулся на бок и коснулся губами ее локтя, утонувшего в подушке. — Я про другое. Сейчас моя реальность такова, что я должен начинать работать, а я не знаю как. Только подумаю про свой рабочий стол и тут же перед глазами пустой светящийся экран. Ни слова, ни буквы.

Лиза сложила ладони рупором и шепотом прокричала:

— Э-эй, буквы!!!! А ну марш на место!

Она рассмеялась, глядя на несчастное лицо Влада.

— Извини, — через минуту взмолилась она, — даже не думала, что настолько плохи дела. С этим надо что-то делать.

— Ну, что ты... я рад, что тебе весело, что ты смеешься. Я совсем редко слышу твой смех.

Лиза, набросив тонкий халатик, поднялась с постели и подошла к окну. Забросив руки за голову, она начала

закалывать волосы, вытаскивая изо рта шпильки. Сначала одну, затем вторую, третью... Ее изящная фигура на фоне сумеречного света с улицы выглядела завораживающе красиво. У Влада мелькнула мысль, что этот театр теней она показывала, очевидно, не один раз. Кто были зрители? Сколько?..

— Влад, — она обернулась к нему, — мне кажется, что тебе надо сменить обстановку. — Она присела на край кровати и включила бра. — Тебе не приходило в голову, что это психологический барьер? Его надо как-то преодолеть. Твое рабочее место, ты сказал, вызывает у тебя панический страх «пустой страницы». Ведь так?

— Хм, возможно... да, есть такой момент, — Влад с интересом посмотрел на своего «психолога», и ему стало стыдно за те мысли, что только что взбудоражили его воображение.

— Вот. Это вполне можно устранить. Тебе надо для начала переехать в другое место. Реально?

— Нет, пока нереально, — ответил он, понимая, что его статус «невъездного» пока никто не отменял. Однако посвящать Лизу в свои дела он не собирался.

— Почему?

— Некуда просто. У друга была дача, но он ее продал. Свой дом я оставил детям, а снимать квартиру здесь, в городе, по-моему, не лучший вариант. Вряд ли это избавит меня от проблем.

— Да, понимаю. Но... мне кажется, я тебе смогу помочь в этом вопросе. Мы отложим этот разговор, пока я не разужу все. Хорошо? День-два — и я дам тебе ответ.

— Хорошо...

Он заметил, что настроение Лизы изменилось, она уже не была похожей на человека, поглощенного своими страданиями. Еще ему показалось, что Лиза уцепилась за эту возможность выйти хотя бы ненадолго из заколдованного круга, в котором только дом и больница, где лежит ее сын.

— У тебя сегодня есть репетиторство? — спросил он, поправляя волосы у зеркала в прихожей.

— Нет. Сегодня я еду в больницу. Твои фрукты очень кстати. Мне не придется терять время в магазинах, — она улыбнулась отражению Влада в зеркале.

— Лиза, тебе очень идет улыбка, — Влад обернулся. — Прости, что я столько времени отнял у тебя. Ты еще успеешь в больницу? Уже вечер...

— Все в порядке. Меня пускают в любое время, — она провела рукой по небритой щеке Влада. — А ты не расслабляйся. Я же вижу, как тебя угнетает эта ситуация с работой.

— Это мягко сказано... Но не будем об этом, — махнул он рукой. — Меня больше волнует, как помочь тебе и твоему ребенку. Как зовут мальчика?

— Влад, не ставь нас обоих в положение... — она запнулась.

— Лиза, что? В какое положение? Если я буду знать имя, то поневоле у нас появится общая тема для разговора, общие заботы? — Влад решил придержать ее за плечи, заметив, что она пытается отстраниться от него. — Но я как раз этого и хочу. Для чего мы, люди, живем на свете бок о бок друг с другом?

Черты ее лица как-то заострились, вместо Лизы перед ним стояла совершенно чужая женщина — холодная и строгая.

— Лиза, не смотри так на меня...

— Как? — спросила она и попыталась расслабить напряженное лицо.

— Как присяжный на Страшном Суде. Я пойду, — он на мгновение привлек ее к себе и вышел.

Влад сидел в машине и злился на себя. Он представил, в каком состоянии оставил Лизу, и сейчас готов был бежать обратно, чтобы умолять о пощаде. А что, если она никогда больше не ответит на его звонок и не впустит к себе в квартиру? Его даже передернуло от этой мысли.

Остаток вечера он провел за кухонным столом, стараясь на листе бумаги набросать хотя бы несколько пунктов для будущего сценария. Думая об образе героини, у которой в молодости случилась трагедия, его воображение невольно рисовало Лизу. Кто был ее муж? Почему он оставил женщину с тяжелобольным ребенком? Это ли не предательство?

Влад налил себе виски, добавив несколько кубиков льда, и откинувшись на спинку стула начал медленно, по глоточку, отпивать. Он понимал, что Лиза никогда не будет прототипом его героини, но сама тема его невольно взволновала. Почему она отвергает его помощь? Любая тяжелая болезнь требует немалых денег. Судя по тому, в какой квартире жила Лиза — достаточно скромной, хотя и уютной, — после развода с мужем она оказалась в тяжелом материальном положении.

Было около полуночи, когда его одолело нестерпимое желание уйти из дома. Куда именно, он не задумывался, лишь бы выйти на свежий воздух. Его собственная квартира стала для него клеткой, в которой он не мог работать, не мог думать, да и просто дышать уже не мог. Чертовщина! Не иначе как придется расстаться со своим жильем волей-неволей. Все, похоже, шло именно к этому.

Ночь была светлая и тихая. Владу даже показалось — теплая. Он сделал несколько глубоких вдохов, глянул на небо, где повисла безразличная луна, и пошел по улице без всякой цели, глубоко засунув руки в карманы пальто.

Тусклые фонари еще кое-как освещали проезжую часть, по которой изредка пробегали запоздалые авто, но тротуар оставался в полумраке. Насколько безопасны подобные прогулки, он даже не задумывался. Сейчас он испытывал большее доверие к ночи, к этой пустынной улице, нежели к предстоящему дню с его непредсказуемыми кошмарами. Впереди ярко светилась оранжевым светом от невысоких, под старину, фонарей красивая кленовая аллея. Странно, но Влад никогда не ходил по ней, неизменно при этом восхищаясь красотой старых деревьев, проезжая мимо на машине. Что ж, подумалось ему сейчас, пусть это будет первое знакомство. Вдоль довольно широкой дорожки стояли скамейки с витиевато гнутыми чугунными ножками и боковинами. Влад, пройдя немного, присел на одну из них и почти тут же почувствовал себя брошенным бездомным псом. Старым и дряхлым, с клочковатой шерстью и подслеповатыми гноившимися глазами. Подняв воротник, он спрятал лицо от неожиданно подувшего ветра и подумал, что зря он остановился, зря не продолжил свой путь по ночному городу. Потому что все самые страшные мысли и предчувствия, словно следовавшие за ним, тут же навалились каменной тяжестью, придавив тело к этой скамейке.

— Эй, мужик! — услышал он сиплый голос и оглянулся по сторонам. — Я тут...

Со скамейки на противоположной стороне ему помахал рукой мужчина в светлом тулупе, затем нехотя поднялся и пошел к Владу.

— Чего надобно? — угрюмо спросил Влад и посмотрел на обросшее седой щетиной лицо незнакомца. На его голове была маленькая вязаная шапка черного цвета, наподобие той, что часто носят гопники. Натянутая почти до самых глаз, она будто зацепилась за лохматые седые брови мужчины.

— Мне? Ничего, — отступил на шаг он и строго посмотрел на Влада. — Я подумал, что тебе, может, помощь нужна.

— С чего вдруг такая мысль? — хмыкнул Влад.

Мужчина, не говоря ни слова, развернулся и медленно зашагал по дорожке. Влад с сожалением посмотрел ему вслед. Зачем он нагрубил ни в чем не повинному человеку? «Много ли раз тебе предлагали помощь в жизни?» — спросил он себя и скривился от досады. Подхватившись со скамейки, он бодрым шагом нагнал незнакомца в тулупе.

— Прошу прощения, — сказал он, поравнявшись. — Я на самом деле признателен вам... тебе... в общем, спасибо.

— За что? — остановился тот. — Вроде я ничего и не сделал.

— Просто спасибо, что понял меня. Влад, — он протянул руку.

— Лев, — ответил рукопожатием мужчина. — Хотя лично я ничего не понял.

— Зато почувствовал... в общем, помощь мне нужна.

— Ну вот! — мужчина торжествующе раскинул руки. — Я ж вижу, убитый ты совсем...

— Ну, насчет убитый, ты, Лева, не горячись. А то, того и гляди, прихлопнут.

— Вот оно как... — сокрушенно покачал тот головой и медленно двинулся по дорожке. — Из богатеньких, значит.

— Кто богатенький, я? Откуда такие выводы? — спросил Влад, шагая плечо в плечо.

— Ну... у вас завсегда там чуть что не так — тут же дырку в голове просверлить норовят.

— Не тот случай. Я так понял, ты про деньги говоришь.

— Так из-за них, проклятых, все беды и случаются. Если не болеешь, конечно.

— Не болею, Лева, и не в деньгах дело...

— Тогда — бабы. В мире два зла — бабки и бабы. Смешно звучит?

— Ну да, есть немного.

— Плюнь. Мой тебе совет, — коротко подвел черту Лев.

Некоторое время они шли молча.

— А ты куда идешь? — нарушил тишину Влад.

Лев пожал плечами.

— Как тебе сказать... никуда. Иду по жизни — и все.

— Бомжуешь что ли?

Мужчина неодобрительно покосился в сторону Влада.

— Придумали ж словцо... как клеймо преступнику. А от тюрьмы и от сумы, сам знаешь, никто не застрахован.

— Ну, извини. Я не в плохом смысле. Так, вырвалось...

— Ну да... я догадался, что в хорошем.

Они прошли сквозь аллею, и полумрак плохо освещенной улицы окутал ночных странников.

— А ты, мил человек, уж не собрался ли повторить мой подвиг?

— Пойти по миру с сумой? Даже не знаю, что тебе ответить. Холодно как-то, — Влад шмыгнул носом,

почувствовав, наконец, что его стал пробирать озноб. Сезон явно не для ночных прогулок.

— У меня всегда с собой есть, — с этими словами Лев вытащил из-за пазухи початую бутылку водки. — Погреешься?

Влад сделал несколько глотков и удивился, настолько вкусной ему показалась водка.

— Прекрасно, — крикнув, произнес он самому себе под нос и вернул бутылку. — Где берешь сие изумительное зелье?

— Ты что, водки не пил никогда?

— Почему, пил. Давновато, правда. Всегда казалась дрянным напитком.

— Это ты зря. Водочка изделие чистое, без всякой там фальши. Где беру? Да в первом попавшемся гастрономе.

— Буду иметь в виду.

— Только вот закуски, к сожалению, нет.

Влад остановился и придержал мужчину за край тулупа.

— Слушай, Лева, а чего мы с тобой, как два упитых бомжа будем шариться по закоулкам? Пошли ко мне домой, а? Яишенку пожарим, колбаски нарежем. Люди все-таки...

— А огурчик соленый найдется? — блеснули в темноте глаза.

Влад приложил руку к груди и сокрушенно произнес:

— Огурца нет. Прости, если можешь.

— Эх... я уж думал, попируем. Но колбаска тоже сойдет.

Влад понимал, что совершает весьма опрометчивый поступок, приглашая к себе в дом незнакомого человека. Да еще ночью. То ли под воздействием алкоголя, то ли от страстного желания выговориться тому, перед кем не надо будет юлить и выверять каждую фразу, у Влада прочно сформировался образ Льва как надежного и благодарного слушателя.

Он с удовольствием варганил незамысловатый мужской ужин на кухне, пока Лев намывался в ванной. Едва они переступили порог квартиры, мужчина тут же взмолился:

— Влад, не сочти за наглость — можно мне принять душ?

Влад, прикинув, что они приблизительно одних с ним габаритов, тут же вытащил из шкафа одежду, которую сам уже давно не надевал и передал Льву.

— После бани принято в чистое одеваться. Так? Бери, — протянул он вещи ошеломленному гостю. — Еще пуховик, практически новый, только к концу прошлой зимы и приобрел. Не сильно теплый, но дело к весне, а ты в тулупе, как рыбак. Я в прихожую его отнесу. И шапку в придачу.

— Благодарствую... А насчет рыбака ты в точку попал — я в нем раньше на зимнюю рыбалку ходил...

Сейчас его квартира обрела какой-то иной статус. Вместо запаха дорогого парфюма и ароматов свежемолотого кофе, здесь витал специфический дух от тулупа, брошенного Львом на полу в прихожей, а из кухни, вдобавок, шел яркий, аппетитный запах жареного лука, колбасы и яичницы. Владу казалось, что в этом есть какая-то своя правда жизни, которая сейчас его очень устраивала и даже придавала силы.

— Ну вот. Я готов, — услышал он за спиной бодрый голос Льва и обернулся. Перед ним стоял довольно молодой мужчина, не намного старше его самого, весьма представительный и симпатичный.

— Лев... — растерянно протянул Влад. — Это ты?

Мужчина смущенно потер подбородок.

— Извини, не удержался и побрился твоим станком.

— Черт возьми! Зачем же ты себя загнал в такую жизнь?

— Это жизнь меня загнала. Хотя... спорить не буду, наверное, сам виноват.

— Ладно-ладно, потом как-нибудь расскажешь, если захочешь. Давай к столу...

Лев оказался внимательным слушателем и, несмотря на обилие принятого ими спиртного, задавал Владу вполне адекватные вопросы и многозначительно кивал, выпуская густые струи дыма от сигареты.

— Я впечатлен, Влад. Если вдуматься, то скитаться по чердакам намного безопаснее, чем вести эту вашу богемную жизнь, — он сделал глубокую затяжку и посмотрел в темное окно. — Я вот одного не могу понять, — он прищурился, пытаясь сосредоточить взгляд, — ты дружил с этими парнями с детства, ведь так?

— Точняк... со школьных лет, — отгоняя ладошкой от себя дым, подтвердил Влад.

Лев покивал головой, затем поднял указательный палец вверх и как будто погрозил кому-то невидимому.

— Мне кажется... нет, я чую нутром, эти твои дружки подставили тебя.

Влад, подперев голову кулаком, уставился на своего гостя с недоумением.

— Подставили? Ну, ты, Лева, даешь...

Ночной гость еще раз погрозил пальцем.

— Вот тебе и «даешь»...

— Аргументируй, — потребовал Влад.

— Их, говоришь, убили...

— Вот именно. Одного убили, второй исчез не пойми куда. Живой ли... А говоришь, что подставили меня. В чем? Где логика?

— погоди, — махнул на него рукой Лев. — Счас попытаюсь сформулировать...

— Может, чайку заварить? — спросил Влад, заметив, что глаза собеседника норовят закрыться.

— Не надо! — рывкнул мужчина. — Только хуже будет. Зря ты коньяк наливал. Чай уже не поможет.

— Вот тут ты прав, — со вздохом согласился Влад.

— Я вот одного не пойму, — Лев откинулся на спинку стула и посмотрел в потолок, — твоих дружков быстро так определили по местам...

— Каким, Лева, местам? Один в морге, второй недалече...

— Вот. В морге и тому подобное... А тебя как будто на закуску оставили. Ну, скажи, что, разве не так?

— Так. Только ход твоих мыслей мне не очень понятен. Если они говнюки, как ты говоришь, то почему я не пострадал пока еще? Хотя должен был в первую очередь.

— Вот, ты сам и сказал — пока еще. Знаешь, буду трезвый, я попробую обдумать ситуацию, а пока у меня что-то главная мысль все время убегает. Жаль... как-то раньше я с головой дружил намного крепче...

— Лева, а ты кем был в миру? — хихикнув, поинтересовался Влад, решив сменить тему.

— Не скажу...

— Почему?

— Не поверишь.

— Разведчиком что ли?

— Не придумывай. Ну, какой из меня разведчик? Нет, на Штирлица я не потяну. Понимаешь, в твоём деле надо попытаться абстрагироваться.

— Не сойти мне с этого места, если ты не ученый! — Влад хлопнул в ладоши и засмеялся.

— Вот за это и выпьем, — Лева, поморщившись, разлил из бутылки остатки коньяка. — Вздрогнули?

Влад передернулся и согласно махнул рукой.

— Давай, за метод научной абстракции.

— Ой, парень, далеко пойдешь, — предсказал Лева, уткнувшись носом вместо закуски в рукав вязаного джемпера Влада. — Горький, зараза.

— Коньяк? — Влад с интересом посмотрел на его опустевшую рюмку. — Может и горький.

— А водка сладкая.

— Сладкая, — тут же согласился Влад. — Но, увы, закончилась. Так что там у нас с абстракцией? Бабы или бабки?

— Ха, вот ты сам и ответил — или бабы, или бабки. Третьего не дано!

— Я так и думал...

Влад успел подхватить засыпающего гостя и дотащить его до дивана. Сам же вернулся на кухню и старательно перемыл всю посуду. Затем заварил себе кофе и стоя у окна неспешно пил, вглядываясь в темноту на улице. Бабы или бабки... вот в чем, оказывается, вопрос. Ну, если предположить, что у Соколова и Волошина могли быть и с деньгами проблемы и, чем черт не шутит, с женщинами, то у него самого ни женщин, ни денег. Хотя, как же это он забыл, деньги у него как раз появились. Нехорошие какие-то деньги. Влад не шестым или там седьмым, а всеми известными чувствами — зрением, обонянием, слухом и прочими — чуял, что деньги эти ему даны в наказание. За что?

Он поставил пустую чашку на подоконник и усмехнулся: а ну как он возьмет и напишет треклятый сценарий! Вот соберется с мыслями, завяжет все страхи в тугий узел и за работу... Чем больше он думал о заказе, тем больший ужас его охватывал. Права была Лиза — ему действительно лучше сменить обстановку. Зачем он притащил сюда этого чудаковатого Льва? Поговорить не с кем или из жалости? Не-е-е-т... от страха! Он попросту создал сегодня в своем доме нормальную обстановку. Вот сейчас там, на диване, храпит совершенно чужой и, возможно, с криминальными наклонностями человек, а ему нравится, спокойно как-то. Хоть ты предложи Льву пожить у него...

Ночь прошла как мгновение. Он уснул, едва коснувшись подушки, а проснулся оттого, что в квартире было подозрительно тихо. Прощлепав на еще сонных ногах в гостиную, он с удивлением обнаружил убранный диван. Лев ушел по-английски. В прихожей на полочке для ключей лежала записка: «Спасибо за приют. Будь осторожен. Я взял из твоего бумажника денег, на трамвай, короче. Извини, без спросу, будить не хотел, больно сладко ты спал».

Влад вытащил из куртки бумажник — да, трамваи нынче дороги, как оказалось. Влад неожиданно для себя рассмеялся. Ему стало весело от всей этой истории с бомжом по имени Лев. Царственное имя, и негоже

мелочиться его обладателю.

Наскоро позавтракав, Влад сел за работу. Где-то за горизонтом его измученного мыслями мозга забрезжила идея. Едва различимая, совсем хлипкая, но имеющая право на жизнь. Основой сценария, решил он, будет история про девушку, которая решила мстить человеку, разорившему ее отца. Долгие годы, проведенные после смерти родителей в детском доме, она вынашивала эту месть, продумывая в деталях свой хитроумный план по уничтожению обидчика. Для реализации своего коварного плана повзрослевшая девушка устраивается на работу в компанию своего врага, позже становится его правой рукой и, само собой, влюбляет его в себя и путем махинаций с документами, как когда-то тот сделал с его отцом — разоряет. Тут тебе, как говорил Лева, бабы и бабки в одном флаконе. Прimitивно, но в духе времени.

Влад, предвкушая начало настоящей работы, уже потирал руки от удовольствия, когда ему позвонила Лиза.

— Лиза, девочка, как я рад тебя слышать, — промурлыкал он в трубку, вложив в голос всю гамму чувственных нот, которыми его наградила природа.

— У тебя хорошее настроение. Есть повод?

— Есть. Даже целых два.

— Ого! Это секрет?

— Для тебя — нет. Ну, во-первых, я придумал основу сюжетной линии своей мелодрамы.

— Так, — протянула Лиза. — Это уже кое-что. А во-вторых?

— А второй повод — твой звонок. Считаю его хорошим знаком. Это к успеху.

— Что ж, я рада за тебя.

— Хочешь, расскажу, о чем будет фильм?

— Еще бы не хотеть! — воскликнула она, — в кои веки настоящий сценарист делится своими планами в самом их зародыше. Это редкое везение.

— Ладно, не смущай меня. Итак, излагаю...

Выслушав идею сценария, Лиза подозрительно долго не отвечала, затем, кашлянув, неуверенно произнесла:

— Влад, извини, конечно, но ты уверен, что это мелодрама? Насколько я понимаю, подобный жанр предусматривает слезы от неразделенной любви, ну или от разлуки влюбленных. Как-то мне Индии не хватает. Я не права?

Влад едва не взвыл от досады.

— Права! Сто тысяч раз права! Пропади все пропадом...

— погоди, не стоит метать громы и молнии. У тебя на данный момент вышел, как обычно, жанр триллера или детектива. Ну, так у тебя устроено в голове, тут уж ничего не поделаешь. Но в остальном все отлично. Достаточно внести одну поправку, совсем малюсенькую.

— Какую?

— Твоя героиня должна влюбиться в своего врага. Вначале она влюбляет его в себя, а затем невольно сама попадает в ловушку чувств.

— Лиза, ты гений, — опустошенно произнес Влад. — Действительно, это ведь так элементарно из детектива сделать мелодраму. Надо всего лишь немножечко сместить акценты...

— Я слышу в твоём голосе неуверенность. Тебя что-то смущает в такой версии?

— Хм... кое-что, действительно, смущает. А чем дело при таком раскладе должно закончиться?

— Ой, ну тут я вряд ли тебе помогу. Я же не писательница. Подумай...

— Подумаю, если ты согласишься меня вдохновлять.

— Это как? — поинтересовалась она.

— Своим присутствием.

— Ага, ты, значит, решил меня записать в свои музы. Предыдущая, похоже, уволилась? — Лиза рассмеялась.

Влад прикусил язык и от досады покраснел. Хорошо, что по телефону этого не видно. Совладав с собой, он поддержал ее смех.

— Ладно, Лиза, тебе, я вижу, палец в рот не клади, — добродушно отозвался он и добавил: — о такой музе, как ты, только мечтать приходится. Никто у меня не увольнялся, точно так же, как никто не устраивался на такую должность...

— Посмеялись и хватит, — нарочито строго произнесла она. — Я тебе, между прочим, звоню по делу. У меня есть ключи от загородного дома, я договорилась с хозяйкой, она уехала на полгода за границу. Так что, если, на твой взгляд, тебе будет лучше писаться там, то сегодня вечером мы сможем туда переселиться.

— Мы? — с надеждой выдохнул Влад.

— Это фигурально выражаясь. Ты же понимаешь, что у меня заботы, у меня ученики. Я не могу вот так взять и загулять...

Последняя фраза больно резанула слух. То есть, их отношения она воспринимает как банальную интрижку.

— Понял. Извини, — сухо произнес он.

— Влад, — тут же смягчила тон Лиза, — это ты меня извини. Я сама вижу, что превращаюсь в какого-то солдафона. Просто живу в таком ритме...

— Брось, Лиза... я же все понимаю...

— Вот за это спасибо. Итак, каково будет твое окончательное решение — переезд или продолжаешь работать у себя? — нетерпеливо спросила она.

— Что ж, предложение заманчивое. Думаю, ты хотя бы иногда будешь меня там навещать?

— Я просто обязана буду это делать, — рассмеялась Лиза.

Влад почувствовал, что напряжение, невольно возникшее между ними, спало, и у него отлегло от души.

— Мои дальнейшие действия?

— К восьми вечера я подъеду к твоему дому... ты на своей машине поедешь?

— Ну да, на своей, если можно так выразиться. За городом надо иметь хоть какой транспорт. На съемной машине в съемный дом. Интересная жизнь у меня...

— Жаловаться, мне кажется, не на что. О такой жизни многие только мечтают.

Влад не стал развивать тему о прелестях его теперешней жизни, потому что со стороны все могло выглядеть именно так, как говорила Лиза.

— Хорошо. К восьми буду готов.

После звонка Лизы рука, готовая опуститься на клавиатуру, невольно легла на стол. Ему стало досадно, что он, профессионал, оказался в глазах Лизы дилетантом, не сумевшим отличить детектив от мелодрамы. Ее замечания были грамотными, как если бы она была настоящим литературным критиком. Как это у нее так легко получилось? На раз-два разделалась с известным сценаристом! Что ж, воля ваша, Елизавета, придется героине влюбиться в своего ненавистного врага. Представить такую ситуацию в жизни он мог с трудом. Должны быть некие детали в характере или поведении этого негодяя, которые бы мало-помалу пробили брешь в глухой стене ненависти главной героини. За что она могла его полюбить по итогу? Уж точно не за красивые глазки. Хотя, не зря же говорят, что любовь зла. Да уж, бедная девочка эта его героиня. После многолетних мук вынашивания плана своей мести — взять и втюриться в идиота.

Влад откинулся на спинку кресла и, скрестив руки на груди, прищурился, представляя картину, когда эта дурочка, умывшись слезами, признается самой себе в том, что все эти годы она провела в никчемных размышлениях о какой-то там мести, а оказалось, что есть вещи важнее мести — любовь. Какая же гадость эта ваша мелодрама! — хотелось ему воскликнуть. Почему надо вдруг взять и простить подлость ради любовных утех с умудренным опытом красавчиком? В этот мгновение Влад неожиданно ощутил откровенное презрение к своей героине. И это ему не понравилось. Любой герой, даже отрицательный, должен быть интересен автору своим внутренним миром, полным противоречий и заблуждений. А что здесь? Примитив. Но другого выхода у него нет. Возможно, что смена обстановки хоть как-то скрасит его далеко не творческие будни, которые он охарактеризовал бы одним емким словом — каторга.

Лиза оказала ему неоценимую услугу своим предложением — теперь он имел полное право заняться сборами к переезду. Ура, ура, ура! Отодвинув в сторону ноутбук, Влад взял чистый лист и начал составлять список необходимых вещей в дорогу. Кое-что требовалось подкупить, и он решил, не мешкая, отправиться в ближайший магазин.

Едва выйдя из подъезда, он натолкнулся на соседок, что-то бурно обсуждавших на крыльце.

— Здравствуйте, — дружно в один голос поздоровались они и посмотрели на Влада так, будто увидели привидение.

Сделав пару шагов, он невольно обернулся — уж слишком красноречивая тишина воцарилась за его спиной.

— Что-то случилось у нас в доме? — поинтересовался он.

Соседки переглянулись и почти одновременно заговорили.

— Слава Богу, теперь видим, что все в порядке. Вы целы и невредимы.

Владу от таких слов стало не по себе. Он вернулся к женщинам и, нахмурившись, спросил:

— Это вы о чем? Что вас так удивило?

— Скорее, нас удивило то, что рассказала дворничиха наша, — ответила ему она из них. — Сегодня утром, когда она чистила дорожки, из нашего подъезда, так сказала она, вышел писатель. Это она вас имела в виду, — многозначительно подняла брови женщина. — Прошел, говорит, немного в сторону арки, а там его бац! по голове. Пакет большущий отобрали и скрылись. Мы расстроились, вам не передать. Это чтобы на людей нападали, считай, среди бела дня. Вот походи куда теперь...

Влад, не мигая, смотрел некоторое время на женщину, затем, пожав плечами, поинтересовался:

— И почему она решила, что это был я?

— Так говорит, что знает всех тут как облупленных. Я еще говорю — Тань, а ты не ошиблась, темновато было

еще.

— Нет, говорит, хоть и со спины, но одежду узнала, и походка его... ну, ваша, в смысле.

Влад уже понял, что дворничиха видела бомжа в его одежде. Правда, он никогда бы не подумал, что походки у них со Львом одинаковые. Но это она могла и приврать.

— И что с тем человеком?

— Да кто ж его знает. Исчез...

— Погодите, дамы, ну как это исчез? На человека напали, а дворник даже полицию не вызвала?

— Ой, Аня, — махнула на говорившую рукой другая женщина, — я теперь понимаю, в чем дело — пьяная была эта Таня. Вот и все.

— Пьяная? Это в такую-то рань? — удивился Влад.

— А это, знаете, у кого какая работа. Есть такие, с позволения сказать, специальности, где люди пьют на рабочем месте. Дома им неинтересно, знаете. А тут в самый раз — и теплее, и веселее. Уверена, что так оно и было.

— Нет, ну не до такой же степени, — вступилась за дворничиху Аня. — Человек тот, если пришел в себя и самостоятельно ушел, то и вызывать вроде как ни к чему ментов. Главное, что это все не с вами случилось.

— Да пока, вроде, ничего...

— Храни вас Господи, Владислав Петрович, — осенила крестом Анна. — Мы тут не нарадуемся, что с нами такая знаменитость живет.

— Не смущайте меня, дамы, — поморщился писатель.

— Чистая правда, — затараторили они. — Вы, наверное, не обращаете внимания, что нам ремонт в подъезде чаще, чем другим делают. И домофон всегда чинят по первому звонку, стоит только заикнуться...

Владу очень хотелось, чтобы происшествие с его ночным гостем было случайностью, но на душе было скверно от нехорошего предчувствия, что его приключения, к сожалению, не имеют четко очерченных границ, и конца им не видать. Кому понадобилось бить по голове Льва? Точнее, зачем кому-то понадобился он, Влад Семенов? Напугать, покалечить или что-то еще? Женщины сказали, что забрали большой пакет. Надо понимать, что тулуп для рыбалки приказал долго жить. Было досадно, что из-за него пострадал совершенно невинный человек. Где теперь его отыскать и помочь хоть чем-нибудь...

Ему казалось, что этот день тянется бесконечно. После происшествия со Львом, Влад воспринимал предложение Лизы, как подарок небес. Куда угодно, только бы подальше от этого дома. Хорошо, что они отправятся туда вечером, когда уже совсем стемнеет — была хоть какая-то надежда ускользнуть незамеченным.

В «Заречный» они въехали довольно поздно. На улице светили редкие фонари, дома укрывались за высокими заборами, отчего поселок выглядел безжизненным.

— Лиза, а кто твоя подруга? — спросил он, когда они остановились во дворе дома, больше похожего на картинку из журнала современной архитектуры, нежели на жилье простого, пусть и обеспеченного, человека. Черный, с высокой скатной крышей, увенчанной массивной трубой, и поблескивающими огромными стеклами окон до самого низа по углам — он производил довольно противоречивое впечатление: с одной стороны, очень современно, с другой, довольно мрачно из-за черного тона стен и крыши.

— Она обычная женщина, весьма симпатичная, как мне кажется...

— Правда?

— А что тебя смущает?

— Я и не подозревал, что в наше время так живут обычные женщины.

— А, ты в этом смысле, — рассмеялась Лиза и запрокинула голову. — Какие сегодня яркие звезды... — рассеянно произнесла она, затем посмотрела на Влада и буднично произнесла: — Женщина из состоятельной профессорской семьи, занимается, если я правильно поняла, контрактами с зарубежными фирмами по поставке строительных материалов. Да пойдем же в дом, что мы стоим? — она махнула рукой и быстро пошла по дорожке в сторону широких ступенек, ведущих на довольно высокое каменное основание, на котором собственно и располагалась вся постройка.

Яркий свет многочисленных светильников разлился по просторной комнате, в которой было много различных зон — обеденная, с большим белым столом и обитыми цветным гобеленом стульями, каминная — с диваном, парой мягких кресел и шкурой медведя на полу. В глубине, возле огромного окна до пола, занимающего пространство по обеим сторонам угла, стоял небольшой кабинетный рояль, несколько стульев и раскидистая пальма в кадке.

— Ну, как тебе? — с чувством гордости спросила Лиза.

На лице Влада читалось недоумение и как будто разочарование.

— Потрясающе, — наконец произнес он. — Только я не уверен, что здесь можно настроить себя на рабочий лад. Уж слишком все, как говорят, богато.

Лиза удивленно посмотрела на него и с обидой в голосе произнесла:

— Ну, извини, другого варианта у меня пока нет. Мне казалось, что весьма уютно...

— Уютно? Нет, речь не о том. Здесь не просто уютно, здесь чувствуется талант мастера, обладающего тонким вкусом. Но мне бы что-нибудь небольшое, каморка, может, какая есть, чтобы стол, стул и топчан...

Лиза пожала плечами.

— Каморки с топчаном нет, увы. Но тебя же никто не заставляет здесь работать, поднимешься на второй этаж, там есть гостевая комната, все по минимуму. А я, извини, поеду, уже довольно поздно.

Влад втайне надеялся, что она останется с ним хотя бы поужинать, но озвучить свое желание не рискнул, боясь наткнуться на холодный, пусть и вежливый, отказ.

Проводив Лизу, он запер ворота и вернулся в дом. После ее ухода стало неуютно в этом чужом доме, как будто он незваный гость, забравшийся сюда через забор. Вдобавок воцарившаяся тишина усугубляла состояние тревоги и потерянности. В его доме, который он оставил Глаше, всегда было шумно от голосов Нины и Артема, туда часто приезжали гости, и найти тихий уголок для работы было делом не из легких. Но, странное дело, работалось ему там легко, и если бы не скандалы Глафиры, он бы вспоминал то время, как самое лучшее в своей жизни.

За громадными стеклами чернела ночь. Было некомфортно ощущать себя словно на сцене под огнями рампы. Влад взял со стола пульт, задвинул наглухо вертикальные жалюзи, затем включил негромко телевизор и убрал лишний свет, оставив лишь пару настольных ламп и небольшую люстру над роялем. Стало спокойнее. Он сел на диван и устало приложил ладони к лицу. Что ж, Лиза права — действительно, судьба довольно благосклонна к

нему. Вот, сидит он тут, живой и здоровый, если, конечно, не брать в расчет психику. В тишине и красоте. Только у кого она сейчас здоровая эта психика? Жизнь штука жестокая при всей своей прелести. Не хотел работать в своей квартире, не получилось это сделать и в гостинице — что ж, извольте, вот вам целый дом в распоряжение. Да еще какой! Дерзай, Семенов! А не хочется... Не привык он работать под удары хлыста, как зверушка в цирке.

Немного позже, сидя в кухне на высоком барном стуле с чашкой кофе и бутербродом в руках, он попытался дать характеристику хозяйке этого дома, исходя из окружающей обстановки. Однако зацепиться было не за что. Не было видно каких-либо атрибутов, по которым он мог бы с уверенностью сказать, что это жилище дамское. Как и не было элементов, утверждающих обратное. Даже набор посуды в шкафчиках не давал ни малейшего намека на характер обитавших здесь людей. Впечатление, что это дом-выставка, готовый к продаже. При этом здесь отсутствовал специфический запах новой мебели и отделочных материалов. Следовательно, в доме продолжительное время кто-то все-таки жил. Но, чувствуется, хозяйка отсюда выехала довольно давно и надолго — он был уверен в своих выводах. Почему она отдала ключи Лизе? У него сложилось впечатление, что она вряд ли была очень близка с хозяйкой. В последнее время у него выработалась привычка анализировать все сказанное другими. Эта фраза Лизы насчет профессии хозяйки — «если я правильно поняла...» — не вписывается в понятие тесной дружбы. И, кстати, Лиза даже не назвала ни имени, ни фамилии хозяйки... Хотя, тут он сам виноват, не подумал спросить. Ладно, это не суть важно, завтра обо всем можно узнать по телефону.

Сумка с вещами так и стояла посреди гостиной. Стоило подняться на второй этаж и посмотреть гостевую комнату, про которую говорила Лиза, но Влад сознательно оттягивал этот момент. Он прислушивался к своим новым ощущениям в этом странном месте, словно смакуя незнакомый по вкусу напиток.

Набросив куртку, он вышел во двор. Несколько низких фонарей освещали пространство от крыльца до ворот. По обеим сторонам от этой дорожки стояла почти непроглядная тьма. Скорее всего, из прихожей можно было включить дополнительный свет — он видел там кучу всяких выключателей. Пройдясь до ворот и обратно, Влад постоял еще какое-то время у дверей, вдыхая свежий, влажный воздух, в котором тонкой ноткой ощущался запах оттаявшей земли — признак скорой весны, и вернулся в дом.

На втором этаже было четыре комнаты, две из которых оказались заперты. Очевидно, там хозяйка хранила свои личные вещи и всякого рода предметы, которые придают любому жилью индивидуальность. Оставшиеся две, хозяйская спальня и гостевая, в которой помимо кровати и шкафа стоял довольно массивный письменный стол с удобным креслом, были, надо понимать, в его распоряжении. Лиза была права насчет гостевой — это идеальный вариант кабинета. Водрузив на стол ноутбук, он уже мысленно потирал руки, предвкушая тихую радость от звуков, что издают клавиши, от вида страницы на мониторе, которая быстро заполняется буквами — значками с магическими возможностями. Как же он любил эти моменты, когда перечитав написанные страницы, понимал, что все задуманное удалось как нельзя лучше. Конечно, так было далеко не каждый раз, но всегда была возможность и желание переделать то, что не понравилось. Как будет в этот раз, он мог только предполагать, но упорно отказывался даже думать на эту тему, боясь «уйти в пике». Наверное поэтому, спустившись на первый этаж, Влад налил в бокал изрядную порцию коньяка, предусмотрительно прихваченного с собой из квартиры, и залпом выпил его. Как говорится, утро вечера мудренее. Надо выспаться. Хотя, не исключено, что он оправдывается перед собой за свое пьянство, и есть большая вероятность, что скоро он превратится в заурядного пьяницу и неудачника.

С утра он первым делом сел за стол. Не просто сел, а пригвоздил себя к рабочему месту, не позволяя даже думать о чем-либо постороннем. Хватит играть в кошки-мышки с самим собой. Завтракать? Еще не заработал! Пока не будет набросан хотя бы примерный план первых сцен — ни с места!

Некоторое время Владу удавалось сосредоточиться на привычных для него действиях. Все еще не решив, какой же будет концовка, он тем не менее сумел обозначить довольно динамичное начало будущего фильма. По структуре основные события фильма будут происходить уже ближе к завершающему этапу — мечь и непредвиденная для всех развязка. Но зритель о мотивах, побуждающих героиню к таким поступкам, будет узнавать из так называемых флэшбэков — возвратов в прошлое. Так будет проще ему самому, решил Влад. Кто знает, если он погрузится в атмосферу воспоминаний его страдающей героини, то и сюжет начнет развиваться более гармонично? В конце концов, для женщин характерна жертвенность в любви. Вот пусть и страдает из-за своей внезапной страсти к своему врагу.

Влад потер переносицу и откинулся на спинку кресла. Ну вот, получается, что любовь тут и рядом не проходила. Страсть. Вспыхнула, обожгла, лишила разума. Надолго ли хватит таких чувств? Если следовать логике, его логике писателя детективных сюжетов, то последствия такой страсти могут быть просто катастрофическими. По итогу мечь все равно неотвратима...

— Так в каком месте плакать будем? — громко произнес Влад в экран монитора и поднялся из-за стола.

Вяло ковыряясь вилкой в глазунье, он с недоумением смотрел по телевизору какое-то показательно отстойное ток-шоу из серии «Пусть говорят», где зрители, похоже, даже не пытались понять, зачем и кому все это надо —

крики, ругань, драки. Спустя пару минут он решил, что подобное зрелище вредно для пищеварения и шелкнул пультом. А ведь это срез общества, глубоко больного, которому на самом деле безразличны чужие страдания и беды, — подумал с горечью Влад.

Он уже допивал свой кофе, когда по дому разнесся мелодичный звонок. Кто бы это мог быть? Лиза? Тогда почему не предупредила? Влад прошел в прихожую и глянул на экран: перед калиткой стояла незнакомая женщина.

— Слушаю вас...

— Это почтальон. Получите заказное письмо, — недовольно буркнула женщина.

— Хорошо. Бросайте в ящик, я потом заберу.

— Расписаться надо.

— Понятно. Сейчас выйду.

Почтальон, не глядя на Влада, подсунула ему на подпись уведомление.

— Фамилию с расшифровкой, пожалуйста. Хозяйки нету что ли? Который раз приношу...

— В отъезде, — кивнул Влад, возвращая листок.

— До свидания.

Закрыв калитку, он глянул на плотный конверт, адресованный некой Плещеевой Е.В. Ну вот, теперь он хотя бы знает фамилию хозяйки. В графе отправитель стоял блеклый штамп.

Вторая попытка заняться работой закончилась довольно быстро — позвонил сыщик.

— Здравствуйте. Это Потапов беспокоит.

Влад не сразу понял, кто такой Потапов. Из головы напрочь выскочило, что он озадачил сыщика своим делом. Кошмар какой-то. Из-за так называемых мук творчества он стал слабо соображать.

— Егор! — воскликнул он спустя мгновение. — Рад вас слышать. Есть новости?

— Новости есть. Не знаю, насколько они вас обрадуют. Где мы можем встретиться?

Владу стало не по себе. Неприятный холодок пробежал вдоль спины. Если речь шла о романе Насти, то это не повод так волноваться, — разозлился он на себя.

— Егор, я так понимаю, что вы определили характер отношений Насти с тем мужчиной. Тогда разговор короткий — да или нет. А деньги я вам передам, когда буду в городе...

— Владислав Петрович... э-э... как бы вам сказать... короче, наш с вами интерес перешел несколько в другую плоскость...

— Егор, не томите. Если это стоит больше, чем мы с вами договаривались, то я не против. Истина, как говорится, дороже.

— Гонорар здесь не играет роли. Не о том сейчас речь. Просто скажите, когда вам удобнее встретиться. Если вам некогда сейчас, то я могу в любое удобное время подъехать в «Заречный», там, в центре, есть маленькое кафе «Лисичка». Я не задержу вас, только передам отчет.

При упоминании «Заречного» у Влада окончательно испортилось настроение. Он-то, наивный, думал, что хотя бы здесь его никто не найдет. Ни одна живая душа не видела его в этом поселке. Кроме разве что почтальонши.

— Что ж, раз вы так хорошо осведомлены о моем местопребывании, то, пожалуй, нам лучше встретиться как можно скорее, — решительно сказал Влад.

— Вот и славно. Я как раз на полпути к поселку. До встречи.

Влад с досадой отшвырнул мобильник. Сбежав по ступенькам на первый этаж, он в замешательстве остановился посреди гостиной — неожиданно он понял, что этот дом ему очень нравится, что он просто идеально подходит для работы. И если случится непоправимое, и он лишится своей квартиры из-за провального сценария или еще по какой причине, то придется уповать на то, что хозяйка дома еще долгое время не появится здесь, и у него будет возможность хотя бы снимать его как временное пристанище. Как же все испортил этот Потапов! Оставалось уповать на то, что сыщик Егор Потапов — крутой перец, который видит сквозь время, как Мессинг, и для него не секрет, где в данный момент находится его клиент.

«Лисичку» Влад нашел без особого труда. Действительно, в «Заречном» было некое подобие центра, где сосредоточились немногочисленные магазинчики, деревянная церквушка, медпункт и кафе. Притормозив неподалеку, Влад решил подождать Потапова в машине, наблюдая за сонно снующими туда-сюда жителями поселка. Почему-то на ум пришли слова Пушкина про унылую пору. Вот уже действительно унылая пора — это февраль. Особенно такой как в этом году — все время пасмурный. От такой погоды веяло тоской и безысходностью. Но, судя по всему, весна, лето и ранняя осень в «Заречном» вполне могут быть очаровательными — кругом было много деревьев, а с пригорка виднелась река, пока еще скованная серым бугристым льдом.

Не отводя взгляда от входа в «Лисичку», он попытался мысленно продолжить работу над сценарием. Самое главное в этом деле было аргументировать поступки героини теми самыми флэшбэками. Вот она, еще подросток, с

книгой в руках сидит в углу большого дивана в кабинете отца, когда тот ведет деловые разговоры своим своим разорителем, а в другой момент в ее памяти всплывает эпизод счастливых семейных праздников. Она вспоминает это, глядя на счастливые лица семьи своего врага — его жены и дочери. Она непременно должна всю эту идиллию разрушить, как когда-то разрушено было счастье ее отца...

Стук в стекло дверцы заставил Влада вздрогнуть. Возле машины стоял Потапов. Подошел сзади, незаметно.

— Еще раз здравствуйте, — улыбаясь во весь рот, произнес сыщик и кивнул в сторону кафе. — Зайдем на минутку? Там весьма приличная пицца. И кофе неплох.

Влад нехотя выбрался из машины и подозрительно покосился на Егора.

— Очень не хочется мне светиться здесь, но, похоже, я везде под колпаком.

— А что, есть причины скрываться? — спросил Потапов, направляясь за вожденной пиццей.

— Чисто творческие...

— Одолевают, злодеи, — обернулся он, игриво дернув бровями.

Сделав заказ, Потапов посмотрел на сценариста, настороженно смотревшего на него из-под нахмуренных бровей.

— Владислав Петрович, я передам вам список маршрутов, по которым следовала ваша знакомая со своим приятелем в последние дни. Думаю, что вам это будет интересно...

— Егор, вы что-то пугаете. Мне безразлично, где бывает эта женщина...

— А я не думаю так. Посмотрите внимательно и, скорее всего, вы сделаете некие выводы и, вполне возможно, что вся ситуация станет для вас понятна, — с этими словами, сыщик вытащил из внутреннего кармана сложенный листок и передал его Владу. — Насчет того, состоит ли девушка в любовной связи с кем-либо, то могу вам с уверенностью сказать, что это маловероятно.

— Почему? — оторвал взгляд от бумаги Влад. — Мне казалось, что она ушла от меня как раз по этой причине.

— Еще раз повторю — маловероятно. У вас с ней проблемы, скорее всего, другого характера — недоверие друг к другу. Вы смотрите на адреса, смотрите. Ничего странного не находите? Там и место, и время...

Влад покорно уткнулся носом в листок. Ну да, места все ему знакомые, время... а что, собственно, может сказать время? Он беспомощно посмотрел на Егора, уже предчувствуя какой-то подвох.

— Откуда, вы думаете, я узнал, что вчера вы переехали в «Заречный»? И даже адрес точный могу назвать.

— Вы хотите сказать, что Настя... — Влад внимательно глянул на последний адрес и время и ошеломленно развел руками. — Она что, все это время следила за мной?! Ну да! Это же очевидно! Вот бассейн, вот мой дом, когда я вернулся... — тут он запнулся. Адрес Лизы тоже фигурировал в перечне, как и адрес дома в «Заречном».

— Именно так, — Егор с аппетитом принялся за горячую пиццу, кивком головы приглашая Влада последовать его примеру. — Вкусно. Не пожалеете. Или у вас в том доме повараха имеется?

— Нет там никакой поварахи... Думал поработать в тишине и одиночестве. — Влад надкусил аппетитный с виду треугольник, пожевал без всякого энтузиазма и запил глотком горького кофе. — Если честно, кусок в горло не лезет.

— Извините, я не психолог по межличностным отношениям, но мне кажется, что вам надо поговорить с вашей девушкой и расставить все точки над «и». Она всегда возвращалась домой одна, никаких объятий, поцелуев с тем мужчиной, что составлял ей компанию, даже чисто дружеских, не было. Признаюсь, мне было странно, что она следовала за вами по пятам. Впечатление, что она хотела выяснить для себя нечто очень важное. Не знаю, удалось ей это или нет, — двусмысленно, как показалось Владу, произнес последние слова сыщик.

Для Влада это было открытием, которое ставило все с ног на голову. Настя, Настя, ну почему ты это делала? — задавался он вопросом, ответ на который, боялся он, может перевернуть все его представления о женщинах.

— Владислав Петрович, вас устроил такой результат? Или будем копать глубже? — весело блеснув глазами, спросил сыщик.

Чему он радовался — неизвестно. Влад решил это не принимать на свой счет. В конце концов, Егор просто человек, и у него вполне могут быть свои причины для веселья.

— Глубже? Нет, глубже не стоит, — задумчиво отозвался Влад, стараясь придать своему голосу нотку безразличия. — Вы отлично поработали. Оперативно. И результат меня устраивает.

Потапов жестом подвел черту его высказыванию.

— Что ж, тогда разрешите откланяться, — встал он из-за стола, — время поджидает. Вот с вами хоть позавтракал. Если что — обращайтесь.

Распровавшись с сыщиком, Влад медленно побрел в сторону автомобиля. Никакого смысла от кого-то скрываться не было. Кому надо — достанут. Вот, к примеру, Насте даже не понадобился детектив для этого. Она в два счета вычислила, что он встречается с Лизой, и теперь даже в курсе его нового адреса. А он, как идиот последний, нанимал Потапова, чтобы выяснить ее амурные дела. Да уж, облажался он по полной программе,

ничего другого и не скажешь. Он представил, как нелепо выглядел в глазах Егора, когда тот вслед за Настей увидел все его встречи с Лизой. Хотя, Потапову вряд ли это все интересно. У него работа, и ситуации бывают разные, намного интереснее шашней с бабами некоего Семенова.

Влад плюнул от досады и сел в машину. Что ни день, то все радостнее и радостнее! Ели вдруг случится встретиться с Настей, то им и говорить будет не о чем. Она, во всяком случае, не захочет. Влад повернул ключ зажигания и усмехнулся внезапно пришедшей на ум мысли, что он, оказывается, редкостный эгоист и собственник: обнимая Лизу, ему хотелось непременно сохранить добрые отношения с Настей. Что ж, Потапов поработал на славу, показав ему самого себя со стороны.

Он вел машину нервно, рывками, злясь на себя, на узкие улочки, на медлительных пешеходов, которые выходили на дорогу даже не удосужившись бросить взгляд ни налево, ни направо.

Дождавшись, когда неповоротливые ворота наконец закроются, Влад вошел в дом, швырнув ботинки с носками, который куда, и смачно шлепая босыми ногами поднялся на второй этаж. Раздражение с каждой минутой все росло и росло. И чем больше он злился, тем меньше понимал, почему. Он знал свою натуру — если возникало беспричинное раздражение, то жди неожиданностей. Еще ничего не случилось, еще мозг не успел обработать информацию, а подсознание уже подкидывало алгоритм поведения. И сейчас ему больше всего хотелось перебить всю посуду, какая попадет под руку. Хорошо еще, что он не в своем доме, а не то было бы шуму...

Растянувшись поперек кровати, Влад закрыл глаза и попытался «причесать» свои эмоции. Постепенно место злости вытеснила тревога. Он резко сел и уставился на стену, где висела картина с морским пейзажем. Волны, брызги... Настя следила за ним, чтобы узнать, кто ее соперница? Да еще в паре с каким-то мужиком? Нет, что-то здесь не так. Здесь совсем другой мотив. Почему-то именно сейчас, когда он допустил вариант, что Настю интересовала вовсе не соперница, его подсознание, наконец, дало отмашку, и он перестал злиться. В голове, словно заевшая пластинка, теперь крутилась одна и та же мысль — что же хотела узнать Настя? Кто этот мужчина? Вот зря он не дал Потапову задания узнать про того типа, кто он и что. Хотел выглядеть в глазах Потапова интеллигентно, а получилось — хуже не придумаешь. Чистый лох!

Покосившись на рабочий стол, он тут же отвел взгляд. Ноутбук, не дождавшись своего хозяина, давно уснул.

— Спи спокойно, дорогой товарищ, не до тебя мне, — махнув рукой в сторону серебристого Эппла, со вздохом произнес Влад.

Он спустился вниз, налил в стакан апельсинового сока и подошел к окну. Мучительно пытаясь вспомнить детали последних разговоров с Настей, Влад искал зацепку, когда и где их отношения дали трещину и по какой причине. То, что между ними не было громких скандалов и сцен ревности — было неудивительно. То есть, ему казалось, что это совсем неудивительно, потому что у Насти был золотой характер. Она была идеальная муза, однажды, в один из дождливых осенних вечеров, примчавшаяся на своем Пегасе — так он называл ее автомобиль — к нему домой, где он милостиво позволил ей взять интервью. А через неделю Настя уже была принята в «штат на постоянную работу» — переселилась к нему жить. Но если серьезно, то в те времена Влад был бесконечно ей благодарен за ту мягкую атмосферу уюта и неназойливой заботы, что царил у них дома.

Если бы ему сказали, что за ним следила Глафира — другое дело, но Настя... В это сложно поверить и это настораживает — уж слишком легко она ушла от него. Легко пришла, легко ушла. Ретивый Пегас унес его музу в мгновение ока, и это ее право. Но сейчас вдруг оказывается, что далеко не все так возвышенно и романтично. И что муза на самом-то деле вовсе ею и не была.

Конечно, ему бы очень хотелось, чтобы вакансию заняла Лиза. Но здесь, он это отчетливо понимал, все намного сложнее. Лиза, даже когда была рядом с ним, всегда находилась в зоне недосягаемости, словно инопланетянка. Между ними, он это чувствовал, все время был незримый барьер. И это безумно будоражило его воображение, обостряло чувства, порождало уйму всевозможных вариантов дальнейшего развития их отношений. Но работать при таком раскладе он не мог. Чертовы бабы! Все беды от них — тут Лева был прав на тыщу процентов.

Поднявшись на второй этаж и ополоснув лицо холодной водой, Влад вернулся к рабочему столу. Пробежав бессмысленным взглядом по своим наброскам, он не стал, как бывало это раньше, анализировать или что-то там исправлять. Он просто продолжил нарезать сцены, из которых впоследствии, если повезет, худо-бедно соберет примитивную киношку. Именно об этом его якобы и просил заказчик. Никто о шедевре и не заикался на его счастье. Или на несчастье? Противный влажный холодок закрутился смерчем где-то в районе солнечного сплетения. Влад глубоко задыхался, сердце подсказывало — к несчастью все это.

Было довольно поздно, когда приехала Лиза. За весь день она ни разу не позвонила, и потому ее приезд сейчас был для Влада неожиданностью.

— Ты? — удивленно спросил он, открыв дверь.

— Я нарушила твои планы на вечер? — с иронией произнесла она, расстегивая пуговицы на сером буклированном пальто.

— Лиза, какие планы? — он едва успел подхватить соскользнувшее с ее плеч пальто, привлек девушку к себе и буркнул ей куда-то в макушку: — Ты мой самый главный план, генеральный, можно сказать.

— Э, нет, мы так не договаривались, — помахала она пальцем у него перед носом. — Хочу услышать отчет о работе. Как оно, на новом-то месте? Смысл был?

— В чем? В переезде?

— Ну а в чем же еще, — кивнула Лиза и передала ему пакет. — Неси на кухню, там немного еды, в ресторане заказала. Самой готовить некогда было, уж извини. А я разожгу камин. Сегодня промозглая погода...

— Бог мой, я бы все заказал сам. Почему ты не предупредила, что заедешь?

— Да как-то спонтанно вышло, я не собиралась тебе мешать, а потом вдруг подумала, что надо поведать писателя, узнать, как прошел день, как спалось ночью.

— Все нормально. Даже удалось немного поработать над сюжетом.

Влад, конечно же, не мог рассказать ей, что его местонахождение вовсе не секрет для других и что, скорее всего, переезд мало что даст ему в плане надежного укрытия. Но ему сейчас нравился этот дом и эта атмосфера позднего, неожиданного свидания с ней. Он накрывал на стол, украдкой улыбался и все никак не мог подыскать подходящую тему для разговора, чтобы не выдать своего ликования от радости встречи.

— Работа не стояла на месте? Так это же отличная новость, — Лиза присела на краешек стула. — Мне кажется, что дальше будет еще лучше. Просто к дому надо привыкнуть...

— Ты знаешь, — Влад открыл вино и поставил на стол бокалы, — у твоей подруги просто потрясающий дом, — с этими словами он вскинул руки и обвел взглядом пространство перед собой. — Привыкнуть к нему не сложно, труднее будет отвыкать.

Лиза засмеялась и прикрыла рукой свой бокал.

— Я за рулем, извини. Поддержу тебя с удовольствием минералкой. Там в холодильнике должна быть.

Ее слова обдали ледяным душем. Такого поворота событий он никак не ожидал.

— Минералкой? Жаль... очень жаль, — с мягким укором произнес он. — Вот всегда вы, девушки, так: обнадежите — и тут же на попятную. Не успел человек обрадоваться, как уже печалиться время подступило, — Влад почесал переносицу, пытаясь скрыть свое разочарование.

— Влад, ты себе представить не можешь, как мне это самой не нравится... — Лиза протянула руку через стол. — Ну, не злись, пожалуйста. У меня завтра трудный день, вставать придется рано...

Он накрыл ее ладонь своей рукой и с недоверием покачал головой.

— Что ж мне остается делать. Раз говоришь, что так надо — значит, надо. Глупо с моей стороны было надеяться, что ты будешь коротать свое время здесь, со сценаристом в изгнании.

— В изгнании? — она вскинула удивленный взгляд. — Скорее, ты здесь в добровольном заточении. И если что-то не так...

— Все так, Лиза. Или почти так. Я еще не успел насладиться этим заточением. Поверь. Только бы хозяйка подольше не приезжала. Да, кстати! — Влад кивнул в сторону прихожей, — там, на тумбочке у двери, лежит письмо. Как я понял, адресовано хозяйке. Ее фамилия Плещеева, так?

— Да. Я уже забрала его. В почтовом ящике лежало?

— Нет. Приходила почтальонша, вручила мне, как единственному жильцу.

— Ну что ж, — Лиза подняла бокал с водой, — я рада, что тебе здесь нравится. Надеюсь, что твоя будущая мелодрама будет иметь успех.

Влад едва заметно скривился и тихо сказал, глядя ей в глаза:

— Давай выпьем за тебя.

После ужина они расположились на диване у камина. Лиза взяла с собой чай и не спеша, по глоточку, отпивала из широкой китайской фарфоровой чашки. Это была уловка чистой воды, она просто связала ему руки этой дурацкой чашкой, и теперь он должен был довольствоваться светской беседой у огня.

— Как у тебя прошел день? — спросил он, перейдя в кресло. Было глупо сидеть с ней на одном диване и разговаривать вполборота.

Лиза сидела, прикрыв глаза, наслаждаясь теплом от камина.

— День? — она медленно приподняла веки, и огонь тотчас отразился в ее зрачках. — Наверное, нормально. Без происшествий.

— Без происшествий — это хорошо. Скажи, в твоей жизни бывают праздники?

Она опустила чашку на колени и склонила голову набок.

— Странный вопрос. Что ты имеешь в виду?

— Ничего особенного, — пожал он плечами. — Ты красивая, умная женщина...

Он замолчал, не зная как продолжить мысль.

— Спасибо за комплимент. По-твоему, этого достаточно, чтобы жизнь казалась праздником? — она

нахмурила лоб и внимательно посмотрела на Влада, как будто пытаясь разгадать подтекст в его вопросе.

Он поднялся, подошел к камину и поворошил угли кочергой.

— Да нет, я вовсе не это имел в виду, — не оборачиваясь, сказал он. — Такой жизни, наверное, и не бывает...

Ты для меня много значишь, Лиза, — вдруг невпопад произнес он и почувствовал, как у него перехватило дух.

Она молчала, и ему поневоле пришлось обернуться. Лиза заворуженно смотрела в чашку, словно это был волшебный Грааль, внезапно попавший ей в руки. Влад подошел и опустился на пол, положив голову ей на колени.

— Я очень хочу, чтобы ты почувствовала вкус к жизни, чтобы у тебя были хотя бы иногда праздники. Давай уедем отсюда?

Лиза ойкнула, пролив чай. Влад взял из ее рук чашку.

— Уедем далеко, в другой город, в другую страну, если хочешь. Вот только развяжусь с этим дурацким сценарием — и я свободен.

— Но я не свободна, Влад, — перебила его Лиза. — Я же просила тебя...

— Да, да, ты просила не касаться темы твоего сына. А это, я понимаю, главное препятствие, чтобы нам не быть вместе. Но все это выдумка!

Лиза оттолкнула его и поднялась с дивана.

— Какая выдумка! — в тон Владу крикнула она. — Что ты понимаешь в этой жизни? В моей жизни? Я, по-твоему, все вру?!

— Ты не так меня поняла, — Влад приложил руки к груди и с мольбой посмотрел на нее. — Я хотел сказать, что ребенок — больной ли, здоровый — не может быть препятствием для взрослых людей. Он будет жить с нами, мы будем заботиться о нем, лечить его...

Лиза на мгновение застыла на месте. Он заметил выражение ее лица — растерянное и несчастное, — но ни на одно мгновение не пожалел о начале разговора.

— Прости меня, Лиза. Прости, хотя я ни в чем не виноват, — с этими словами он обнял ее, почувствовав, как она дрожит всем телом. — Ты совсем замерзла... и чай твой холодный, — прошептал он ей на ухо, покрывая поцелуями шею, волосы, лоб.

— Зачем тебе все это, Влад... — простонала она, безвольно отдавшись во власть его рук. — Это все неправильно...

— А как правильно? Ты мне скажи, ты же умная! — он сжал ладонями ее лицо и смотрел некоторое время в глаза в надежде найти там ответ.

В эту ночь он не спал, нежно держа ее в объятиях и не выпуская ни на мгновение, боясь, что она ускользнет, растворится, как дивный сон перед рассветом. Ее шелковистые волосы щекотали ему нос, и тихое, ровное дыхание, словно незримый метроном, отсчитывающий счастливые мгновения этой ночи, создавало в душе ощущение горького умиротворения.

На следующий день около полудня, когда он вышел на улицу, чтобы пройтись до ближайшего магазина и немного размять затекшие от долгого сидения за компьютером мышцы, его окликнули:

— Молодой человек!

Пожилый мужчина с тростью помахал рукой. Влад остановился.

— Добрый день, — чуть запыхавшись, проговорил тот, поравнявшись с Владом.

— Здравствуйте...

— Меня зовут Семен Семенович. Фамилия Герасимов.

— Очень приятно. Владислав Семенов, — нехотя ответил Влад, пожимая протянутую руку.

Мужчина рассмеялся.

— Это ж надо, сколько Семенов собралось в одном месте!

— Да... действительно...

— Вы меня извините за любопытство, — проговорил он, продолжив путь рядом с Владом, — но хотел бы спросить, как там поживает Катенька? Вы вроде бы у нее в гостях?

— Катенька? — Влад приостановился, вспоминая имя на конверте. Там стояли инициалы Е.В. Действительно, это ведь Екатерина. — Плещеева Екатерина?

— Она самая, — нетерпеливо подтвердил Герасимов.

— К сожалению, я с ней не знаком, — развел руками Влад. — Меня пригласила сюда пожить ее подруга. Лиза. А самой хозяйки нет. Вроде как за границей. Но Лиза все с ней согласовала, так что не волнуйтесь. Решил вот поработать вдали от городской суеты.

Влад почувствовал себя неловко. Он гостил в доме, хозяйка которого о нем и знать ничего не знает. Все это выглядело довольно странно, и только сейчас он понял, насколько это в действительности некомфортно.

— Лиза... — пробормотал себе под нос мужчина. — А фамилию не подскажете?

Влад мысленно чертыхнулся: ему и в голову не приходило спросить у Лизы фамилию.

— Сивцова, — ляпнул он первую, пришедшую на ум фамилию. Такая была у кого-то из сокурсников по институту. Не говорить же, в самом деле, что он не знает даже фамилии человека, пустившего его погостить в чужой дом.

— Нет, не припомню, — помотал головой Семен Семенович. — Ну да это и неважно. Я давно Катеньку не видел, вот, собственно, и хотел спросить. А мы с ее отцом были дружны. Долгие годы. Человек был замечательный — сильный, красивый, умный. Вот только судьба у него тяжелая — рано стал вдовцом с дочкой на руках... Извините, вам это, наверное, неинтересно. А я как увидел, что кто-то в доме есть, так воспоминания накрыли. Даже не предполагал, что Катя за границу могла уехать.

Мужчина остановился, решив, очевидно, больше не докучать своими разговорами.

— Ну что ж, приятно было познакомиться, Владислав, — он с улыбкой протянул руку. — И еще. Если будет настроение, заходите в гости. Дом с синей крышей, второй от Плещеевых.

Попрощавшись с новым знакомым, Влад ускорил шаг. Первым делом, решил он, надо будет позвонить сегодня Лизе и спросить ее фамилию, чтобы еще раз не попасть в подобную ситуацию. Хорошо просто сосед. А если полиция? Вспомнив про недавний допрос, он с тревогой подумал, что его отъезд из города может не понравиться майору. Хотя, никакой подписки с него не брали, но если вдруг случится разговор, то объяснить, почему он уехал из города, получится с большой натяжкой...

Лиза уехала в это утро очень рано, отказавшись от завтрака. Она была сосредоточена на каких-то своих мыслях и говорила с ним убийственно спокойным голосом. Этот тон, к которому он никак не мог привыкнуть, больше всего утомлял его, почти как физический труд. Влад мучительно пытался понять подоплеку этой отстраненности, обычно возникавшей у нее внезапно. Хотя это было лишь его мнение, что внезапно. Лиза вполне могла себя корить за вчерашнюю слабость, за то, что утро ей приходится начинать не так, как она планировала. Садясь в машину, она позволила ему лишь на мгновение прикоснуться рукой к своему плечу, незаметно увернувшись от поцелуя.

Подождав, пока закроются ворота, он вернулся в дом и, выпив почти остывший кофе, от которого отказалась Лиза, мысленно приказал себе включить «эгоиста». Он принял бодрящий душ и занялся работой. За те три часа, что он сидел за столом, его мысли ни разу не вернулись к Лизе. В конце концов, решил он, у каждой женщины, как и у мужчины, в вопросах взаимоотношений с противоположным полом есть своя манера, своя тактика. И трудно сказать, насколько плоха или хороша тактика Лизы. Во всяком случае, не подлежит никакому сомнению, что она умеет держать его на опасном пике чувственности. Как долго сможет он выдержать — неизвестно. Загадывать наперед не хотелось. Жизнь слишком коротка и непредсказуема.

Бегло пробежав глазами написанное, Влад понял, что в образ своей героини он невольно закладывает черты Лизы. Наверное, это и помогало ему не отвлекаться от работы. Отодвинув в сторону мысли о самой Лизе, он выложил эмоционально на своей героине, старательно и, увы, безуспешно не отождествляя ее с прототипом. Но это был своего рода выход из творческого тупика. Осталось «оживить» героя, который пока еще выглядел весьма схематично, без души, без изюминки...

Влад вышел из магазина и, сделав несколько шагов, решительно повернул в сторону «Лисички». Возвращаться в дом ему пока не хотелось. Праздно валяться на диване в чужом жилище занятие довольно скучное, а за работу садиться желание пропало. Намного интереснее, прикинул он, будет пожевать пиццу, так разрекламированную сыщиком. Устроившись недалеко от входа, он сделал заказ, добавив к пицце чашку куриного бульона. Несколько раз он порывался позвонить Лизе, но рука безвольно опускалась при мысли, что сейчас он услышит предельно вежливое «алло», после которого рассказывать о своих делах и встрече со стариком Герасимовым было бы несколько странным.

— Ух ты! Петрович, не ожидал вас здесь увидеть, — услышал он со спины. — Не оборачивайтесь.

— Серж? Откуда ты взялся, болезный? — удивился Влад, вполоборота глянув на присевшего рядом журналиста, лицо которого скрывал глубоко, до глаз, натянутый капюшон.

Петросян нагнулся и занялся своими шнурками на кроссовках.

— Сидите ровно, — прошептал он.

Спустя минуту парень выпрямился и сбросил с головы капюшон.

— Здравсти, — кивнул он Владу.

— Здравсти, здравсти, — недоуменно протянул Влад. — От кого скрываемся?

— Да как бы намерений таких не было...

— А чего под столом ползал?

— Пытался оценить ситуацию, — нахмурившись, ответил Серж и нервно забарабанил пальцами по столу.

— И как? — Влад невольно начал оглядываться.

— Габелла, вот как...

— Это кто?

— Никто. Это лажа полная.

— Ага, въехал. А чего вдруг? — Влад засмеялся, но, глянув на сердитое лицо Петросяна, смолк. — У тебя проблемы?

— Ой, Владислав Петрович, — Серж откинулся на спинку стула и закатил глаза, — если бы у меня. Похоже, что у нас обоих. Видели, кто сейчас выходил на улицу?

— Нет, я не смотрел, ты же тут под ногами возился.

Официант принес заказ.

— Присоединяйся, — предложил Влад.

— Спасибо, — вяло отозвался журналист и взял кусок пиццы. — Я-то обрадовался, что попал на след этого уroda.

— Которого конкретно?

— Того, что меня вырубил возле лифта. Вкусно...

Влад отодвинул чашку с бульоном и уставился на парня.

— Ты это серьезно?

— А вы как думали? Похож я на беззаботного мотылька?

— Не похож. Особенно сегодня. Ну-ка, рассказывай по порядку.

Серж кивнул и постучал пальцем по губам — мол, сейчас прожую.

Влад налил в стакан минералки и придвинул ему.

— Вы тоже не оставляйте еду без внимания. Голодом делу не поможешь, — проглотив, сказал Петросян. — Короче, я этого чувака чисто случайно заметил возле магазина оргтехники.

— Покупал что?

— Он? Нет. Я присматривал себе сканер. А когда вышел, то услышал голос, от которого меня чуть не стошнило. Я его запомнил на всю жизнь! Он стоял на крыльце и разговаривал по телефону.

— Короче, он теперь за тобой следит?

— Скорее, он за вами следит. Как я сейчас понял.

Влад едва не подавился.

— Откуда такие выводы? — упавшим голосом спросил он.

— Во-о-т, — удовлетворенно протянул Серж, — теперь вижу, что мои умозаключения вас насторожили. Значит, не зря я за ним следил битых два дня.

— Как он выглядит? — перебил его Влад.

— Высокий такой хмырь. Худощавый. Ну, что еще сказать... противный до невозможности.

— Цвет глаз, волос...

— Про глаза ничего не скажу, потому как встречаться с ним взглядом мне не хотелось. Да и надобности такой не было. Я узнал его по голосу, мне этого достаточно было. Волосы светлые. Скорее даже белые, как у альбиноса. Так что глаза могут быть красные, — подвел итог Петросян и скорчил комическую гримасу. — Шутка.

— В каком смысле? Зачем мне сейчас твои шутки?

— Ну что вы сразу... Я про красные глаза. Нет, не альбинос он. Возможно, что волосы красит. Но кожа нормальная, и брови тоже есть...

— Такой высокий худощавый блондин, — пробормотал Влад и тут же быстро добавил: — Знаю я его. Точнее, помню! Он появился как раз в тот день, когда моя жизнь превратилась в кошмар.

Мгновение Серж смотрел на Влада, нахмурив брови. Затем бросил долгий внимательный взгляд в сторону выхода.

— Это как? Когда умер ваш продюсер? — зловеще прошептал Серж, сверкнув горящими от любопытства глазами на Влада.

— Нет, не тогда. Раньше, — коротко отозвался Влад и налил себе в стакан воды. — Но я тогда не придавал этому значения.

Серж с интересом смотрел на Влада, обдумывая при этом какую-то свою идею.

— Держись от него подальше. Благо теперь ты знаешь, как он выглядит. Надеюсь, объяснять не надо в сто первый раз, что это опасный человек? — погрозил пальцем Влад. — Молодой еще, хватит с тебя одного раза...

— Послушайте, Петрович! — отмахнулся тот от Влада, как от назойливой мухи. — Вы мне зубы не заговаривайте. Я, между прочим, совершеннолетний. Так вот, вы же не хотите, чтобы этот подонок разгуливал рядом с вами, когда ему вздумается?

Серж взял кусок пиццы и протянул Владу:

— На воду садиться не стоит. Вот, возьмите и доешьте свой бульон.

Влад машинально взял из его рук пиццу и кивнул.

— Где ему разгуливать, не нам с тобой решать. Вопрос здесь в другом: что ему от меня нужно? И, кстати,

почему ты решил, что он за мной следит?

Журналист поднял вверх палец:

— Один момент! Возьму себе чашку чая. — С этими словами он вскочил со стула и помчался в сторону барной стойки.

Блондин, противная физиономия. Никаких других ассоциаций пока у Влада не возникало. К сожалению, он был сильно пьян в тот вечер, и все его воспоминания сводились больше к ощущениям. Лица конкретно не помнил, но то, что тип был мерзким, как теперь выяснилось, ему не показалось. Журналист подтвердил, что хмырь произвел на него отталкивающее впечатление. Хотя, что ж тут удивительного? Сержу он едва не оторвал голову, а ему испортил и без того нерадостный день рождения. Но зачем? В чем заключалась задача блондина? Перевернул стол — это хулиганство. Но не больше того. А дальше что? В чем прикол? Вот если бы они девушку не поделили, то еще туда-сюда...

Петросян с чашкой дымящегося чая и тарелочкой с пирожным устроился на стуле напротив Влада.

— Итак, на чем мы остановились? На блондине. Когда я опознал его у магазина, то первым делом было желание врезать ему куском ржавой трубы, что валялась рядом с крыльцом.

Влад недоверчиво поморщился.

— Ну, это так... мелькнуло и погасло, — согласно кивнул Серж. — Мысли одни, а действия другие. Мое тело поступило благоразумнее — я в одно мгновение заскочил обратно в магазин, пока он стоял спиной ко мне и продолжал разговаривать по телефону.

— Одобряю...

— Но уйти просто так я тоже не мог. Когда бы еще такой случай представился? А я, знаете, не привык оставлять последнее слово за обидчиком. Короче, решил проследить за этим подлецом, чтобы иметь хоть какое представление о том, в каком огороде водятся такие козлы.

Влад промолчал, но не согласиться с доводами молодого человека он не мог.

— У тебя есть машина? — поинтересовался он у журналиста.

— Есть. Само собой. А почему вы спрашиваете?

— Не знаю. Просто подумал, как ты мог следить за кем-то без своего транспорта.

— Машина есть, — пожал плечами Серж, — но не в этом дело. Я тогда был без машины как раз. Как, кстати, и он. На мое счастье, он воспользовался общественным транспортом. В последний момент мне удалось заскочить в троллейбус в заднюю дверь. Вышел он возле павильона, где снимают фильмы. Ну, вы знаете, наверное...

Серж прервал рассказ, решив заняться вплотную пирожным. Пока он жмурился от удовольствия, Влад почувствовал, как его тело налилось свинцом. Вот он, первый элемент цепочки, которая может привести к разгадке убийства Павлова. Съемочная площадка, где работал режиссер, где бывал часто и он как сценарист, интересовала еще и блондина. Что ж, тогда его выходка в ресторане не была случайностью. Режиссер — павильон — сценарист — журналист.

— Люблю сладенькое, — облизав палец, произнес Серж. — Идем дальше.

— Что? — растерянно спросил Влад.

— Что дальше было, вам интересно? Или достаточно съемочной площадки?

— Интересно, Серж. Просто я пытаюсь анализировать параллельно...

— Анализировать потом будете. Вряд ли тут сходу что поймешь, — с умным видом поучительно сказал журналист. — Я возле кино вашего проторчал часа два, не меньше, пока он соизволил оттуда выйти. У него пропуск, сами понимаете, а я вынужден был околачиваться рядом.

— У него пропуск? — удивился Влад.

— А вас туда просто так пускают? Или хотите сказать, что и я мог бы следом за ним войти?

— Нет. Просто так не зайдешь, — согласился Влад. — Получается, что он имеет какое-то отношение к студии...

— Артист что ли?

— Нет, таких артистов страна не знает. Точно говорю. Оператор — нет, осветитель — нет. Рабочий... что-то мне подсказывает, что это не рабочий класс. Не тот типаж.

— Стопудово не тот. Ладно, проехали, — нетерпеливо отмахнулся Петросян. — Самое главное, что мои муки ожидания, в конце концов, закончились, и он вышел опять на остановку. Я не стал второй раз рисковать и взял такси, на котором по итогу выследил, где нора у этого хищника.

— Ты знаешь, где он живет?

— Ну да. Надеюсь, что знаю. Вряд ли блондинчик просто так оставался ночевать в этом доме. В частном доме, кстати. На Вокзальном переулке.

— Ну ты даешь... — восхищенно вскинул брови Влад. — Если бы я нанял тебя следить за деньгами, то не рассчитался бы, однозначно. Молодец!

— Вот и радуйтесь. Пока. — Петросян прищурил глаза и скрестил руки на груди. С видом босса он снисходительно посмотрел на Влада и продолжил: — На второй день я, ни свет ни заря, был уже возле его дома. Отсидел в засаде без малого час, ожидая, когда тот наконец выползет из своей норы. Выполз. Ну а дальше мы с ним поехали сюда.

Влад сделал неопределенный жест в сторону окна.

— В Заречный?

— Угу.

— Считаешь, не совпадение?

— Я его видел возле дома, из которого выходили вы, Владислав Петрович. Он сидел в своей машине. Черный «Фольксваген Поло». Когда вы остановились поговорить с дяденькой, тем, что с палочкой... ну вы поняли. Так вот тогда он поехал в сторону «Лисички». Я за ним. Он пробыл здесь недолго и вышел. А я решил зайти хлебнуть чаю какого. Когда вы сюда пришли, я сидел там, в самом углу, — кивнул головой Серж, — и тут он решил вернуться, но в вашу сторону не смотрел, боялся, подлец, что вы можете его узнать. Что-то там спросил у бармена и вышел. Ну вот, собственно, и все новости. Не ахти какие...

— Я бы сказал «ахти какие», — перебил его Влад. — Спасибо, дружище. Ты оказал мне неоценимую услугу.

— В отличие от вас...

— Э-э... прости, не понял...

— Я вам услугу оказал, а вы мне — нет. Помните про интервью?

— Злопамятным быть нехорошо, — небрежно бросил Влад и поднялся из-за стола. — Это было в целях твоей безопасности. Ты и так огреб по полной программе. Оно тебе надо? Особенно теперь?

— Особенно теперь — да, — злобно прошипел Серж. — Вот куда вы без меня?

— Парень, будь человеком, не лезь хотя бы ко мне в душу, — попросил Влад.

— Сдалась мне ваша душа. Со своей бы разобраться, — огрызнулся Серж. — Так, выходите первым вы. Я потом. Нельзя нам вместе светиться.

Влад неожиданно улыбнулся, чтобы немного разрядить обстановку. У Петросяна было симпатичное, с младенческой пухлостью лицо. Он выглядел столь безобидно и незащищено, что невольно вызвал у Влада отеческие чувства. Скорчив серьезную мину, он отчеканил:

— Понял, Джеймс.

— Для вас просто Бонд, — не моргнув глазом, тут же парировал Серж.

— Слушай, Бонд, обещаю, когда все закончится, я тебе дам шикарное интервью. Если, конечно, жив останусь. Могу даже написать за тебя.

— Да уж как-нибудь сами справимся...

Черный «Фольксваген» Влад заметил сразу. Машина стояла за углом кафе, как раз возле дороги, ведущей к дому Влада. Он прошел мимо быстрым шагом, не оборачиваясь в сторону автомобиля. Нервы были взвинчены, но при этом он не испытывал ни малейшего страха. «Похоже, втянулся» — усмехнувшись, подумал он. В конце концов, некоторые люди работают с риском для жизни. То есть, изо дня в день они на грани жизни и смерти. Как на войне. Влад попытался составить мысленно список таких профессий, но кроме как разведчик, воин, спасатель и циркач — ничего на ум не пришло. К какой категории отнести себя самого, он не знал. Разведчик из него никакой, и уж тем более не воин он. Спасать приходится только свою шкуру, так что в спасатели не запишешься. Циркач — это творческая профессия. Тут он пас, как говорится — из другой оперы...

Подойдя к дому, он вновь прибавил шаг — решил пройти дальше и посмотреть на дом, куда его приглашал новый знакомый. Действительно, метров через пятьдесят он увидел синюю черепичную крышу. Причудливые башенки с маленькими балкончиками по бокам трехэтажного дома невольно заставляли оглядываться проходивших мимо людей. Владу стало интересно, чем занимается хозяин столь экстравагантного строения, вызывающего, скорее, скепсис, нежели восхищение. Архитектура дома никак не вязалась с обликом Семена Герасимова — интеллигентного старика с тростью. Что ж, придется придумать безобидный повод и навестить дом с синей крышей. В его жизни в последнее время так мало впечатлений, что лишний раз поговорить с новым человеком, несомненно, пойдет на пользу. События с его друзьями и продюсером ему не хотелось брать в расчет, потому что это касалось и его лично. А все личное никогда не давало ему повода для творчества. Хотя у других писателей, он знал, повороты в личной жизни часто становились толчком к новым сюжетам.

Возвращаясь к своему дому, Влад не заметил за собой слежки и, с облегчением вздохнув, открыл калитку.

Вернувшись за рабочий стол, он первым делом просмотрел почту, пробежался по новостям, затем спустился вниз, чтобы разжечь камин. Объяснять самому себе, зачем ему сейчас понадобился камин, он не стал. Это было просто занятие, требовавшее каких-то физических действий, освобождавших голову от мучительных потуг перед пустым светом на мониторе. Провозившись довольно долго, ему удалось-таки добиться ровного горения, хотя вчера Лиза сделала это за пять минут. Скорее всего, ей не раз приходилось разжигать конкретно этот камин. Кто знает, не исключено, что она какое-то время жила в этом доме со своим ребенком, а потом ей пришлось переехать в город, чтобы быть поближе к клинике. Эту версию он придумал сидя у камина и глядя на веселые язычки пламени. Он сознательно затягивал момент, когда ему придется подняться на второй этаж и продолжить начатую утром работу. Если с утра он еще как-то смог поймать рабочую волну, то теперь он был просто уверен, что работа над образом героя-обидчика не сдвинется с мертвой точки. Возможно, ближе к ночи удастся написать хотя бы пару абзацев, а возможно и до утра ничего не выйдет — на этот счет у него никаких предположений не было. Это состояние слепого котенка, тыкающегося носом в разные углы, но так и не понимающего, где же тарелочка с молоком — его раздражало до крайней степени.

Он не заметил, как задремал под тихое потрескивание поленьев. Проснулся резко, будто от толчка. Разбудила мысль о блондине, следившем за ним. За окном начало смеркаться, и большая гостиная, погруженная в легкий полумрак из-за наглухо сомкнутых жалюзи, стала казаться наполненной тихими звуками и тенями. Некоторое время он, едва дыша, прислушивался, затем, протянув руку к торшеру, щелкнул выключателем. Мягкий теплый свет разлился неясным кругом, еще больше оттеняя черноту углов. Он никак не мог вспомнить, закрывал ли дверь в дом. Скорее всего, закрывал, и сомнение появилось от его неуверенности в себе, от того, что слишком много необъяснимого происходит сейчас вокруг его персоны, и воспаленный мозг вынужденно рождает мысли не только логичные, но и абсурдные. Влад резко поднялся, прошел к двери, по дороге включив большой верхний свет, дернул за ручку и с облегчением выдохнул.

Что могло послужить поводом для слежки за ним — задача из разряда неразрешимой для него. Блондин следит, Настя следит... Чем он провинился перед ними? Действий никаких, только слежка. Но слежка всегда подразумевает цель и смысл. Какой смысл следить за ним, когда его жизнь течет или, точнее, вовсе даже никуда не течет, а стоит на месте. Проснулся, поел, посидел за компьютером, поел, посидел... и так до бесконечности. Скукота! Если бы ему дали задание следить за подобным типом, он, однозначно, уснул бы прямо во время этой самой слежки. А если серьезно, то очевидным становится то, что укрыться от кого бы то ни было в этом доме, у него не получится.

Заварив в турке кофе, Влад неспешно подливал напиток в крошечную кофейную чашечку по мере того, как он ее выпивал. Не в его правилах было пить кофе из маленькой чашки, но сейчас он видел в этом ритуале особый смысл, помогающий ему занять руки и снять напряжение. Он непременно должен как-то ответить на слежку. Только чем? Мерзкий блондин не выходил у него из головы. Спасибо Петросяну, этот парень заслуживает того, чтобы стать надежным напарником в таком деле. Одна беда — слишком молод. Не мог он позволить себе

втягивать в свои передрыги Сержа. А без напарника трудно, так трудно, что хочется завывать от бессилия.

Последняя капля кофе была выпита, он сидел, не выпуская маленькую фарфоровую чашечку из рук, поглаживая пальцами ее края и ручку. Сейчас уже ничто не могло его заставить думать о сценарии. Он должен проследить за передвижением блондина... «Что? — воскликнул он тут же вслух. — Ты, Семенов, редкий идиот!» Влад поставил, наконец, чашечку на стол и поднялся. Действительно, более идиотской идеи ему в голову, наверное, еще никогда не приходило. Блондин перемещался след в след за ним. Только успевай оглядываться... Хм, с другой стороны, подумалось ему, это не так уж и плохо. Спасибо Сержу, теперь он знает машину мерзавца и у него появился шанс увидеть слезку издали.

Он подошел к роялю, провел ладонью по глянцевой поверхности и увидел темный след. Придется протереть пыль, домработница к дому не прилагалась. Интересно, кто-то из обитателей дома играл на рояле или покупка была сделана с целью сделать интерьер более гармоничным? Надо будет спросить у Лизы. Тут же вспомнилось сегодняшнее утро, ее суетливые сборы, сосредоточенное выражение лица и плохо скрытое раздражение. Не хватало лишь слов, чтобы он не искал больше встреч с ней. Возможно, что именно это она и хотела сказать, но как всегда тактично промолчала.

Влад присел на стул и открыл крышку. Нажав несколько клавиш, он долго слушал, как угасает звук, словно тихий стон в безмолвном пространстве. Мотнув головой, отгоняя внезапно нахлынувшую меланхолию, Влад захлопнул крышку рояля и вернулся на диван. Полистав контакты в телефоне и отыскав номер Пети Волкова, он нажал вызов. Пока шли гудки, Влад мучительно подбирал слова, чтобы его вопрос не вызвал у оператора никаких подозрений.

— Слушаю, Петрович, — раздался в трубке глухой голос Волкова.

— Здравствуй, Петя. Ты извини, случайно твой номер набрал. А когда понял, отбивать уже не стал. Так тому и быть, думаю, поговорю с Петром.

— Поговори, поговори, а то сейчас у меня такая житуха тоскливая, что, чувствую, Волкову скоро волком завывать придется, — мрачно пошутил оператор.

— Чего так? Ну, я понимаю, моя жизнь протекает в одиночестве, независимо от того, есть работа или нет. Иногда действительно бывает паршиво. А ты все-таки среди людей.

— Правда? А я еще сегодня подумал, как это люди по домам работают? Ни тебе поговорить, ни поругаться. Это я к тому, что дома нахожусь, Петрович. Сижу, как сыч, один в квартире. Жена обругала последними словами и ушла к матери.

— А что случилось? — удивился Влад. — Уволился что ли?

— Нет, куда мне... я на вольных хлебах работать не умею. Разве что свадьбы снимать. Кстати, довольно прибыльное дело, говорят.

— Думаю, да. Так что на студии?

— А ничего. Всех разогнали по домам на время. Идут всякие проверки, финансисты, следователи...

— Во как... Из-за Павлова вся кутерьма, я понимаю.

— А то.

— Странно, что работников не допрашивают, — задумчиво произнес Влад.

— Почему ж не допрашивают. Еще как трясли всех. Не по одному кругу некоторым пришлось разговаривать с ними. С одной стороны, устали все, и дома передохнуть не помешает. Но, с другой, хоть с кем-то новостями обменяться можно.

— Ну и какие последние новости?

— Знаешь, Петрович... считай, никаких. Переливают из пустого в порожнее.

— Да? И что, кто-то еще упоминал «голубую» версию?

— Про это... нет, уже прикусили языки. Все больше о какой-то болезни режиссера начали болтать. Вроде как что-то серьезное, от чего он лечился какими-то сильнодействующими лекарствами. Ну, я, если честно, такой вариант не исключаю.

— Правда? И что в пользу этого говорило?

— Э-э... как тебе сказать... вот раньше Павлов был как Павлов, ну, ты сам знаешь его характер, а потом с ним явно что-то случилось...

Наступила пауза. Волков, очевидно, пытался как-то аргументировать свои слова, но у него явно ничего не получалось.

— Так что стало не так? Побледнел, похудел, вялый... или что? — решил помочь Влад.

— Вот ни то, ни другое, ни третье...

Влад терпеливо ждал. Наконец Волков неуверенно сказал:

— Понимаешь, вид у него как раз не соответствовал, как говорится, диагнозу. Энергичный, веселый... не в меру веселый. Тьфу ты, ерунда получается. Теперь сам понимаю, что несуразица. Знаешь, пожалуй, возьму свои

слова обратно. Сказать можно про человека что угодно. Не знаю, короче, больной он или голубой... похоже, сплетни все. Когда такое случается с людьми уровня Павлова, то желтая пресса тут как тут. Наплетут такого, что от правды один пшик остается.

— Соглашусь, Петя, на все сто. Пока убийц не поймают, ни о какой правде речь идти не может. Во всяком случае, нам, простым смертным, ждать известий можно только от официальных лиц.

— Наверное, — со скукой в голосе отозвался Волков.

— Да, кстати, — решил сменить тему Влад, — вчера проезжал мимо студии, и мне на глаза попался какой-то незнакомый мужик. Прошел через проходную. Запросто так. Похоже, что пропуск имеет.

— Тебя это удивило? У нас народу знаешь сколько. Может, кто из органов, мать их...

— Может, спорить не стану. Меня несколько удивила внешность. В глаза бросается, запоминающаяся, в общем. Высокий такой мужик, худой, яркий блондин, и еще, Петя, противный он такой. Не могу сказать тебе, что именно мне не понравилось в нем, близко подходить не будешь, но, однозначно, неприятный. Даже на расстоянии заметно было. И явно не из ваших, я бы запомнил.

— А-а, ну, понял я, о ком ты говоришь. Действительно, тип не из приятных.

У Влада перехватило дыхание и вспотели ладони: неужели он подобрался вплотную к этому негодяю?

— Как звать, не скажу. Но сталкиваться приходилось. Появился совсем недавно. Каскадер. Так мне сказали наши. Кстати, должен был работать в фильме Павлова. На лице шрам от носа до губы, травма видать была, стянута кожа. Поэтому, наверное, такое выражение лица. Как по мне, так он противный и со шрамом и без него. Отталкивающий чел, однозначно.

— Спасибо, Петя, прояснил ситуацию, — скороговоркой ответил Влад и тут же, спохватившись, добавил: — А что жена сбежала то? Чем не угодил?

— О-о, это отдельная песня, писатель. Тут романы писать — не переписать. Им разве угодишь? Вот скажи мне как инженер человеческих душ тупому работяге, где мужик должен по большей части находиться — дома или на работе?

— Понимаю, к чему ты клонишь, — усмехнулся Влад. — Хочешь знать правду?

— Очень даже интересно! — встрепнулся Волков.

— Где-то между работой и домом.

— О как! А подробнее, — хихикнул оператор. — Неужели это то, о чем я думаю?

— Нет, это совсем не то. Я в философском смысле. Тут, собственно, все достаточно просто. У них, друг мой, голова устроена совсем не так, как нам кажется.

— Это и к бабке не ходи. Бардак полный...

— Не скажи. Вот где, к примеру, тебе бы хотелось видеть свою жену — дома или на работе?

— Понятное дело — дома. Все честно, просто и понятно. Я добываю мамонта, а она ждет со сковородкой.

— Ага, только это называется не просто и понятно, а примитивно и наивно. Еще скажи, что это их устраивает.

— Сидеть дома что ли? Черта с два. Есть у нее работа, нет ли у нее работы, она все время норовит пропарить мне мозг, как ей тяжело морально все время заниматься хозяйством с утра до ночи. Это если дома. А если она, не дай бог, ходит на работу, то стоит вой, что нормальные женщины занимаются домом, а не вкалывают где-то там...

— Ну вот, видишь, ты, собственно, дал ответ на свой вопрос. Когда ты пропал на работе, твоя Женя пилила тебя, что домой не появляешься, что она днями одна.

— Да-да! Что она типа как разведенка какая.

— А теперь ты дома. И что?

— Пилила, что с такой работой мы скоро по миру пойдём. Ты, говорит, бугай эдакий, диван смертельно травмируешь своим неподвижным телом, и что мог бы использовать момент и взять халтуру на это время. И что у нее телефон уже полгода как в полуобморочном состоянии, а ноги в старых сапогах чувствуют температуру асфальта не хуже метеостанции. Но ведь врет все! Ты-то мне хоть веришь, Петрович?

— Каждому слову.

— Спасибо, писатель. Я понял все. Теперь я скажу ей, что на полгода на съемку уезжаю. Кончилась лафа. Радуйтесь на пару с диваном. Посмотрим, как она запоет.

— Что ж, попробуй. Авось на какое-то время сработает. Потом все равно слова песни будут о том, что зря я тебя отговорила, но поезд, как говорится, уже ушел.

— Отличный вариант, писатель.

— Главное, Петр, чтобы она не выбрала командировку. Но ты, я думаю, маху не дашь. Поднимешься, наконец, с дивана и сделаешь пару завтраков в постель, к примеру. Ну и там десерт...

В трубке раздался такой заразительный смех, что Влад поневоле рассмеялся сам. Распровавшись с Волковым, он еще некоторое время сидел в состоянии приятного оцепенения от пустой болтовни с оператором. Между тем голова его даже во время разговора была занята решением дилеммы — стоит ли делать вылазку в студию ради

этого фальшивого каскадера. В итоге он подумал, что вряд ли это будет разумным. Каскадер фальшивый — это однозначно. Хотя не исключено, что он бывший спортсмен и кое-какими навыками в этом деле владеет. И потом, даже если ему удастся узнать имя и фамилию мерзавца, раскрыть смысл его слежки за ним это вряд ли поможет. А лишний раз «светиться» перед посторонними ему не стоит. Еще никто не знает, каким боком вылезет это его любопытство в будущем.

Остаток вечера он промучился в своем кабинете. В результате адских мыслительных потуг родился еще один абзац, в котором он попытался создать окружение главной героини, ее друзей, родителей, завистников и недоброжелателей. Еще никогда работа не вызывала у него такого тошнотворного чувства отторжения. Владу всегда казалось, что за деньги можно создать какой угодно ширпотреб, и уж тем более — за большие деньги. Он чувствовал, как буквально теряет жизненную энергию, едва только садился работать над этим сценарием. Это было в чистом виде проклятье, свалившееся на его ни в чем не повинную голову. Однако вина виной, а причина всему происходящему должна быть. И пока он ее не узнает — работа будет стоять на месте.

Спал он плохо, мешал стучащий в окно мелкий дождь, переходящий временами в снежную крупу. Открыв утром глаза, он с удивлением увидел, что в окно ярко светит солнце. Голова была тяжелой, яркие зигзаги, будто молнии, временами проскакивали перед глазами — признак того, что собиралась разыгаться мигрень. Влад быстро спустился вниз, бросил в воду шипучий аспирин и занялся завтраком. Его работа над сценарием сейчас представлялась самой большой глупостью, на которую он только был способен. Хорошо, что Лиза не понимала этого, иначе он сгорел бы от стыда. Расскажи он ей все детали своей жизни в последнее время, и она бы наверняка покрутила пальцем у виска. Как можно было пойти на такую авантюру со сценарием неизвестно кому и неизвестно зачем, если сейчас другие проблемы, если вокруг... трупы...

Спустя час он уже выходил из калитки. Начать новую жизнь требовали новые обстоятельства. Сейчас, решил он, придется изображать из себя беспечно гуляющего бездельника, озабоченного исключительно здоровым образом жизни. Пешие прогулки — это как раз тот вариант, который как нельзя лучше подходил ему для того, чтобы выследить этого «каскадера». Он прошел по улице почти до окраины поселка. Несколько раз оглянулся, однако черной машины не увидел. Интересно, по каким критериям этот трюкач ориентируется в своей профессии шпиона? Какие действия его заставят проявить себя? И потом, подумал Влад, у каждого человека есть необходимость где-то жить. Во всяком случае, зимой без крыши над головой — никуда. Или он приезжает в Заречный, как на работу, с утра, а вечером уезжает обратно?

Он не спеша шел обратно к дому, когда заметил машину скорой помощи, стоявшей, как ему показалось, у коттеджа с синей крышей. Ускорив шаг, он спустя минуту остановился у распахнутых ворот, из которых на носилках кого-то выносили.

— Владислав! — услышал он голос своего нового знакомого.

Влад дернулся к носилкам.

— Семен Семенович? Что случилось?

Герасимов вытащил руку из-под простыни, которой его прикрыли медики, и протянул Владу связку ключей.

— Владислав, умоляю вас, не сочтите за труд отыскать мою Васю. Пропадет с голоду, — на его побледневшем лице отразилось нечто вроде нечаянной радости. — Как же вовремя вы здесь оказались!

— Васю? Это кто? — шагая рядом с носилками, спросил Влад.

— Кошка моя, Василиса. Перепугалась, бедняжка, и спряталась где-то в доме. А Соня, моя помощница, так некстати уехала на неделю к себе домой.

— А кому я еще могу позвонить, Семен Семенович? — не решаясь взять ключи, спросил Влад. — Куда хоть вас везут?

— В первую клиническую, — ответила женщина в белом халате. — У вашего знакомого подозрение на инфаркт. Сейчас приступ купировали. Так что не задерживайте нас, пожалуйста!

— Вот же прицепилась, — сердито махнул на нее рукой старик и силком сунул Владу ключи. — Вы, главное, найдите бедняжку. И не смущайтесь. Вы человек порядочный, я вижу. Там, в кладовке, мешки с кормом стоят.

Зажав в руке ключи, Влад растерянно смотрел на отъезжающую машину. Он почувствовал себя неудобно в качестве зрителя чужой кошки в чужом доме. Как же нелепы бывают обстоятельства, когда приходится доверять свой дом и свое любимое животное совершенно чужому человеку! Он никогда бы не подумал, что старик Герасимов может жить один в этом тереме. Это, конечно, странно. В конце концов, должны быть какие-то знакомые, соседи или родственники...

С этими мыслями он поднялся на крыльцо и вставил ключ в замок. В небольшой прихожей с узкими, высокими окнами по бокам было светло от ярко бьющих солнечных лучей. Разбросанная обувь на полу и распахнутый шкаф, очевидно после спешных сборов, вызвали у него чувство острой грусти. Затворив дверцы шкафа и убрав на место туфли, Влад направился в темный холл. Пошарив рукой в поисках выключателя, он вздрогнул от неожиданности — два светящихся глаза неподвижно смотрели на него из глубины помещения.

— Тыфу ты! — негромко выругался Влад. — Вася, детка, иди ко мне. Кис-кис...

Он нащупал-таки выключатель, и ровный свет потолочных светильников озарил большой холл с картинами на стенах. Справа была широкая двустворчатая дверь, с левой стороны — массивная красивая лестница темного дерева, ведущая на верхние этажи. Прямо, на задней стене, были еще две узкие двери.

Кошка исчезла. Что и следовало ожидать! В дом вошел чужой человек, и было бы странно рассчитывать, что Василиса подбежит к нему потереться и помурлыкать. В первую очередь он решил отыскать, где находится та самая кладовка с кормом, про которую говорил Семен Семенович. На секунду приоткрыв большую дверь, он убедился, что там расположена гостиная, как он и думал. За двумя другими дверями был туалет с душевой кабиной и рабочая комната для стирки, сушки, глажки. Кладовки на первом этаже он не обнаружил. Придется подняться на второй этаж. Хотя странно будет, если там хозяйева разместили кладовку. Но, с другой стороны, Василису тоже надо отыскать. Он уже решил забрать кошку в свой дом. Не ходить же ему, в самом деле, сюда ее кормить, рано или поздно это могут заметить соседи и вызвать полицию. А беседы с эти господами в его планы не входили.

На втором этаже возле распахнутой двери, ведущей в большую спальню, сидела Василиса — красивая полосатая кошка. Влад приветливо ей улыбнулся и замедлил шаг. Кошка не разделила его радостного настроения и, сгорбив спину, медленно пошла в спальню. Убедившись, что Василиса пока что прятаться не собиралась, а лишь запрыгнула на широкую кровать, Влад решил отступить и поискать злополучную кладовку. Бегать по дому в поисках корма с кошкой подмышкой было бы не очень удобно. За соседней дверью располагался кабинет с письменным столом красного дерева, кожаным вращающимся креслом с высокой спинкой, небольшим диваном с зеленоватой бархатной обивкой и двумя книжными шкафами. Над столом висело множество фотографий в рамках. Владу сразу понравилась атмосфера этого кабинета. Он все как-то не мог собраться организовать себе кабинет. В его достаточно просторной квартире было лишь две комнаты, и он не раз подумывал о том, чтобы переехать в квартиру, где будет третья комната для работы. Пусть даже совсем небольшая.

Выйдя из кабинета, он приоткрыл следующую дверь, но там, как и следовало ожидать, была обычная жилая комната с телевизором, мягкой мебелью и множеством больших растений в кадках на полу.

Был еще третий этаж, но искать там хранилище было бы совсем глупо. Придется, решил он, спуститься вниз и еще раз заглянуть в гостиную и постирочную. Проходя мимо кабинета, он заметил, что кресло у стола начало медленно поворачиваться, словно кто-то, небольшого роста, на нем сидел. Влад вздрогнул всем телом и немного отскочил в сторону. Громко мякнув, Василиса соскочила с кресла на пол и, прошмыгнув мимо Влада, скрылась в спальне.

— Черт! Ты меня зайкой сделаешь, — прошипел он ей вслед. — Нет уж, гоняться я за тобой не буду. Куплю корм и будешь у меня его хавать как миленькая, пока твой хозяин не вернется. Ясно? — прикрикнул Влад.

Он вошел в кабинет и опустился на то самое кресло перевести дух. Как же неприятно ходить по чужому дому, да еще такому огромному. Где-то должны еще быть переходы в башни, что пристроены по бокам. Скорее всего, на третьем этаже. Только бы туда не надумала сигануть его подопечная! Его глаза невольно обратились к фотографиям на стене. Вытянув шею, он внимательно рассматривал историю чьей-то чужой жизни. Незнакомы мужчины и женщины, дети, играющие на ковре, молодые парни за столом деревенского дома... Влад медленно поднялся и, нахмутив брови, приблизился к этой последней фотографии. Его сердце часто застучало, он не поверил своим глазам — за столом сидел он сам, Папа Волошин и Артем Соколов! Позади с распростертыми руками над ними навис Егор Соловьев, одноклассник, одно время учившийся с Артемом на одном курсе в институте. Потом он с родителями эмигрировал во Францию, и связи с ним как-то сами собой прервались. Но где это все?? Самое странное, что себя самого он узнал с трудом — глаза прикрыты, рука Артема крепко сжимает его плечо, будто поддерживает. Влад опустился в кресло, его пальцы отбивали частую дробь по столешнице, а в голове крутились всевозможные эпизоды из их молодости, о которых, он, похоже, давно уже забыл. Было понятно только то, что по возрасту это совпадало с первыми студенческими годами. У Паши еще такая смешная лохматая прическа была с непослушными вихрами. Уже позже он стал стричься очень коротко и вихры стали не так заметны.

Потом в памяти всплыл эпизод одной вечеринки у кого-то из однокурсников дома. Был канун Нового года. Компания была большая, было много спиртного, музыки, девушек. Какой-то «очень правильный» мальчик из семьи дипломатов неожиданно предложил покурить травки, привезенной из Амстердама. Праздник тогда удался на славу, вот только травка с алкоголем сыграла с ним плохую шутку. На следующий день Влад ничего не мог вспомнить. Напрочь! Было обидно, потому что, рассказывали ему друзья, они в ту ночь круто повеселились. Сначала гуляли по городу, потом взяли такси и поехали к кому-то там на дачу.

Утро на даче он уже смутно припоминал. Его нещадно рвало, перед глазами стелился туман, и никакие чаи не помогали. Сейчас он не мог вспомнить, чтобы они там фотографировались, но сама обстановка дома была ему знакома — старинный буфет с узкими полосками стекол и большие часы с кукушкой над ним. Эти часы врезались ему в память. Кто-то из ребят тогда утром постоянно подкручивал механизм, чтобы заставить кукушку показаться из домика. А он в это время сидел за столом и, закатив глаза, чашку за чашкой вливал в себя чай под беспрестанное

кукуканье.

Влад, вытащил фотографию из рамки. Повертев в руках снимок, он все же решил вернуть его на место. Интересно, откуда у Герасимова оказалось фото, о котором даже ему ничего не было известно?

Спускаясь по лестнице, он краем глаза видел, что Василиса с любопытством наблюдает за ним, просунув голову между точеных балясин.

— Вася, пойдем со мной, — тихим голосом предложил он, не поворачиваясь в ее сторону.

Спустились на первый этаж они вместе. Кошка подбежала к двери, ведущей в постирочную, и остановилась, явно намекая, что сюда следует еще разок заглянуть. Стоило ему приоткрыть дверь, как Василиса юркнула в комнату. Войдя вслед за ней, Влад увидел, что за стоящими друг над другом стиральной и сушильной машинами, есть еще одно помещение, где располагалась бойлерная и стояли стеллажи со всевозможной бытовой химией, в том числе — мешки с кормом, шампунями и наполнителем для кошачьего туалета. Здесь же, в углу, стояли мисочки с водой и едой для кошки.

— Ну вот, порядок, — обрадовался Влад.

Василиса, не обращая на него внимания, аппетитно похрустывала шариками из своей тарелочки.

Его мечтам забрать Васю с собой не суждено было осуществиться. Едва закончив свой перекус, милая киса тут же умчалась на второй этаж. Ладно, решил Влад, так тому и быть — придется навещать сюда каждый день!

Он уже подходил к своему дому, когда черная машина каскадера на полной скорости пронеслась мимо него. Влад не стал оборачиваться, успев, тем не менее, запомнить номер. Настроение испортилось. Это уже походило на демонстрацию. Блондин даже не пытался скрывать своих намерений — держать свою жертву на коротком поводке. Еще никогда Владу не приходилось быть жертвой, бараном, которого в любой момент могут отправить на заклание. Ему всегда казалось, что он сильный и достаточно самостоятельный человек. Это ощущение у него появилось уже давно, наверное с того момента, когда он почувствовал, что может рассчитывать на свой талант. Этот дар, считал он, всегда выручит его в любой самой сложной ситуации. Главное, чтобы разум не покинул...

И вот теперь случилось то, чего он и предположить не мог — талант заартачился, как упрямый осел. Эта единственная надежная опора стала плавно уходить из-под ног. И ему нечем противостоять всей этой нечисти — убийце Павла, режиссера, даже заказчику сценария. Все, капкан захлопывается, а он словно обездвижен — ни рукой, ни ногой пошевелить не может. Вот увидел он номер машины — и что? Кому он может пожаловаться, в чем его претензии к этому уроду? Ну ездит он тут на своем «Фольксвагене», так никому не запрещено. Опрокинул стол в ресторане? Подумаешь, мелкое хулиганство или непреднамеренная неловкость. И все.

В больницу он попал ровнехонько в «тихий час». Окошко для приема передач было закрыто. На его стук никто не ответил. Зато неизвестно откуда перед ним вырос охранник.

— Ну и что мы тут стучим? — огромного роста верзила смотрел сонными глазами сверху вниз на Влада.

Зачем столько страху нагонять на людей в больнице? — подумалось Владу. Такие бугаи обычно сопровождают наших олигархов.

— Больного хотел навестить...

— Здесь же русским языком написано: «С 14.00 до 16.00 тихий час».

Глянув на табличку, в которую охранник тыкал толстым пальцем, Влад разозлился.

— И что? А если мне очень надо? Позарез нужно попасть к больному или его врачу!

Верзила пожал плечами и миролюбиво предложил:

— Так пройдите через приемный покой, расскажите суть дела. Вас проведут в ординаторскую, — с этими словами охранник нежно развернул Влада в сторону узкого коридора с противоположной стороны.

— Спасибо...

— На здоровье, — кивнул охранник и, прихрамывая, пошел к стульям, что стояли возле стены.

Влад смутился, было ясно, что у великана травма, и работать охранником у олигархов он не может. В больничке же в самый раз — не выбивается, так сказать, из общего контента.

Врач, едва глянув на посетителя, тотчас уткнулся в свои бумаги.

— Что вы хотели? — спустя некоторое время, наконец, пробормотал он, не переставая при этом писать.

— К вам сегодня привезли Герасимова, пожилого мужчину, с подозрением на инфаркт...

— А вы ему кто?

— Я знакомый. Хороший знакомый, он мне доверил свою кошку в доме посмотреть...

Доктор перестал писать и поднял глаза на Влада.

— И что с кошкой? — спросил он с серьезным видом.

— При чем тут кошка? — Влад от удивления взмахнул руками. — Я о Семен Семеныче пришел узнать. Может, лекарства какие нужны, ну и так далее...

— Так далее мне ваши не нужны, — резко оборвал он Влада, истолковав как-то по-своему его слова. — Пройдите в триста шестую палату. Только не шумите — тихий час у нас. Состояние пациента стабильное, инфаркт не подтвердился, но сердце надо беречь. И лечить, — вскинув брови, доктор многозначительно посмотрел в глаза Владу. — У нас, конечно, все необходимое есть, но...

— Напишите, будьте добры, что из медикаментов лучше будет для такого состояния, — с пониманием кивнул Влад.

Взяв из рук врача список лекарств, он вышел из кабинета.

Старик читал газету и не сразу заметил гостя в палате. На соседней кровати мирно посапывал второй больной.

— Добрый день, Семен Семенович, — прошептал Влад.

Герасимов опустил газету, снял очки и некоторое время пытался сфокусировать взгляд.

— Владислав? Господи, случилось чего с Васей? — испуганно прошептал он.

— Да что станется с вашей Василисой? Жива-здорова, вам привет передает.

Влад поставил стул рядом с кроватью и сел.

— Я ее отыскал, накормил. Хотел забрать к себе в дом. Но она же ни за какие коврижки не согласилась!

Старик широко улыбнулся:

— Она у меня такая. Хотя и сама по себе, но дом свой любит. Но вы же не бросите ее? Надеюсь, никуда уезжать не собираетесь?

— Не собираюсь, Семен Семенович. Пока вы здесь — я ни с места. Вот пришел узнать, что врачи-то говорят?

— Врачи? Они разве умеют разговаривать? Они только лечением занимаются. Ну, так они считают, во всяком случае.

— Хотя бы так... А что самочувствие?

— Да все нормально, — старик махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху. — Я им говорил — какого черта меня сюда заперли? Сделали укол, и оставьте человека в покое...

— Вы это бросьте, Семен Семенович. Нельзя оставаться дома в таком состоянии. Тем более — одному. У вас кроме этой вашей... Сони, если не ошибаюсь, есть кто-нибудь? Извините, конечно, за любопытство, но тут...

— Ладно-ладно, не извиняйся. Можно я на «ты»? Есть у меня сын, брат младший, внуки. Но, понимаешь, так сложилось, что все за границей.

— А что ж вы?

— Нет уж, увольте. Только там меня не хватало. Хочу умереть на родине. Отказался я с ними ехать в Америку.

Герасимов замолчал, и Влад не посмел нарушить эту печальную тишину, что воцарилась после его слов. Он с трудом мог себе представить, как это остаться одному на белом свете. Те, там, за границей — не в счет. Это как на другой планете. По первому зову не примчишься.

— Знаешь, Владислав, а я привык, — нарушил тишину старик. — Раньше думал, что это невозможно... когда моя жена умерла, было особенно тяжело. А потом нашел силы. Каждый день как подарок от Всевышнего. В любой мелочи стараюсь находить радость. Оно ведь как — когда ты молод и здоров, то вокруг себя ничего не замечаешь, если оно напрямую тебя не коснулось. А вот представь, что осталось минут десять на этом свете пробыть? Тут совсем другой расклад, в одну секунду научишься ценить красоту каждого мгновения. И небо серое, и слякоть, и вредный сосед — все красиво, все в радость. Только бы не отобрали! Даже, кажется, видишь, из чего воздух состоит...

Владу показалось, что у него защемило сердце. От слов Герасимова повеяло не радостью от каждого мгновения, а полной безнадегой. Не потому, что тот был не прав. Просто он понял, что как раз эти мгновения хотят отобрать у него, сценариста Семенова. А у Паши Волошина уже отобрали, без всяких там предупреждений. Созерцать, что называется, не пришлось.

— Да, — словно очнувшись, спохватился Влад, — я вам фрукты и соки принес. Так, наугад. Ваши пристрастия пока не изучил, — он с улыбкой поставил большой пакет на тумбочку.

— Да куда ж мне столько! — сокрушенно покачал головой Герасимов.

— С соседом поделитесь. Не вредный хоть попался? — шепнул Влад, кивнув головой в сторону спящего мужчины.

— Нормальный. Правда, еще особо познакомиться не успели. Да хоть какой, Владислав, это все лучше, чем одному. Не люблю я эти платные палаты, где лежишь в компании с телевизором и холодильником, да еще разве что со своей болезнью...

— Правда? А я уже подумал предложить такой вариант.

— Нет, нет, дорогой Владислав. Спасибо за заботу, но в плане средств у меня проблем нет. Это мой выбор.

Влад сделал вид, будто только что вспомнил маловажную деталь.

— Да, чуть не забыл, — хлопнул он себя по лбу. — Когда гонялся за Василисой, попал в ваш кабинет. Знаете, очень неловко себя чувствовал...

— Думаете, это мой кабинет? Как бы не так. Я, во всяком случае, очень в этом сомневаюсь!

— В каком смысле?

— В самом прямом. Это Василисин кабинет. Ее любимое место в кресле за столом. А я, если что надо, с ноутбуком в гостиной обычно сижу. Или в спальне с книгой.

— Что-то такое я себе и представлял, — поддакнул Влад. — Она уже продемонстрировала, как крутится в кресле.

— Так что вас смутило, мой дорогой друг? Я вам даю разрешение расхаживать по дому безо всякого стеснения.

— Надеюсь, по всему дому мне ходить не придется. Как и чем кормить кошку я теперь уже знаю. Я о другом... Там над столом висят фотографии. Не знаю, поверите ли вы мне, но на одном фото есть я со своими друзьями.

Герасимов нахмурил брови:

— Это на каком? Погодите, дайте вспомнить. Я на те фотографии лет сто не смотрел. — Немного помолчав, он пожал плечами: — Неужели вы друг моего племянника? Гошки?

— Егор Соловьев. Именно так. Мы, правда, звали его Жорж. Так это ваш племянник? — удивленно вскинул брови, медленно произнес Влад.

— Ну да. А что вас удивляет? Ах, да... фамилия. Он Соловьев по матери. Так получилось, что братец мой оформил отношения с матерью Егора, когда мальчику было уже восемь лет. И хотя это его родной сын, фамилия матери так и осталась у него. Ну, это отдельная история. При случае, расскажу. Да-да, теперь я вспомнил ту фотографию бравых ребят.

— Да, действительно странно...

— Мир тесен. Как бы банально это ни звучало.

— Согласен. Я, Семен Семенович, ничего не знал о существовании этой фотографии. Очень удивился, обнаружив ее на стене вашего кабинета. И хоть убейте, не мог вспомнить, где же это все происходило?

— Ну так здесь все и было. В Заречном!

— В «Заречном»? — У Влада от удивления свело на лице мышцы, и он, глупо улыбаясь, смотрел на Герасимова, не произнося больше ни слова. Как ему теперь объяснить старику причину своей амнезии? Как-то совсем не хотелось портить свой имидж...

— Я вам все объясню, — пришел на выручку Герасимов. — Вы плохо помните ту дачу. Ничего удивительного. Это свойство молодости — не замечать детали. Ну, я говорил об этом... Да и Заречный с тех пор не узнать. Здесь столько новых домов построили, а сколько старых поносили — и не сосчитать. Сейчас здесь модно стало дома покупать. Я уж и не вспомню, сколько лет прошло-то... больше десяти, пожалуй.

— Шестнадцать где-то, — наморщив лоб, прикинул Влад.

— Тем более. Это была моя дача. Мы все чаще в городе жили. А Егор приезжал частенько с друзьями сюда. Он с самого детства любил ко мне приезжать. В доме есть второй выход, через подвал, вот там и любила дурачиться детвора. Моя покойная жена все пыталась их приструнить, только без толку...

Влада охватила необъяснимая тревога. Он создавал в своих сценариях кучу тайн, загадок. Но в реальной жизни предпочитал ясность и простоту. И вот теперь по какой-то там причине ему отказано в этом. Словно кто-то смеялся за спиной, приговаривая: ну как оно, парень, хорошо жить по чужому сценарию?

— Вы говорите, что это была ваша дача. А что с ней стало теперь, снесли?

— Нет, стоит себе Я продал ее сразу после смерти жены. Перебрался в дом к сыну. А сыну, как видишь, чужие края душу греют. Правда, домину свою не продал. Посадил, понимаешь, сторожа — меня. Я выход на третьем этаже закрыл на замок. Не знаю, может, там черти уже завелись от скуки.

— Да, Семен Семенович, как удивительно, бывает, переплетаются судьбы. Мне даже интересно стало посмотреть на эту вашу дачу. Кто там сейчас хозяйничает?

— Кто хозяйничает, не скажу. Продал я ее Кате. Той самой, у которой вы сейчас в доме гостите. А потом она вроде как перепродала дачу еще кому-то. Сама вот у отца обосновалась. Да и то, говорите вы, за границу подалась. Дом находится на Королева, 56, параллельно с нашей улицей.

— Улица Королева? Вроде как что-то начинаю припоминать... Интересно будет окунуться в атмосферу молодости, — протянул задумчиво Влад, поняв окончательно, что в памяти на самом деле не осталось ничего от событий той ночи. Чистый белый лист. Ноль.

Сидя дома перед светящимся экраном ноутбука, Влад то и дело возвращался мыслями к разговору с Герасимовым. Ему уже казалось, что Заречный родной для него поселок. Будто родом он отсюда. Просто забыл...

Влад недовольно нахмурился. Ему неприятна была мысль, что здесь происходили какие-то события, участником которых был он с друзьями. И где теперь эти друзья? Знал бы старик Герасимов, что случилось с мальчиками из компании его племянника...

Потягивая виски, он с отвращением смотрел на текст своего будущего сценария. Слова, разбросанные по экрану, выглядели чьим-то баловством, не имеющим к нему, Владиславу Семенову, никакого отношения. Зато фотография, что он сегодня увидел в доме Герасимова, стояла неммым укором у него перед глазами. Говорят же, что многое в нашей жизни случается не просто так. Есть некий скрытый смысл в том, что он сегодня попал в дом с синей крышей, что кошка привела его в кабинет, на стене которого висела фотография. Ребята там такие молодые и беспечные, что, казалось бы, их будущее определенно должно сложиться самым наилучшим образом. Нет-нет, все это вовсе не случайность! Сами небеса подсказывали ему, что история с пропажей Артема и гибелью Паши будет иметь продолжение и что ему не стоит расслабляться: конец триллера пока неизвестен. Если бы можно было открыться Лизе, он не преминул бы поблагодарить ее за этот подарок — Заречный. Правда, кроме Заречного недалеко от города было всего два поселка такого типа. Во втором — «Солнечном»- раньше жил он сам, когда был женат на Глафире. И туда он уж точно бы не поехал, даже на самую дальнюю улицу! А здесь хорошо, здесь он, пожалуй, купил бы дом в будущем для себя. Да... если бы да кабы во рту выросли грибы...

Прикрыв глаза, Влад попытался прислушаться к своим беспорядочно мелькающим мыслям и выискать среди них хотя бы одну более или менее пригодную для употребления. В конце концов, решил он, не стоит строить громоздкие конструкции, в которых можно заблудиться. Надо идти от простого. Блондин! Вот тот, кто мозолит ему глаза с того самого дня, когда начались все несчастья. Это он следует за ним по пятам. Это ему почему-то

поперек горла стал Серж.

Влад с теплотой подумал о парне, который, считай, своим телом прикрывает его от проходимца каскадера. Его рука уже нашупала в кармане телефон.

— Да, — пропело в трубке бархатистое меццо-сопрано.

— Майя, здравствуйте. Извините, если помешал...

— Нет, Владислав... ну что вы. Рада слышать вас. Здравствуйтесь.

— Я хотел спросить... надеюсь, что вы точно в курсе...

— Да-да, я слушаю вас!

— Известно ли вам, что на студии не так давно появился новый каскадер? Высокий блондин. Неприятной наружности.

— Неприятной? — решила уточнить Майя.

— Именно так. Я не оговорился.

— Даже не знаю, что вам сказать... Как-то это прошло мимо меня. Или он не имел дел с Павловым. За всю студию не скажу...

— Нет, как раз с ним собирался работать Павлов.

— Хм... странно. А что конкретно вас интересует?

— Очень хотел узнать, кто он такой. Жаль, что вы не в курсе.

— Погодите, Влад, — торопливо произнесла Майя, — вы же не так просто спрашиваете. Очевидно, для вас это важно. Если подождете минутку, я попробую узнать что-нибудь.

— Конечно. Буду очень вам признателен.

Прошло совсем немного времени, и Майя отзвонилась.

— Значит так, — приступила она сразу к делу. — Этот молодой человек появился на студии совсем недавно, как вы и сказали. Дело в том, что Игорь вроде как планировал попробовать его в своем фильме. Оформлять его пока не стали, такое условие поставил сам Павлов. Не знаю даже, почему. Возможно, он хотел посмотреть его в работе. Выписали ему временный пропуск на студию... Вот, собственно, и все. Да! Чуть не забыла — зовут его Валерий Костров. Внешность неприятная, это как бы факт, который даже не обсуждается. Вроде последствия травмы при выполнении трюка. Теперь точно все. Я помогла вам?

— Да, спасибо вам огромное. И еще раз извините за беспокойство.

Влад поднялся, потянулся всем телом, пожал плечами: что можно извлечь для себя полезного из слов Майи? Скорее всего — ничего. Разве что самую малость — имя и фамилия теперь ему известны. Не придется, в конце концов, дополнительно напрягаться для их выяснения.

Он медленно спускался по лестнице на первый этаж, когда раздался звонок мобильного. Хлопнув себя по карману, он понял, что оставил его на столе. Перескакивая через несколько ступенек, Влад поднялся наверх. Почему-то он был уверен, что это звонила Лиза. Однако номер был Майи.

— Да, слушаю...

— Влад, я кое-что должна вам сказать, — медленно и как-то глухо произнесла она. — Меня вдруг смутила фамилия. Костров...

— И что не так с фамилией?

— Не знаю, может, и не так. У Галины, домработницы Игоря, точно такая же фамилия. Она — Кострова. Тоже высокая светловолосая женщина. Совпадение?

Влад присел на край стола, его рука вспотела.

— Хм... трудно сказать, — он старался говорить нейтральной интонацией, но у него это плохо получалось.

— Я вас очень прошу, — прошептала Майя озабоченно, — будьте осторожны, не спрашивайте о нем ни у кого.

Если понадобятся еще какие-нибудь сведения — звоните, не стесняйтесь. Мне проще разговаривать со студийными. — Она помолчала немного и добавила: — Я же понимаю, что вас тревожит. Вот, теперь уже и мне стало как-то не по себе.

— Спасибо. Нам обоим не мешает осторожность, — с плохо скрытым волнением ответил ей Влад. До свидания.

— До свидания. Не пропадайте...

В наступившей тишине еще некоторое время эхом звучал голос Майи: Валерий Костров... Валерий Костров... Влад нервной дробью побарабанил мобильником по столу. Станный, никому не известный каскадер появляется на студии незадолго до убийства Павлова. Еще более странно выглядит то, что фамилия у него та же, что и у домработницы режиссера. Хотя, был бы жив Игорь Павлов — все это не вызвало бы никаких вопросов. Но Павлов убит. А потому возник большой вопрос. И с кем это можно обсудить? Может, со следователем переговорить... Влад передернул плечами. Нет-нет, этот вариант отпадает сразу. Уж слишком многое придется объяснять, начиная со своей первой встречи с блондином в ресторане Артема. Так далеко можно зайти.

Во всяком случае, сейчас есть хоть какая-то зацепка. Стало, как принято говорить, горячее. Кострова-Костров-Влад Семенов-поселок Заречный. Вот такая странная цепочка образовалась. Сюда же можно вплести его друзей с фотографии. Как-никак они были в Заречном вместе с ним. Выбивается из общей картины только режиссер. В цепочку его не вставишь, но он, несомненно, играет какую-то свою роль. Очень загадочную. Хотя... почему ж загадочную? Влад постучал себя по лбу: режиссер у нас ступенька, дверца, которая открывает путь к нему, Владу Семенову.

— Нет, Семенов, ты беспробудно глуп! — рявкнул он вслух. — Какая на хрен дверца? К чему такие сложности, зачем убивать несчастного Павлова?

Он обессиленно шмякнулся в кресло. Действительно, если целью блондина является сценарист Семенов, то убивать продюсера Павлова, чтобы подобраться ближе к нему, нет никакой нужды. Блондин спокойно ходит все это время за ним по пятам, начиная с той самой незабываемой встречи в ресторане... Что ж такое, опять одно и то же. Хождение по кругу. Уже мозг весь в мозолях...

Спустившись вниз, Влад набросил пальто и вышел из дома. Он стоял на крыльце и нервно перебирал в кармане ключи. Уже почти стемнело, и стоило зажечь фонари возле дома, но он продолжал стоять, не двигаясь с места. Сейчас ему не хотелось выглядеть игрушкой на светящейся витрине. Осторожно спустившись вниз, он медленно пошел по дорожке. Возле калитки обернулся на мрачно притихший дом и вышел на улицу.

Королева, 56... Он то и дело повторял этот адрес, словно заклинание. Подняв воротник и натянув поглубже вязаную шапку, Влад перешел на другую сторону улицы и быстрым шагом направился в сторону ближайшего перекрестка, чтобы свернуть на Королева.

Дом пятьдесят шесть выглядел заброшенным. Возможно, такое впечатление создавала темнота, окружавшая дом со всех сторон. Разбитый уличный фонарь и черные впадины неосвещенных окон выглядели удручающе. На секунду в одном окне вроде как мелькнул свет, но проехавшая по дороге машина развеяла подозрения. Скорее всего, в стекле просто отразился свет фар. Влад, не останавливаясь, прошел мимо покосившегося серого шпакетника. Незапертая калитка от порывов ветра тоскливо поскрипывала ему вслед.

Лишь пройдя несколько домов, он сбавил шаг. Влад слабо отдавал себе отчет о своих дальнейших действиях. Но то, что к этому дому он непременно вернется, он не сомневался. Вскоре показались огни «Лисички».

— Что будете пить? — спросила полусонная официантка, остановившись как бы невзначай у его столика.

— Чай. Крепкий черный чай с сахаром, — ответил Влад и, услышав ее тяжелый вздох, добавил: — и еще поесть. У вас горячая еда имеется?

— Горячая? У нас по вечерам больше горячительным интересуются.

— Ну, значит, я из тех, кто в меньшинстве, — хмыкнул Влад и с любопытством посмотрел на официантку.

— Проездом? — поинтересовалась она.

— В каком смысле?

— Есть рыба и плов, — не вдаваясь в подробности, грустно сообщила женщина, скрестив руки на груди и глядя куда-то поверх головы Влада. — Рыбу не советую.

— Плов хоть живой? Не холодный?

— Подогреем. Не волнуйтесь, не отравитесь. Сама ела недавно...

— Это аргумент. Грейте.

Официантка неторопливо отчалила от его столика. Похоже, что жизнь поселка с наступлением темноты замирала. Пустели улицы, магазины, кафе. Вся интрига сейчас разворачивалась за высокими заборами особняков.

Оставшись один, Влад тотчас поддался эмоциям. Его мозг лихорадочно работал. Он пытался понять, найдется ли у него достаточно решимости, чтобы проникнуть в дом со скрипучей калиткой? Что там? Возможно, запустение и паутина на стенах. Только интуиция подсказывала, что в старом доме Герасимова могли остаться хотя бы следы, ведущие к разгадке тайны той злополучной вечеринки. И почему за столько лет ни Артем, ни Павел, ни разу не вспомнили про ту поездку на дачу? Напрашивались два ответа — либо произошло что-то ужасное, либо и вспоминать особо не о чем. Интересно было бы узнать у Екатерины, почему она продала дом, и кто сейчас владеет этой мрачной недвижимостью?

— Приятного аппетита.

На столе появилась большая белая тарелка с дымящимся пловом. Влад, осторожно подцепив вилкой немного лоснящегося риса, с удивлением отметил, что блюдо готовил настоящий профи. Такого плова он не ел очень давно!

Официантка принесла чай, и Влад попросил счет.

— Я премного благодарен вашему повару за такой чудесный плов! — Влад дал щедрые чаевые и, уловив удивление во взгляде официантки, спросил: — Что-то не так?

— Спасибо, — улыбнулась женщина. — Здешние никогда так не благодарят нас.

Влад поднял брови:

— А что так? Люди состоятельные...

— Ну, эти к нам не ходят, — уклончиво ответила она. — Я ж говорю, что вы, по всему видно, проездом здесь.

— Да, почти. В гостях.

Официантка присела напротив.

— В гостях? И что ж... не кормят? — тихо спросила она и с недоверием прищурила глаза.

— А, вот вы про что. Дело в том, что хозяев сейчас нет. Один кукую.

Женщина расслабилась.

— Тогда понятно. Приходите к нам, раз ваши хозяева съехали и даже прислугу не оставили. Кто ж так делает? — недоуменно пожала она плечами.

— Мелочи жизни. Я и сам умею готовить. Вот решил вечерком прогуляться немного, заодно к вам зашел. Честно говоря, не очень уютно у вас по вечерам. Пусто. Я даже удивился, что «Лисичка» работает.

— Да, есть такое, — кивнула официантка. — Но, знаете, мы привыкли. Людей нет, но зато у нас спокойно. Можете себе гулять хоть до утра — никто вас не тронет. Тут у нас порядок с этим.

— Надо же... — покачал головой Влад. — Как-то не верится. Но если вы говорите, то...

— То не сомневайтесь. Или вы что-то слышали? Не верьте никому.

— Нет, ничего не слышал, — Влад приложил руку к груди для пущей убедительности. — Разве что проходил мимо одного заброшенного дома, здесь недалеко, на Королева вроде бы. Мрачный такой, еще фонарь разбит напротив, темно, неприятно...

В кафе зашла компания мужчин.

— Поняла, про какой дом вы говорите, — с этими словами официантка поднялась. — Пойду. Надо работать. А дом и, правда, пустой. Но бандитов там нет. Это с виду только мрачный. Все потому, что нежилой. Приходите к нам еще.

— Непременно.

Возвращаться он решил той же дорогой. Было тихо, он шел, прислушиваясь к своим шагам и пытаясь уловить любые посторонние звуки. Пару раз он даже останавливался, спрятавшись за стволами толстых лип, чтобы оглядеться, не идет ли кто следом. Но улицы были пустыни. Слова официантки о том, что в их поселке все тихо и мирно, не придали Владу уверенности. У них здесь своя жизнь, а у него — своя. Точнее, свои проблемы.

Когда показался «темный дом», Влад ускорил шаг и, поравнявшись со скрипучей калиткой, вошел во двор. Осторожно ступая, он дошел до беседки. Прислонившись спиной к решетчатому ограждению, он стал напряженно присматриваться к дому. Ночь стояла безлунная, хотя и звездная, неясные тени создавали обманчивые иллюзии. В какой-то момент Владу показалось, что входная дверь была приоткрыта. Он немного отступил назад, и попытался рассмотреть размытые очертания крыльца и двери. Подождав еще несколько минут и не заметив ничего подозрительного, он поднялся на крыльцо и аккуратно нажал на ручку. Дверь была заперта. Спустившись вниз, он прошел вдоль стены под окнами. Заднюю часть дома скрывал густо разросшийся колючий кустарник. Влад остановился и в тот момент, когда он решил вернуться назад к крыльцу, где-то совсем рядом раздался глухой стук. Один раз, затем еще...

Молниеносно развернувшись, он побежал в дальний темный угол участка. Остановившись возле забора, Влад перевел дух. От дома сейчас его отделяла беседка, и можно было спокойно осмотреться. Стояла звенящая тишина, даже ветер притих. Влад недоумевал, откуда раздалось удары? Либо в доме что-то упало, крысы бегали, либо и не в доме вовсе стукнуло. А может, это всего лишь плод его большого воображения?

Он сидел возле камина и смотрел на веселые язычки пламени. Мягкая, убаюкивающая музыка из телевизора наполняла атмосферу дома странным, каким-то мнимым спокойствием. Влад тщетно пытался найти в своих старых воспоминаниях картинку дома, подобного тому, что он увидел сегодня. Вечеринка на то и вечеринка, что проходит в темное время суток. Но неужели он настолько был пьян в тот вечер? В память врезались только часы с кукушкой и буфет...

Подкинув поленьев в камин, он переключил телевизор на говорильню. С музыкой он сейчас не на одной волне, однозначно. А эти малоизвестные люди, монотонно рассуждавшие о политике, без агрессии и без стремления кому-то что-то доказать, были хорошим фоном для пустого дома. Ему вдруг стало жаль этот дом, который, Влад это чувствовал, был одинок и печален, равно как и его странный гость — сценарист Семенов.

Проснулся он затемно, здесь же, на диване возле погасшего камина. Заварив кофе, он состряпал несколько небрежных бутербродов с сыром и колбасой, и уселся на высокий барный стул. Сегодня у него были два неотложных дела — навестить Василису и купить в городе лекарства для Герасимова. Владу приятно было осознавать, что он будет занят такими простыми и нужными делами. Хотя бы в первой половине дня его не будет угнетать унылый свет монитора. И кто бы мог подумать, что он докатится до этого? Впору будет в скором времени подумать о смене рода деятельности. Ну какой из него писатель или сценарист? Тугодум, тормоз, пародия одним словом...

Василиса встретила его в прихожей вялым «мяу» и вопросом в прозрачных желтых глазах.

— Привет, красавица. Пойдем, я тебя накормлю.

Киса тут же сорвалась с места и помчалась в свою «столовую».

— Между прочим, — сказал ей Влад, досыпая корм в миску, — твой хозяин очень переживает из-за тебя. Но мне интересно, у тебя сердце хоть разок дрогнуло? Как типа ты там, Семеныч?

Василиса затарахтела трактором, нетерпеливо просунула голову ему под руки и принялась завтракать.

— Вот-вот, так я и думал, — разочарованно протянул Влад, доливая воду во вторую мисочку. — В этом вся несправедливость этого мира...

Он поднялся в кабинет и вытащил из рамки фотографию. Когда буду в больнице, решил он, попрошу у старика взять фото на время.

Поиск лекарств занял достаточно много времени. Влад никогда раньше не сталкивался с медициной, и он был неприятно удивлен системой здравоохранения, когда в профильных отделениях не было в достатке нужных медикаментов, пусть даже и платных для пациента. Почему не сделать для людей если не дешево, то хотя бы удобно? Одно успокаивало — Семену Семеновичу стало лучше. Поговорив с врачом и сообщив больному последние новости про его любимую Василису, Влад отправился в Заречный.

Дорога была ровной, скучной, монотонной. Он думал о женщинах. Вспомнились слова Левы про то, что бабы и бабки — первопричина всех бед человечества. Интересно, что думают женщины по этому поводу? Поди узнай... Он вчера ни разу не позвонил Лизе. Как собственно и позавчера... Она тоже молчала. Ей не хотелось с ним видеться? Она слишком занята? У нее проблемы, и ей не до него? Все может быть...

Еще в начале улицы он заметил, что в сторону его дома едет черный автомобиль. Номера было не разглядеть, но Влад не сомневался, что это машина каскадера. Что ж ты приклеился, как банный лист! — выругался Влад. Правда, на этот раз блондин, похоже, просто патрулировал у дома, не зная точно, где сейчас его «подопечный». Влад замедлил ход, в надежде, что блондин проедет дальше.

Потом случилось невероятное. Влад увидел Лизу. Он узнал ее сразу, хотя было довольно далеко. Она стояла у края дороги с вытянутой рукой. Черный автомобиль притормозил, и она села на переднее сидение. Машина тронулась.

Влад почувствовал, как его будто кипятком окатили. Первым желанием было позвонить Лизе и предупредить, что садиться в эту машину опасно. Но на это ушло бы слишком много времени. Влад вдавил педаль газа и помчался следом, несколько раз просигналив, стараясь привлечь внимание. «Фольксваген» вдруг резко притормозил, и Лиза вышла. Автомобиль блондина рванул с места и вскоре скрылся за поворотом.

Влад выскочил из машины, подбежал к ней и схватил за плечи.

— Лиза! Ты откуда здесь взялась?!

— Ты чего так кричишь? — она удивленно смотрела на него, придерживая рукой поднятый воротник куртки. — Я приезжала к тебе, а ты где был?

— Я? — Он отпустил ее и распахнул дверцу машины. — Садись... мало ли где я был? По делам ездил. Кто этот тип?

— Ты про кого?

Лиза села в машину и с недоумением посмотрела на него.

Влад откинул голову на подголовник и прикрыл глаза.

— Господи, как же я испугался...

— Ты можешь мне объяснить, наконец, что происходит?

Он открыл глаза и повернулся к Лизе. Ее лицо покрывала неестественная бледность, она смотрела на него не мигая.

— Прости, прости, — Влад взял ее руку и начал покрывать поцелуями. — Я напугал тебя. Прости... А... где твоя машина?

— На сервисе. Надо стекло поменять лобовое, там трещина довольно большая, расплзаться стала. Ну и еще, по мелочам.

Влад тронул машину. До дома оставалось метров пятьдесят.

— А сюда ты как приехала? Почему не позвонила мне?

— Влад, слишком много вопросов. Приехала я на электричке, очень удобно, кстати. Почему ты закатил истерику?

— Почему же меня не дождалась дома?

Влад заехал во двор. На крыльце у двери стоял большой пластиковый пакет.

— Я забыла ключи, — пояснила Лиза. — Привезла продукты, чтобы сценарист не страдал от голода, а войти не получилось...

— Лиза, так ведь есть телефон! И долго ты мерзла тут на улице?

— Ерунда... не хотела тебя беспокоить, отрывать от дел. Думаю, ты бы догадался, что это я здесь была?

— Да как тебе сказать, — задумчиво произнес он, пропуская Лизу в дом. — Тут можно подумать, что угодно. Ты хоть знаешь, к кому ты села в ту черную машину?

Лиза разулась, повесила куртку на вешалку и обернулась.

— Да к кому я села? Откуда мне знать. Хотела доехать до вокзала. Подняла руку...

— Этот человек очень опасен. Очень! — Влад прижал Лизу к своей груди. — Я так соскучился...

— Погоди, — она отстранилась и, нахмутив брови, посмотрела ему в глаза. — Ты можешь объяснить, что здесь у тебя случилось?

— Да. Попытаюсь во всяком случае.

Влад уже понял, что напугал Лизу. Как теперь ей преподнести свое странное поведение? Извиниться и сделать вид, что ничего на самом деле не произошло — глупо. Плохо то, что теперь каскадер знает, что он как-то связан с этой девушкой. Это очень-очень плохо. И это единственная причина, из-за чего ему придется сейчас рассказать ей правду. Нет, часть правды.

— Эта машина того самого человека, который устроил погром в ресторане. Помнишь, в тот день, когда мы с тобой встретились? Теперь он за мной следует по пятам. Я не знаю, что ему от меня нужно, но это очень плохой человек. Я чувствую это кожей...

Лиза опять побледнела, приложила руку к груди и направилась в сторону кухни.

— Я выпью воды, — тихо произнесла она. — Мне сегодня как-то нездоровится.

Влад догнал ее, усадил за стол и наполнил стакан водой.

— Ты испугалась. Прости меня еще раз. Но если бы он увез тебя... я просто не знаю, что бы я делал. Гнаться — опасно. Такие гонки плохо заканчиваются.

— Влад, ты уверен, что это был именно тот самый человек? Ты успел увидеть номер машины? — Она маленькими глотками отпивала воду из стакана, опустив глаза вниз.

— Я очень хорошо знаю его машину. И номер знаю. Да неважно, я и без номера ее узнаю. По манере езды. За рулем был такой противный блондин?

Лиза неуверенно пожала плечами и улыбнулась.

— Влад, за рулем была блондинка. И я бы сказала, что довольно симпатичная. Да, ездит резковато. Мне кажется, что она либо местная, и потому такая уверенная, либо наоборот — недавно ездит и считает, что у нее лихо это получается. Понимаешь?

Влад почувствовал себя полным идиотом. Он замер, не зная, как ему дальше себя вести и что сказать в свое оправдание.

— Фу ты, черт, — выдохнул он и рассмеялся, закинув голову. — Господи, какой же я болван! — Он помахал пальцем и добавил: — Но это, знаешь, хорошо, что так. Блондины или блондинки — неважно. Главное, что теперь ты в курсе возможного развития событий. Никогда не садись в черную машину...

— К белому мужчине...

— Да. Уважь, пожалуйста, старика...

— Это ты что ли старик?

Она улыбалась, но ее лицо по-прежнему сохраняло вид напудренной маски.

— Да, девочка моя, я чувствую себя ущербным стариком с некоторых пор.

— Ты совсем одичал в этой деревне. Я думала, тебе будет хорошо здесь работать, а вышло все наоборот. Мне очень жаль, — с серьезным видом сказала она.

Лиза поднялась и похлопала Влада по плечу.

— Давай займемся обедом. Надеюсь, ты не в ресторане проводил время?

— Нет. Я не развлекался. У меня тут сосед попал в больницу.

Лиза разбирала пакет с продуктами, в раздумьях покрутила в руках кусок мяса.

— Как ты думаешь, сделать котлет или отбивные? — обернулась она к Владу.

Он пожал плечами.

— Давай отбивные. Проще, наверное.

— Хорошо. Я нарежу, а ты постучишь. Идет?

— Как скажешь, мне не трудно... Я сегодня впервые столкнулся с суровой правдой нашего здравоохранения. Это такая запуганная и бестолково организованная система, что я был просто в шоке.

— Да, понимаю. Как никто другой, — усмехнулась Лиза, аккуратно разрезая корейку на красивые ровные кусочки. — Сосед по площадке или подъезду?

— Нет. Сосед по улице. Здесь, через два дома. Может, обратила внимание — дом с синей крышей?

Лиза задумалась на мгновение, затем кивнула:

— А, ну да. По правую сторону, как выходишь. Еще такие странные башенки...

— Да, башенки. Архитектурная безвкусица в чистом виде.

Обедали молча. У Лизы было плохое настроение, хотя она старательно пыталась его не показывать. Владу было грустно, потому что для него все неприятности отходили на второй план, когда она была рядом с ним. Но видеть, что она «не в своей тарелке» каждый раз, когда они оказываются вдвоем, было для него настоящим испытанием.

— Лиза...

— Да, — она уронила вилку и виновато улыбнулась. — Извини, задумалась.

— Лиза, мне кажется, что ты тяготишься моим присутствием.

— С чего ты взял?

В ее интонации не было отрицания. Ее слова подразумевали: ну и что?

— Я не слепой. Даже если не слишком проницательный, то, во всяком случае, еще в состоянии понять некоторые вещи, которые, как говорится, лежат на поверхности.

— Влад, я, наверное, не самый лучший вариант для близких отношений. Мне трудно... вернее, нет, я сама очень трудная. И мне тяжело, и со мной тяжело. Короче, тебе не повезло в этом смысле.

Он отодвинул тарелку и облокотился на стол.

— Все, что ты говоришь, должно иметь объяснение. Тебе так не кажется? Ты приезжаешь ко мне по своей воле, но тут же ставишь невидимый барьер, который мне не преодолеть, Лиза. Почему? Мы с тобой проводим вместе ночь, когда все вроде бы хорошо. Но утром ты ускользаешь...

По ее лицу пробежала едва заметная судорога, длинные пальцы дрогнули, она убрала руки под стол.

— Тебе надо уехать отсюда, — вдруг выпалила она. — Здесь люди ведут очень замкнутый образ жизни, здесь никому ни до кого нет дела...

Влад склонил голову к плечу и удивленно посмотрел на нее.

— Открыла Америку. Bravo! Неужели ты считаешь, что я не в курсе, как живут люди в таких поселках? Если ты заметила, я не напуган, не растерян, познакомился с соседом опять же.

— Кто он?

— Сосед? Милейший человек. Старик. Очень одинокий. Сейчас попал в больницу, и он нуждается во мне. Извини, я не могу бросить человека в такой ситуации.

— Сейчас много одиноких людей. Такое время, знаешь... Только чем ты ему можешь помочь?

— Я кормлю его кошку.

Лиза замерла.

— Что-что? — она вытянула шею. В ее взгляде читалось почти детское недоумение. Так смотрят малыши на взрослого, когда те пытаются им «втюхать» заведомую ложь.

— Лиза, ты такая смешная сейчас, — Влад уткнулся носом в ладони, его плечи затряслись от смеха.

— И где она?

— Кто, Вася? У себя в доме.

— С башенками?

— Ага.

— Кот.

— Кошка. Василиса величать.

— Тебе этот человек дал ключи от своего дома?!

— Так точно, моя принцесса. Но это ненадолго, я надеюсь. Врач сказал, что состояние Семена Семеновича улучшается с каждым днем. К тому же я завез хорошие лекарства.

— Ты меня удивляешь, писатель, — со вздохом сказала Лиза. — Похоже, я недооценила тебя. Ты везде чувствуешь себя, как рыба в воде.

— Нет, *mon amie*, это преувеличение. На самом деле, я очень неуверенный в себе человек. Особенно сейчас, когда вокруг творятся непонятные вещи. Я не любитель загадок. Как ни странно.

— Действительно странно это слышать от писателя крутых триллеров.

Влад поморщился и махнул рукой:

— Это все в прошлом. Сейчас я писатель эпохи собственного кризиса.

Лиза налила себе апельсинового сока и жестом предложила Владу.

— Нет, спасибо.

Ее лицо немного ожило, появились легкие краски на скулах и блеск в глазах. У Влада отлегло от души.

— Но, знаешь, я не переживаю. Черт с ним, с этим сценарием. Почему я должен себя ломать, подстраиваясь под прихоти этих братков? Как ты считаешь?

— Братков? Ты никогда так не говорил о заказчике...

— Да, именно так. И по-другому я не могу назвать этих людей. Мне сделали предложение, от которого я не мог отказаться в прямом смысле слова. Не по коммерческим соображениям, а просто не мог. Точнее, мне не позволили этого сделать.

— С тобой не соскучишься. И что же... я не поняла, что теперь — ты отказываешься писать этот сценарий?

— Пока нет. Еще есть время. Но, дорогая моя Лиза, я уже продвину исход...

— Очень интригующе звучит, — Лиза замерла, нахмутив брови.

— Если ничего не выйдет, я должен буду вернуть деньги в двойном размере. То есть, мне придется продать свою квартиру. Она, правда, небольшая, но в хорошем доме, в дорогом районе. Так что, думаю, выкручусь.

— Ты в перспективе можешь стать бомжом. Я правильно поняла?

Влад отвесил поклон.

— Как пить дать!

Лиза с недоверием покосилась на него.

— Никогда не встречала людей, столь беспечно относящихся к собственной судьбе. Влад, здесь что-то не так. Признайся, что ты задумал?

— Я? Да если бы я что-то мог задумать, придумать, то сейчас, уверяю тебя, я бы не сидел здесь с тобой и не вел бы душевных разговоров. Я бы действовал.

Лиза хотела что-то ответить, но он перебил:

— Так, все! Хватит обо мне. Лучше расскажи, как у тебя дела. Как твой мальчик. Знаю, знаю! Не любишь об этом говорить, но все же...

Лиза опустила голову и бесцветно произнесла:

— Все как обычно. Без изменений...

— Что ж, отсутствие новостей уже хорошая новость, — прервал ее Влад, чтобы не дать Лизе возможность замкнуться в себе.

— Нет, погоди, — возразила она. — Дай мне сказать... Я хочу признаться тебе, что мне стало страшно, когда ты рассказал про этого блондина. Одно дело драка в ресторане. И совсем другое — здесь. Заречный тихий поселок. Почему этот человек тебя преследует? Что такого ты мог сделать ему?

— Ровным счетом ничего. Для меня это посторонний человек, которого я до того случая в ресторане и в глаза не видел никогда. Поэтому, мне кажется, сделать мне он ничего не должен. Вроде как не за что.

— Вот именно, что вроде как, — подхватила Лиза. — И потом, я же видела, как ты резко среагировал. Ты тоже опасаясь. И не спорь. Вот поэтому я хочу, чтобы ты уехал обратно в город.

Влад неожиданно рассердился:

— Я, дорогая моя, испугался за тебя! Но никак не за свою персону! И потом, я же русским языком тебе объяснил, что не могу сейчас уехать. Все. Точка.

Он стоял перед ней с покрасневшимся от злости лицом и внутренне удивлялся такому фонтану эмоций у себя.

Лиза сделала жест рукой, будто хотела что-то сказать. Однако, так ничего и не сказав, неожиданно засмеялась. Влад обмяк, словно внутри лопнула струна. Он присел рядом с ней и буднично спросил:

— Ты чего?

Она смеялась и ничего не отвечала. Владу казалось, что еще немного, и он разругается с ней всерьез.

— Все. Молчу, — прикрыла она ладошкой рот. — Просто это так было похоже на семейную ссору, что мне стало смешно.

— Не вижу ничего смешного, — беззлобно отмахнулся он.

— Все-все, я же обещала тебе не садиться к этому мерзавцу. Только и ты мне пообещай.

— Что именно?

— Что ты не будешь вступать в контакт с этим блондином.

— Не буду. И желания такого нет, — убедительно соврал Влад.

— И даже в том случае, если он вдруг заговорит с тобой.

— Только одно слово скажет — и меня ветром сдует!

Лиза вздохнула и задумчиво протянула:

— Не думала, что с тобой будет так сложно...

Лиза уехала вечером на такси. Влад не стал ее отговаривать. Блондин в очередной раз испортил ему настроение, испортил вечер, который они могли бы провести с Лизой. Он видел, как Лиза нервничает, как то и

дело хмурит лоб каким-то своим мыслям и бесконечно задает вопросы, на которые ему не хотелось сейчас отвечать. И когда она, выпив успокоительное, сказала, что ей лучше поехать в город, Влад, ни минуты не сомневаясь, вызвал такси.

Уже стоя перед распахнутой дверцей машины, Лиза в очередной раз взяла с него клятвенное обещание ни во что не ввязываться и держать ее в курсе любых маломальских событий.

— Уезжаю, чтобы не устраивать драм и истерик. Не люблю я этого, — сказала она. — И надеюсь, что ты поведешь себя благоразумно. Никогда бы не восприняла всерьез этого драчуна-блондина, но мне не хочется, чтобы ты с ним еще раз контактировал. Никто не знает, что он за человек. Может, психически больной.

— Да я уже забыл про него, — махнул рукой Влад, захлопывая дверцу.

На самом деле у него были совсем другие планы. Он вернулся в дом, набросил пальто и, умышленно оставив свет в гостиной, вышел из дома. Было еще не так поздно, и он вполне мог успеть в бассейн, чтобы поговорить с Лилей или Стасом.

Дорога была скользкой, пару раз машину слегка заносило, и Влад вынужден был сбавить скорость. К бассейну он подкатил ровно в тот момент, когда из него выходила Лиля. Она была в куртке с большим меховым воротником, без шапки, и Влад сразу узнал ее по коротенькой стрижке.

— Лиля! — позвал он девушку, направившуюся в сторону остановки.

Она обернулась и сбавила шаг.

— Как хорошо, что я застал вас!

Влад подбежал к девушке и, беспечно улыбаясь, предложил:

— Давайте я вас подвезу. Вам далеко?

Лиля оглянулась по сторонам и удивленно спросила:

— Это опять вы?

— Я.

— Сценарист Владислав Семенов.

— Что-то в этом духе. А вам откуда известно?

— Стас просветил. Он человек культурный.

— Как его дела? Работает, надеюсь?

Лиля зябко повела плечами и кивнула:

— Работает, вроде как. В отпуске сейчас, а там будет видно.

— На улице холодно. Сядем в машину, может? Совместим, так сказать, полезное с приятным.

Девушка неуверенно отступила на пару шагов.

— Чего-чего?

Влад замахал руками и засмеялся:

— Ну что вы там такое подумали? Мне надо кое-что уточнить у вас. Заодно довезу вас до дома.

— Мне домой пока не надо, — сказала она, усаживаясь в теплый салон машины. — Так что спрашивайте, а я потом пойду в магазин. Здесь рядом. На работе совсем замерзла, если честно. Отопление почти не работает. С посетителями пока не работаем. Проверки всякие устроили. Финансовые и санэпидстанция... короче, повод появился.

— Это все из-за происшествия с моим другом?

— Формально, конечно, они этого не говорят, но вы же сами понимаете.

— Ну да. Могу себе представить.

— Так что вы хотели спросить? — нетерпеливо поинтересовалась она.

— Ах, да, извините, время ваше трачу... Меня интересуют люди, которые приходили к вам играть в бильярд. Не было ли среди них такого высокого блондина? Худощавый молодой человек, неприятной наружности.

— Во как? Неприятной?

— Ну да. Я так говорю не потому, что он мне лично несимпатичен. Все дело в травме лица. Ну, вы понимаете меня.

— А, в этом смысле. Я поняла. Но могу вам сказать с уверенностью, что таких молодых людей я у нас не видела. Ни плавать, ни играть в бильярд он не приходил.

— И на массаж, надо понимать, этот человек тоже не записывался.

Лиля покачала головой:

— Нет-нет. К тому же, у нас все, за редким исключением, на массаж приходят из тех, кто плавает и в бильярд играет. Это же как клуб, где люди проводят время.

— А те, про кого вы говорите, исключение?

— Там есть несколько детей, которых родители на лечебный массаж приводят. Стас же у нас известный специалист, — с гордостью напомнила она. — И ваш друг, кстати, и плавал, и на массаж ходил, и в бильярд играл.

Все по полной программе. А этот... высокий и с травмой — нет, таких не было ни разу. Во всяком случае, при мне.

— Понятно, — упавшим голосом произнес Влад. — Так где ваш магазин? Подвезу к крыльцу.

— Здесь, сразу за углом, — кивнула Лиля. — Я вас ничем не обрадовала, вижу.

— Да какая уж тут радость может быть. Друга не вернешь. Хочу найти того подлеца, который это сделал.

— Вы? Сами хотите найти? — в глазах девушки мелькнул неподдельный ужас. — Это же опасно! Разве менты не ищут?

— Может, ищут. Только не верю я никому.

— Вот это правильно. Тут я с вами согласна на все сто! Только самому искать убийцу... стремно как-то.

— Стремно, Лиля. Тут я с вами согласен. Но хотя бы попытаться, мне кажется, стоит. В рамках разумного.

— Ой, Владислав Петрович, только за эти рамки не высовывайтесь. Страшно мне за вас. Теперь ночь спать не буду.

— У такой молодой, красивой девушки должен быть крепкий и здоровый сон. Про меня не стоит думать.

— Так я не про вас. Я про блондина вашего буду думать. Я уже боюсь его.

Влад понял, что разговор зашел совсем не в то русло. Что называется, дал маху!

— Лиля, простите меня ради бога! — он рассмеялся, пытаясь придать беззаботности своему голосу. — Вы не так меня поняли. Тот блондин не представляет никакой опасности. Вот же сморозил глупость! Этот человек мне нужен, потому, что он владеет, возможно, информацией. Это сейчас сложно объяснить, я не хочу заморачивать вам голову. Короче, хочу найти его. Вот и спрашиваю у всех, кто так или иначе мог видеть Волошина в окружении других людей.

— А-а... ну да, я понимаю. Поспрашиваю наших, на всякий случай. Если что — позвоню вам. Дадите телефон?

— Ни в коем случае! — воскликнул Влад и тут же поправился: — Телефон, конечно же, дам. Только пообещайте мне, что спрашивать вы ничего ни у кого не будете.

— Вот здрасьти! Так про что мне звонить вам? Про погоду поговорить?

— А хотя бы и про погоду. Мне приятно будет поговорить с такой девушкой, — придав голосу томности, промурлыкал Влад.

Лиля рассмеялась.

— Нет, правда, Лиля, пусть телефон будет у вас. Вдруг вы увидите этого человека или случайно услышите от кого-нибудь про него? Только никому не говорите о нем, и про наш разговор тоже. Понимаете?

— Понимаю, конечно.

— Вот и хорошо.

Возвращался Влад в подавленном настроении. Было досадно, что его аналитические способности оказались гораздо ниже среднего уровня. И почему он решил, что блондин обязательно должен был появиться в бассейне? Всего лишь на том основании, что этот тип следит за ним и еще потому, что он был на съемочной площадке? Ну да, вроде как логичным завершением было бы его появление в «Кристалле». Но, увы! Туда он не заглядывал. Хотя отравлен Павел был именно там. Предположить, что Волошин, говоря о бассейне и массаже, имел в виду совсем не то, о чем подумали следователи — маловероятно. Хотя не исключено. Так, где же зацепка? Шприц! Это как раз очень веский аргумент в пользу версии, что убийца находился в этом здании.

Можно конечно предположить, что блондин проник в здание бассейна, минуя охранника и дежурную. Это как раз возможно. Но уколоть Волошину незаметно укол — это уже из области фантастики.

Про шприц, кстати, кроме Стаса никто не знает. Это хорошо, что улику не нашли при обыске, — неожиданно подумал Влад. Теперь хотя бы будут продолжать расследование. В противном случае, арестовали бы массажиста — и финита ля комедия. На это и был расчет у преступника.

Что ж блондин? Этот подонок болтается у него на шее, как плохо затянутая удавка. Правильный вопрос задала Лиза: что ты ему такого сделал? На первый взгляд ее слова выглядят наивно. Он с блондином не знаком. Стоп! Но это же вовсе не означает, что блондин не знает его! Возможно, что он сам того не ведая где-то перешел дорогу этому неудавшемуся каскадеру.

Бабки или бабы... Нет, второй вариант маловероятен. Тогда бабки? Так-так-так... а что, если его интересуют деньги, которые можно получить за срыв контракта на сценарий? Где гарантия, что вся эта мутотень со сценарием не задумана шайкой, в которой состоит этот урод? И какова его роль? Ага... роль его как раз может быть до смешного проста — мешать работать над сценарием.

Влад сжал руль и тихо выругался. Нет, все не то. Какой-то детский лепет. Он рассуждает, как обычный сценарист, писатель. Но то кино, а здесь — жизнь.

Он почти доехал до своего дома, когда мимо промчалась на большой скорости машина. Слепленный дальним светом фар, Влад резко снизил скорость и остановился. Его взгляд успел зафиксировать марку автомобиля — серебристая «Мазда». В голове тотчас будто щелкнуло: такая машина у Насти! Нет, номера он не видел и потому

никакой гарантии, но как-то сразу стало скверно на душе. Будто знак какой — не забывай, что за тобой следит твоя бывшая подруга. Именно об этом ему сказал сыщик, а он, что ни говори, профессионал.

До дома оставалось проехать всего один участок. Влад прикинул, что такую скорость машина не могла развить за столь короткий промежуток. Значит, «Мазда» трогалась не от его дома. Это уже лучше. Мало ли «мазды» ездят по дорогам... А что если...

По телу Влада пробежал легкий холодок. А ведь водитель явно не хотел, чтобы его машину узнали, иначе переключился бы на ближний свет и не ехал бы так быстро. Нет, не может быть, что это Настя. Это не ее манера езды. Влад начал приводить все мыслимые и немыслимые аргументы в пользу того, что это был обычный хам на дороге. Просто совпало, что он на серебристой «Мазде». Вот и все! Если видеть везде коварство, то скоро он начнет бояться собственной тени.

Влад приоткрыл окно и вдохнул полной грудью холодный воздух. Тронув автомобиль, он плавно подъехал к дому. Пока открывались ворота, взгляд Влада скользнул вдоль пустынной улицы. Он опять задал себе вопрос: откуда мчалась та машина? Вполне возможно, что с перекрестка. Повернула и разогналась. И что? Да ничего. Сколько сумасшедших ездят по дорогам? Уравновешенных гораздо меньше. А этих... не сосчитать.

Окна дома были ярко освещены. Предусмотрительно оставленный им свет сейчас лишь добавил тревоги. Яркий свет и тишина в комнатах плохо сочетались. Хоть бы собака какая гавкнула или кот вышел, лениво выгибая спину, — мысленно посетовал Влад. Он представил, как коротает долгие зимние вечера Герасимов со своей кошкой Василисой, и щемящее чувство вины перед всеми стариками сдавило ему горло. Почему так распорядился всевышний, что синонимами старости стали не только дряхлость и немощность, а еще и одиночество и забвение?

Он вдруг вспомнил, что взял фотографию у старика, но так и не предупредил его об этом. Надо срочно скопировать ее на телефон, а завтра прямо с утра вернуть на место, — решил он. Только бы не забыть!

Сидя на диване перед телевизором, Влад никак не мог сосредоточиться на сюжете фильма. Такого раньше никогда с ним не было. Он как профессиональный сценарист всегда быстро схватывал суть содержания любого фильма. Даже если сюжет был неинтересен ему, то само построение сценария всегда было для него чем-то вроде тренинга. Он начинал критиковать, находить сильные и слабые стороны работы. В общем, старался с пользой проводить время перед экраном. Сейчас же его мысли были далеки от творчества. Этот блондинистый шпион не выходил у него из головы. Костров...

Было довольно поздно. Но, поколебавшись с минуту, он все же взял в руку телефон.

— Майя, простите за поздний звонок...

— Здравствуйте, Владислав. Что-то случилось? — скороговоркой отозвалась женщина.

— Добрый вечер. Нет-нет, не беспокойтесь. Я, конечно, мог бы и до утра подождать...

— Не надо ждать. Я все равно ложусь поздно. А планы на утро лучше строить вечером.

— Да, как раз про планы. Я хотел у вас узнать, реально ли устроить встречу с домработницей Павлова? Точнее, я хотел узнать ваше мнение на сей счет. Вы с ней все-таки знакомы не один год. Так?

— С Галиной? Не один, конечно. Восемь лет эта женщина держала в своих руках дом Игоря. А когда бы вы хотели встретиться?

— Да хоть завтра. Я человек свободный, так что все в ваших руках.

— Хорошо. Я за ночь придумаю какой-нибудь повод прийти к ней. А завтра с утра позвоню вам. Обговорим детали. Идет?

— Майя, вы мой ангел-хранитель! — приложив руку к груди, простонал Влад. — Да, только есть один нюанс, — поспешно добавил он. — Я бы не хотел идти к ней домой. Вдруг Галина Кострова и Валерий Костров — родственники? То есть, я хотел сказать, что, скорее всего, они родня.

— Нет, про дом Галины и речи быть не может. Я сразу об этом сама подумала. Никаких неожиданностей нам не нужно.

— Не нужно, это точно.

— Влад, вы не думайте, что я уже отстранилась от этой дикой истории. У меня иногда, кажется, вот-вот голова треснет от мыслей. Все пытаюсь сопоставить хоть какие-то детали последних дней, чтобы появилась пусть даже самая микроскопическая зацепка. Увы...

— Спасибо вам. Я хотя бы не одинок в своих потугах. Верите, все чаще задаюсь вопросом: почему я, посвятивший много лет работе над сценариями остросюжетников, не могу разгадать — да что там разгадать! — даже на шаг приблизиться к пониманию этого преступления? Бездарь? Скорее всего.

— О чем вы? Бросьте это самобичевание! Когда пишете вы, а пишете просто изумительно — это я не для комплимента говорю, — вы руководствуетесь своим замыслом. А то, что случилось с близким нам обоим человеком, задумал преступник. Реальный, жестокий, с воспаленным мозгом извращенец. Я это по-другому не могу назвать.

— Извращенец с воспаленным мозгом? Я как-то все искал простые, такие жизненные причины.

— Даже если причины, как вы сказали, простые и жизненные, то убивать человека — действие глубоко противоестественное. Ну, это на мой, чисто женский взгляд.

Поднялся Влад по будильнику, довольно рано. Теперь он, как человек обремененный заботами о кошке и ее хозяйине, старался планировать свой день. И в этих планах под номером один был ранний подъем. Стоя под густыми струями душа, он напевал себе под нос песню о желтой субмарине. Каким ветром занесло в голову мелодию Маккартни, он объяснить не мог, но песня преследовала его полночи, когда он, ворочаясь с боку на бок, безуспешно пытался уснуть. Утром она вроде бы бесследно выветрилась из головы. Но стоило только ему включить душ — и назойливый припев тут как тут! Никак вода навевала.

Его мурлыканье прервал звонок мобильного. Выключив воду, он набросил полотенце и выскочил из кабины. Интересно, подумал он, кому понадобился сценарист Семенов в такую рань?

— Алло...

— Владислав Петрович, это я, Лиля.

Голос девушки звучал глухо, как будто через вату.

— Здравствуйте, Лиля. Что у вас с голосом?

— Да так, простудилась немного. И потом, не хочу говорить громко...

— Так, слушаю внимательно. Что-то случилось? — Владу почувствовал, как учащенно забилось сердце. Не звонит же девушка в такое время, чтобы поговорить о погоде!

— Знаете, я всю ночь не спала, думала про все это... — она замолчала.

Влад задыхался ровнее. Он еще раз пожалел, что впутал в свои дела Лилю. Теперь придется по утрам и вечерам развеивать страхи этой юной особы.

— Лиля, успокойтесь. Вы слишком впечатлительны. Я уж было подумал, что произошло очередное ЧП в вашем «Кристалле».

— Извините, я, наверное, разбудила вас. Время для свободных художников еще совсем раннее.

— Нет, что вы — восемь утра мое любимое время, — стараясь не иронизировать, произнес Влад. — Так что вас обеспокоило?

— Понимаете, Владислав Петрович, я вдруг подумала, что этого человека, про которого вы спрашивали вчера, вполне может знать та женщина, которая часто приходила к нам с вашим другом.

— Женщина? — эхом повторил Влад.

— Ну, вы же, наверное, знаете знакомых вашего друга. Или он такой дальний друг...

— Погодите, Лиля! — прервал ее Влад. — Давайте по порядку. Что за женщина, что она делала у вас? Возможно, что я ее знаю. Сразу ведь не поймешь.

— Ну, назвать ее имя я вам не могу. К сожалению.

— Почему? Разве в бассейн ходят без документов? Никак не фиксируете своих клиентов?

— У нас с этим порядок. Без паспорта мы никому не продаем абонемент в бассейн. На массаж Стас тоже людей записывает со всеми адресами и так далее. Но что касается бильярда, то здесь чисто за оплату. По часам. Понимаете?

— Все предельно ясно, — коротко оборвал Влад. — Итак, как выглядела эта женщина?

— Хорошо выглядела. Симпатичная такая. Среднего роста. Как-то я, честно скажу вам, не присматривалась сильно. Она ярко красилась. Потому, может, и показалась мне симпатичной...

— Ну, допустим. Цвет волос? Как-то же я должен сориентироваться?

— Волосы темные, гладкие такие, средней длины. Еще пальто у нее было красивое — светлое и большой пушистый воротник. С темными волосами хорошо сочетается. Ой, я бестолково объясняю, наверное. Если бы знать... а так я все больше на одежду и макияж смотрю...

Влад уже не слушал ее. Лиля описала ей Настю. Ее волосы и, главное, это пальто, которое так нравилось Владу, но почему-то Настя говорила, что ей неудобно в нем в машине. Предпочитала неприметные спортивного покрова курточки.

— Але... Владислав Петрович... вы здесь?

— Да-да, — встрепенулся Влад. — Просто задумался. Спасибо вам огромное. Поговорю с родственниками, вполне может быть, что они подскажут, — пространно выразился он.

— Ага. Поговорите. Побегу на работу.

Влад сидел на диване перед негромко работающим телевизором и упорно смотрел на темный дисплей давно погасшего телефона. Паша ходил на бильярд с Настей? Нет, такого быть не может. Она бы сказала ему. А если все-таки она? Что за тайные дела были у нее Павлом? И как это связано с гибелью Волошина...

Он нервно запустил телефон по столу. Проскользив по всей столешнице, каким-то чудом аппарат притормозил у противоположного края. Тут же молнией пронесся в голове голос детектива: «Ваша девушка следует за вами по пятам». И еще эта серебристая машина вчера... Чертовщина! Настя, Настя, в чем твой

проблемы? Почему наши пути разошлись в такой неподходящий момент? Хотя, неподходящий он, скорее всего, для него. А для Насти...

Он открыл холодильник и какое-то время пытался сосредоточиться на проблемах насущных, на завтраке. Ничего не сообразив на сей счет, он захлопнул дверцу. Заварив кофе, вновь открыл холодильник и вытащил тостовый хлеб и ветчину. Забравшись на высокий стул, Влад принялся отщипывать по кусочкам хлеб. Задумчиво глядя в пространство перед собой, он пытался перевести свои мысли в спокойное русло. Ну почему сразу Настя? Против нее есть только один неоспоримый аргумент — слова детектива. Если отбросить их, то ничего криминального... Пальто. Его любимое. В конце концов, таких пальто может быть великое множество. А если и не великое, то все равно это не эксклюзив. Темные волосы? Ну, тут вообще смешно даже говорить на эту тему. Все люди делятся на светловолосых и темноволосых.

Влад машинально откусил кусок ветчины и залпом выпил остывающий кофе. Все, завтрак закончен. Пора идти по делам. Только ноги словно приросли к полу. Ну как же так? Он попытался прояснить ситуацию с Волошиным, а получил на голову, если можно так выразиться, оползень в виде какой-то там еще женщины. Это никак не вписывалось в конструкцию, которую он построил. Лилин рассказ все путает. Если с блондином он опирался на версию про бабки, то тут — нате вам! — выскочили бабы. Еще вчера ему казалось, что он потихоньку начал взбираться на гору за истиной, и вдруг сегодня его одним пинком сбросили вниз. Уж впору подумать, что это роковое стечение обстоятельств, и что его проблемы никак не связаны с Артемом, Павлом и режиссером. Как в дурном сне! Каскадер — его персональный злодей. А у Волошина для этих целей имелась некая дама. Кого же пригласили на роль убийцы Павлова? А что если всем тут заправляет пропавший Артем Соколов? Чем не вариант? «Господи, прости дурака», — Влад перекрестился.

Майя позвонила в тот момент, когда он подъехал к дому Герасимова.

— Влад, это я беспокою.

— Рад вас слышать. Что у нас хорошего?

— Я сегодня встречаюсь с Галиной у дома Павлова. В его жилом доме, я имею в виду.

— Прекрасно. Как мне вписаться в вашу встречу?

— Пойдем простым путем. Ничего заковыристого я придумать не смогла. Так что вы просто подойдете к моей машине, когда я там буду ждать Галину. А потом уже будем импровизировать по ходу действия. Ключи от дома пока еще у Костровой. Опечатали только ту его квартиру, где он был убит. Так что к двум часам буду вас ждать. У меня там остались кое-какие вещи, и Галина знает об этом.

— Отлично. До встречи, — с деланным энтузиазмом сказал Влад и отключился.

На самом деле он вдруг потерял всякий интерес к этому Валерию Кострову. Ну следит он за ним, и что? Мешает писать сценарий? Да пропади он пропадом! Цена вопроса какая-то жалкая квартира... Его дети, слава Богу, не на улице живут. И на кусок хлеба он себе и детям рано или поздно начнет зарабатывать. Неизвестно откуда появившаяся во всей этой истории женщина его сейчас волновала куда больше. С женщинами всегда сложнее. Они пришли на Землю, чтобы управлять мужчинами, — так сказал ему когда-то безвременно почивший режиссер Павлов. Их слова и мысли часто расходятся в противоположные стороны. И стоит тебе попасть под их влияние, наставлял он, как ты окажешься в болоте, где каждый неверный шаг будет стоить тебе жизни. Сейчас эти слова казались Владу не просто пророческими, они наталкивали на мысль, что продюсер пережил нехилую личную драму. Недаром он доверился какому-то там медбрату...

В кабинете у Герасимова, где Влад предавался мрачным размышлениям и воспоминаниям, было тепло и уютно. Василиса безмятежно спала у него на коленях, изредка вздрагивая. Кошка, чувствовалось, соскучилась по своему хозяину, по человеческой ласке. Едва притронувшись к еде, она поднялась на второй этаж и некоторое время, пока Влад вставлял в рамочку снимок, молча сидела, уставившись в окно. Стоило ему опуститься в кресло, Василиса в то же мгновение запрыгнула к нему. Влад понял, что так они со стариком частенько коротали дни. В углу стола, у самой стены, в тени плотной шторы, неприметно лежал ноутбук. Скорее всего, Герасимов общался со своими детьми по скайпу, а может, даже блудил по просторам интернета.

Влад подъехал на встречу немного ранее назначенного времени. Однако Майя уже стояла возле своей машины и разговаривала с высокой худощавой женщиной. Увидев Владу, она рукой поманила его к себе.

— Познакомьтесь, Галина. Это Владислав Семенов, сценарист. Работал с Игорем много лет. — Майя силой притянула его к себе поближе и широко улыбнулась.

— Здравствуйте, — коротко кивнул Влад. — А вы, как я понял, та самая Галина, хранительница очага в доме маэстро.

— Можно и так сказать, — грустно усмехнулась женщина. — Здравствуйте, Владислав. Рада познакомиться с известным сценаристом. Жаль, что при таких печальных обстоятельствах.

Если бы довелось встретиться с этой женщиной где-нибудь в другом месте, Влад никогда бы не подумал, что она простая домработница. Галина была миловидной блондинкой с безупречной прической, стройной, со вкусом

одетой еще достаточно молодой женщиной. Как говорят в народе — дама не из простых. Где смог откопать Павлов себе такую работницу — большая загадка.

— Галя, ты меня извини, но я сама пригласила Влада приехать сюда, — вступила в разговор Майя, крепко сжав локоть Владу. — Он давно интересовался, как забрать свои бумаги, которые, возможно, остались где-то в доме у Игоря.

Галина вскинула взгляд на крышу дома, затем кивнула:

— Да, конечно, Майя. Если что-то есть ваше, то лучше забрать. На днях родственники приедут, и я сдам ключи. Пойдемте же в дом, что мы стоим?

Влад никогда не был у продюсера в доме. Вся работа и небольшие вечеринки проходили в квартире-студии. Места там хватало для всех. А эта часть жизни Игоря Павлова была для него тайной за семью печатями.

Обстановка дома несколько шокировала Влада. Он никогда раньше не пытался понять или анализировать внутренний мир режиссера. Каким он был в обычной жизни, о чем думал, о чем мечтал или переживал — эта сторона личности Павлова не то чтобы была ему безразлична, она была закрыта панцирем. Такой панцирь есть у каждого артиста, художника, писателя, режиссера... Это, как ему казалось, необходимый атрибут представителя богемы.

Влад стоял на пороге гостиной в полной растерянности. Предельно простая обстановка, лаконичный интерьер, идеальный порядок и обилие книг в высоких стеллажах — все это было будто бы из чужого сценария. Мелькнула мысль, а не дурят ли его Майя с Галиной? Разве в таком доме мог жить Игорь Павлов — человек, обладавший крутым нравом, известный сердцеяд и циник? Он вдруг почувствовал, как у него наворачиваются слезы на глаза.

— Я пойду, заварю нам чаю, — мягко произнесла домработница. — А вы проходите, Владислав, не смущайтесь. Майя, я ваши вещи сложила в пакет. Там, в кабинете. Посмотрите заодно, что там из бумаг есть нужное.

Галина вышла. На плечо Владу опустилась рука Майи.

— Вижу, вы удивлены. Я так и думала.

— Почему?

— Вы считаете, я могла бы полюбить такого человека, как Павлов? Такого, каким его знали все вы, кто с ним работал? Нет. Настоящий Павлов жил здесь. Простой, мягкий человек. Очень тонкий и образованный. Когда мне приходилось бывать в этом доме по работе, я будто окуналась в другой мир, и мое сердце таяло. Но потом словно наступало утро, а с ним разочарование — это наши встречи там, в студии. Это были два разных человека. Теперь уже и говорить, и думать об этом не имеет никакого смысла. Но, поверьте мне на слово, это была личность. Незаурядная, яркая. Хотя, я уверена, что Игорь был несчастлив в личной жизни. Все эти мимолетные связи и скандалы... так, мишура. Видать, не нашлось женщины, которой бы он поверил. Вот так...

В гостиную вошла Галина с подносом.

— Вы оба за рулем. Поэтому давайте хотя бы просто посидим, с чаем, поговорим немного об Игоре. Помянем его светлую душу.

Видно, для Галины смерть Павлова была личной трагедией, — почему-то подумалось Владу. И хотя он видел эту женщину впервые, все-таки не мог не заметить на ее лице печать глубоких страданий: кожа, покрытая восковой бледностью и черные тени под глазами. Она разлила по чашкам чай, и после короткой паузы добавила:

— У меня, наверное, никогда не получится смириться с его смертью. Кому он мог помешать? Говорят, он был резким на работе... Не знаю, могло ли это послужить причиной? — она вскинула глаза на Майю.

— Не надо искать причины, Галя. Вряд ли нам это под силу. Надеюсь, что когда-нибудь это станет известно всем.

Домработница тяжело вздохнула и со скепсисом посмотрела на Влада.

— Вы тоже считаете, что убийцу найдут?

Влад съехал под ее взглядом.

— Не знаю... но очень надеюсь. Хотя, если честно, я сейчас в таком состоянии, когда ощущения меняются каждый час. То я полон уверенности, то нападает чувство безнадежности. У нас с Игорем Ивановичем были большие планы...

— Вот так... кто-то взял и разрушил ваши планы. И мои тоже...

Галина скрестила руки на груди и отвернулась к окну. Возникла неловкая пауза. Влад с Майей переглянулись. Галина тряхнула головой, словно пытаясь сбросить тяжесть воспоминаний.

— Нет-нет! Вы не подумайте, — она поерзала на стуле, — я вовсе не о своем благополучии пекусь. Игорь Иванович хорошо мне платил и теперь я могу спокойно прожить без работы еще не один год. Хотя молва разносится быстро, и телефон звонит по несколько раз в день. Все приглашают к себе на работу. Как сказал бы Павлов — пиар случился... Но у меня есть сын, Валера...

Галина замолчала, опустив вниз голову, а Влад почувствовал, как сотни колокольчиков застучали у него в висках. Так громко, что даже, как ему показалось, это услышала Майя — она смотрела на Влада совершенно ошалелым взглядом.

— Мой сын доставил мне немало хлопот в жизни. Я тащила его на своей шее все тридцать лет. Сначала играл в карты. На деньги, само собой. Проигрывался вчистую. Учился в физкультурном институте. Выгнали за прогулы занятий. Затем занялся гонкам на автомобилях. Знаете, эти ночные гонки, запрещенные которые. Там у него дела шли неплохо. Хотя я умоляла его не гонять — жизнь дороже. Кому нужны такие деньги? — Она бросила короткий взгляд на своих собеседников и вновь замолчала.

Влад нервно мямлил руки под столом. Майя взяла обеими руками чашку и поднесла ко рту, но отпивать не стала, лишь коснулась губами края.

— Ой, что же вы сидите... Владислав, возьмите хотя бы сыр! И пирог черничный вкусный, вчера вечером пекла. Как знала, что вы придете. Майя, попробуйте...

— Спасибо, Галя. Вы мастерица известная. Для Павлова с его характером — просто находка.

Домработница усмехнулась, кивнула головой:

— Да, про характер вы верно подметили. Меня Игорь никогда не обижал. Но, думаю, это потому, что я в свою очередь никогда не напрягала его своими проблемами. Как бы ни было трудно, я не подавала виду. Все в себе носила. Возможно, зря я это делала.

Влад, немного придя в себя, осторожно стал подталкивать женщину к откровению.

— Зря, конечно. Надо было обратиться к Павлову. Я просто уверен, что он подыскал бы для вашего сына работу поспокойнее, чем гонки. На студии с такими навыками люди всегда нужны.

— Вы прямо сорвали у меня с языка! — воскликнула Галина. — Да, не обратилась, когда надо было. А потом Валера таки разбился на своих гонках. И все его заработки ушли на лечение. На ноги его врачи поставили, а вот лицо порезано — это нужна пластика. Опять деньги, которых нет. Но меня удивило то, что после этой аварии в нем будто что-то надломилось. Он стал спокойным, заботливым сыном. Я не могла поверить сама себе! Неужели для этого надо было пройти через беду?

— Как раз так и бывает в жизни, — обронила Майя.

— Но я, собственно, к чему весь разговор затеяла, — ее лицо болезненно дернулось, она шмыгнула носом и продолжила: — Валера сам обратился к Павлову. Представляете?

Майя с Владом дружно издали удивленный возглас. Женщина воодушевленно продолжила свой рассказ.

— Игорь Иванович, царствие ему небесное, сам мне рассказал об этом. Звонил, говорит, твой сын. Что ж ты молчала, что парню помощь нужна? — Галина пожалала плечами и улыбнулась. — Вы же кино ставите, — ответила я, а сын мой гонщик бесшабашный. Не артист, одним словом. Так мне в кино всякой твари по паре бывает нужно, — возмутился он. — К тому же, как я понял, парень умеет делать массаж, уколы. А я человек старей, больной...

Влад едва не поперхнулся.

— Простите, — кашлянув, поинтересовался он, — Игорь Иванович действительно болел?

— Да нет, не думаю, — мотнула она головой. — Валера рассказал ему, что в институте у них была спортивная медицина. Короче, выложил Павлову про все свои таланты разом. До сих пор не могу понять, как он осмелился? А тот, наверное, захотел поддержать Валеру и попросил сделать ему курс массажа. Ну, массаж — это такая вещь, которая никому не повредит, сами понимаете. Уколы потом еще придумал. Витамины, я видела коробочки. Еще говорил, что попробует его как каскадера. Но тут я, правда, умоляла отказаться от этой затеи. Слез мне и так хватило. Все в моей жизни вроде стало налаживаться. А теперь все рухнуло, хочешь плачь, хочешь вой...

Покинув дом продюсера, они сели по своим машинам и, проехав немного, остановились как по команде. Влад пересел в автомобиль к Майе.

— Влад, как хорошо, что вы остановились, — она вытянула дрожащие пальцы. — Я едва держала руль. Как вы догадались, что этот каскадер замешан в смерти Игоря?

— К сожалению, тут все только на уровне догадок, весьма туманных, — Влад откинулся на спинку сиденья и потер кулаками глаза. — Мы с вами сегодня выяснили только один, к сожалению, не очень существенный момент — наш маэстро действительно пользовался услугами молодого человека. Отсюда и слухи.

— Хотите сказать, что он совсем не при чем? — разочарованно протянула Майя. — Но все это как-то очень странно, очень... Неужели меня подводит интуиция?

Влад почувствовал смертельную усталость, как если бы он гнался за чудовищем, а это оказалась лишь тень от скомканной газеты.

— Думаю, что очень даже при чем. Но, посудите сами, про всякие там массажи и уколы, скорее всего, полиция знает. Иначе Галина не рассказала бы нам всю эту историю про несчастного мальчика. Ее допрашивали — я уверен в этом.

Майя покосилась на Влада и осторожно поинтересовалась:

— Но вас что-то поразило в рассказе Галины, ведь так?

Влад тяжело вздохнул и кивнул:

— Да. Поразили простые ответы на сложные для меня вопросы. И это пугает.

Повисла пауза. Через минуту Влад повернулся к женщине и наткнулся на вопрос в ее глазах.

— Майя, поймите меня правильно — я сейчас наговорю вам всяких пугалок и страшилок, а на самом деле все опять окажется до смешного банально.

— И все-таки, Влад...

— Хорошо, хорошо... В конце концов вы имеете право знать...

Влад загнулся. Он невольно пересек черту, за которую ему ни при каких обстоятельствах не хотелось заводить других людей.

— Меня напрягает один момент, — начал он выдавливать из себя слово за словом. — Этот сынок Костровой по какой-то причине преследует меня. И что-то мне подсказывает, что о визите к его маменьке он знал, едва только мы вошли в дом. Он идет шаг в шаг следом за мной. Я то и дело вижу его машину в диапазоне нескольких десятков метров от себя. Понимаете?

Майя удивленно подняла брови.

— Да как-то не очень. Что значит преследует? Вы не пытались узнать?

— Пытаюсь. Пока не получается. Или вы имеете в виду, что я должен подойти к нему и спросить об этом?

— Не знаю, Влад, но это ужасно. Что, в конце концов, происходит...

Она взволнованно задышала и потеряла виски.

— Я понимаю, что складывается довольно странная ситуация, — медленно произнесла она. — На месте убийства вы оказываетесь именно в тот момент, когда туда уже ехала полиция... потом этот сценарий, разбросанный по полу... а сегодня вот узнаем, что Костров близко контактировал с Павловым, и почему-то он преследует вас...

Майя подняла кверху указательный палец:

— Стоп! Влад, а что если объяснение на самом деле тоже очень простое?

— В смысле? — нахмутив лоб, спросил Влад.

— А почему не рассматривать версию, что этот Костров на самом деле занимается поиском убийцы режиссера? И вы, по его мнению, причастны к этому из-за творческих разногласий, к примеру. Не в его интересах была смерть Павлова. Игорь занялся устройством дел этого Валеры. А какой вменяемый человек будет рубить сук, на котором сидит, а?

Влада обдало жаром. Случилось то, чего он боялся больше всего: Майя сформулировала вполне жизнеспособную версию убийства Павлова.

— Я???

— Господи, Влад, я же не про вас сейчас говорю! Парень звезд с неба не хватает, лишился заработка, вот и решил поиграть в сыщика. И вы для него очень доступная мишень...

— Нет! И еще раз нет! — замахал руками Влад. — Увы, спешу вас огорчить, но так он не думает!

— Так, предположим. Но откуда такая уверенность? Вы же с ним не знакомы лично? — Майя прищурила глаза и загадочно усмехнулась.

— Черт возьми, Майя, вам бы следователем работать...

— Нет. Психологом. Вы мне что-то недоговариваете, и меня это напрягает. Я не могу попасть на одну волну с вами. К чему тогда весь этот разговор?

Влад опустил голову, побарабанил пальцами себе по коленям и сдался:

— Почему, спрашиваете, я так в этом уверен? По одной простой причине: Костров нацелился на меня еще до гибели Павлова. Я был в ресторане, буквально за пару дней до гибели Павлова, где впервые столкнулся с Костровым. Он намеренно опрокинул столик, за которым я сидел. Зачем он это сделал? Это для меня загадка по сей день.

— Даже так... ну, тут мне сказать нечего. А потом? Как разрешился тот инцидент?

— Подрались нам не дали. Растащили. Хотя по удару мы друг другу успели нанести. Потом меня отвели к администратору, прикладывали лед к уху. Я же тогда не мог предвидеть, как пойдут развиваться события. Короче говоря, он меня сильно невзлюбил за что-то, — Влад вдруг рассмеялся. — Нет, в самом деле, в это и поверить сложно, и понять невозможно. Даже смешно делается...

— Один французский писатель верно подметил, что смех защищает от страха, — сказала Майя.

Влад перестал смеяться и мрачно добавил:

— Да. Роже Кайуа. Ну что ж, пожалуй, нам пора разъезжаться.

— Не пропадайте, Влад.

— Постараюсь, — он вышел из машины, махнув на прощанье рукой.

Он пытался ни о чем сейчас не думать. Ехал не быстро, словно растягивая удовольствие от вождения. Встреча с Галиной Костровой окончательно вывела его из равновесия. Было ясно, что он не замечает какой-то важной и очевидной детали. Она ускользает из его поля зрения, как короткая вспышка метеора. Вроде была, голову повернул — уже пропала. Надо расслабиться, отпустить проблему, — уговаривал он себя. Однако расслабиться не получилось. Еще не доезжая до дома, он заметил что-то странное на калитке — будто старое черное платье забросили наверх.

Влад стоял перед калиткой и с дотошностью сумасшедшего разглядывал висевшую связку мертвых ворон. Вначале ему даже показалось, что они живые, однако вскоре понял, что это ветер создает иллюзию движения. В горле будто застряла холодная жаба, он судорожно сглотнул и сделал несколько глубоких вдохов, затем вставил ключ в замок. С внутренней стороны калитки свисал кусок кирпича. Видать, для противовеса ворон не хватило. Влад перебросил кирпич через верх, и вся конструкция упала на землю.

Что ж, — мысленно произнес он, — намек понял: пора сваливать отсюда. Вопрос — куда... Он не стал загонять машину во двор и, заперев за собой калитку, прошел в дом. Было жаль расставаться с этим убежищем. Точнее, с пристанищем. Всего несколько дней, прожитых здесь, стали для него особенными. Он чувствовал, что ему будет не хватать этой особой ауры, что царит в доме Плещеевых. Случись ему жить здесь при других обстоятельствах — сценарии рождались бы один за другим. Увы, этому не суждено сбыться...

Он подумал про Лизу. Вдруг она решит сюда приехать? Сейчас это особенно опасно!

Едва услышав ее тихое «да», Влад торопливо проговорил:

— Лиза, это я. Хочу предупредить, чтобы ты в Заречный не приезжала.

— Не поняла... каком смысле? Сегодня я не планировала поездку, у меня другие дела. Если только завтра...

— Нет. Ни завтра, ни послезавтра!

Голос Лизы стал тусклым, она почти прошептала:

— Да, хорошо. Ни завтра, ни послезавтра...

Чертыхнувшись, Влад поспешил прояснить ситуацию:

— Я, наверное, не так выразился. Извини. Просто хотел сказать, что сам отсюда уезжаю. Завезу тебе ключи сегодня вечером.

— Ключи? К чему такая спешка?

— Спешки никакой нет. Я могу их привезти в любой день. Просто ставлю тебя в известность, что меня здесь не будет. А тебе одной, мне так кажется, здесь делать нечего. Я все тщательно закрою, и волноваться тебе не о чем.

— Понятно... все-таки этот тип опять крутился возле тебя, так?

— Это уже не так важно...

— Нет, как раз это — очень важно!

— Лиза, я не видел сегодня блондина. Клянусь! Но кто-то — он или другой человек — выдавливают меня из Заречного. У меня есть все основания полагать, что это все тот же пресловутый блондин. Хотя и не факт. Конечно, мне очень хотелось бы разобраться, почему мое присутствие здесь так раздражает его...

— Как ты сказал? Выдавливают? Признавайся, что случилось.

— Я уже уезжаю. Так что беспокоиться не о чем.

— Нет, ты не можешь так поступить со мной! — возмутилась Лиза. — В конце концов, это я тебя сюда

привезла и потому имею право знать, что там происходит!

— Да-да, Лиза, имеешь полное право... — Влад от досады постучал телефоном себе по лбу. — Кто-то подкинул под калитку дохлую ворону. Мелочь, на самом деле. Но неприятно.

— Ворону? Может, коты притащили?

— Может и коты, — тут же согласился с ней Влад. — Но я не хочу, чтобы мы встречались здесь. По-моему, в твоей квартире или у меня — это намного безопаснее. Для тебя в первую очередь. Я не прощу себе, если с тобой что-то случится.

— Хорошо, Влад. Тогда не откладывай свой отъезд. Если помнишь, я как раз об этом просила тебя вчера. Ключи отдашь мне завтра. Созвонимся.

Она отключилась. На душе стало тоскливо. Влад почувствовал себя старым, никому не нужным, бездомным котом, таскающим от безысходности дохлых ворон по улицам, пугая редких прохожих. Сейчас он поднимется наверх, будет забрасывать свои вещи в сумку, а потом... Он прикрыл ладонями глаза, сидел, прислушиваясь к мягкому теплу, исходящему от рук. Хотелось спрятаться в этой тьме, как в омуте. Почему ему все время приходится убегать, бояться, заключать какие-то дьявольские сделки на никому не нужные сценарии и, главное, безуспешно ломать голову над преступными шарадами. Волошин и Павлов, интересно, успели узнать разгадку? Теперь им, правда, все равно...

Спустя час он сидел в машине. Звук работающего двигателя требовал решения. Куда ехать? К себе домой? Его там никто не ждет. Эта мысль сводила его с ума. Впервые за все дни, что последовали за его роковым тридцатитрехлетием, Влад задумался о семье. Только он сейчас как прокаженный — рядом с ним находиться небезопасно. Даже бедолаге Льву досталось ни за что ни про что. Что уж говорить обо всем прочем... Интересно, если бы он сделал Лизе предложение? Влад почувствовал, как его сердце затрепетало от этой мысли и ухнуло куда-то вниз.

Он выехал на перекресток и притормозил, пропуская встречный поток машин. Герасимова должны завтра выписать, надо бы встретить старика, привезти его домой, отчитаться за кошку и сдать ключи. Черт побери, у него столько дел, а он как трусливый заяц улепетывает в свою городскую резиденцию! Проехав до ближайшего магазина, Влад купил продукты и направился к дому Герасимова.

Вечер они с Василисой коротали в кабинете хозяина. Семен Семенович ни секунды не раздумывал, когда Влад попросил разрешения остаться у него на ночь якобы из-за проблем с отоплением в доме Плещеевых. Это была совсем уж детская отговорка, Влад даже покраснел, когда мямлил в трубку.

— Владислав! — воскликнул старик, — даже не размышляйте. Немедленно переселяйтесь ко мне. Заодно поднимитесь на третий этаж, в гардеробную, там прихватите мое серое пальто и еще трость, стоит в прихожей — все это привезите мне завтра. Ох, даже не знаю, чем отблагодарить вас! Да, ключ от выхода в башню лежит в верхнем ящике письменного стола. Это так, если вдруг интересно станет взглянуть. Только потом не забудьте запереть.

— Все сделаю, Семен Семенович, не волнуйтесь. Главное, что эскулапы, наконец, отстанут от вас.

Он просматривал свои наброски мелодрамы, устроившись в углу дивана. Василиса забралась на спинку и оттуда с демонстративным безразличием смотрела на экран монитора.

— Да, Вася, дела дрянь — ни одной стоящей страницы, — обернувшись к кошке, произнес Влад. Василиса прикрыла глаза.

— И мои б глаза не видели, — со вздохом согласился он с ней.

Некоторое время он сидел неподвижно, предаваясь воспоминаниям о тех временах, когда работа спорилась, когда их роман с Настей был на самом пике...

Из задумчивости его вывел звонок телефона. Он невольно вздрогнул, а Василиса тут же соскочила на пол. Звонила Лиза.

— Влад, как дела? Ты где сейчас?

— Все в порядке. Не волнуйся. Что-нибудь случилось? Голос у тебя взволнованный.

— Голос? Нет, ничего не случилось. Просто подумала о тебе и решила позвонить. Ты уже у себя дома?

— Да...

— Как-то неуверенно ты говоришь, — в голосе Лизы чувствовалась растерянность.

Влад вдруг подумал, что, возможно, она сейчас находится где-то рядом с его домом.

— Нет, Лиза, все в порядке. Из Заречного я уехал. Но решил навестить своего приятеля по киношному цеху так что не знаю, вернусь домой, скорее всего, завтра. После спиртного, сама понимаешь, за руль как-то не хочется садиться.

Успокоив Лизу, он решил собрать вещи для завтрашней поездки в больницу. Поднявшись на третий этаж, он прошел в гардеробную, отыскал серое пальто и перекинул через руку. Кроме гардеробной, которая занимала довольно приличное помещение, на этаже было еще три пустых комнаты и большой санузел. Возле лестницы —

темная лакированная дверь, запертая на замок. Очевидно это была та самая дверь, ключ от которой лежал в письменном столе.

Около десяти вечера он решил соорудить себе незамысловатый ужин в виде яичницы с ветчиной и чашки чая. Влад рассчитывал, что сытость придаст ему спокойствия. Однако необъяснимая тревога все больше разливалась по душе. В какой-то момент он готов был собрать вещи и уехать в город, но потом оставил эту затею, понимая, что причина душевного разлада кроется в другом: он совершенно не контролирует ситуацию. Все его потуги привести к какому-то общему знаменателю кошмарные события последних дней — терпят неудачу за неудачей. Загадочные кукловоды дергают за ниточки и потешаются над его беспомощностью. Но так не может продолжаться вечно, что-то должно произойти...

Он вышел на крыльцо, закурил сигарету. Таким образом он решил заглушить голод общения. Бесконечные мысленные диалоги с самим собой стали вызывать тошнотворное чувство отчаяния и одиночества. Нашупав в кармане мобильник, Влад, немного поколебавшись, набрал номер Насти, хотя совершенно не знал, о чем он сейчас будет с ней говорить. Надо послушать ее голос, решил он. Или прикинуться наивным простачком и спросить, почему она за ним следит? Гудки шли за гудками, давая ему шанс уйти от разговора, и когда, наконец, на том конце раздалось «алло», он резко нажал на отбой. Голос был мужской...

Влад почувствовал, как в лицо ударила кровь. Не отдавая себе отчета, зачем он это делает, Влад повторил попытку, однако в этот раз бездушный робот ответил, что аппарат выключен или находится вне зоны.

Потушив сигарету, он вернулся в дом и какое-то время метался, будто пойманный зверь в клетке. Он не знал, чем себя занять, куда пойти, кому позвонить. Отыскав в дорожной сумке начатую бутылку виски, он дрожащей рукой налил в стакан янтарный напиток и жадно залпом выпил. Влад прикрыл глаза, прислушиваясь, как по телу растекалось живительное тепло и натянутые, как струна, нервы нехотя начали расслабляться. Завтра, решил он, надо просто пойти к Насте на работу и поговорить с ней, глядя в глаза.

Чтобы как-то себя отвлечь от мрачных мыслей, Влад взял из стола ключ от башни. Тут же возник вопрос: в левую башню есть вход снизу и из дома, с третьего этажа, а что же вторая башня? Так, не пришей кобыле хвост? Скорее всего, именно так. Прилепили для симметрии, а как дальше — жизнь покажет.

Он открыл дверь, нащупал рукой выключатель. Гулкий щелчок разнесся эхом по пустой башне. Узкая винтовая лестница из металла вела наверх, а вниз спуститься можно было по обычной, достаточно широкой деревянной лестнице. Сейчас было понятно, почему Герасимов запирает на замок эту дверь — неудобно чувствовать рядом такое большое, плохо просматриваемое помещение. Спускаться вниз он не стал, решив посмотреть лишь верхнюю часть башни. Поднявшись по винтовой лестнице, он оказался на площадке с множеством окон, возле одного из которых стоял телескоп и рядом — специальный складной стул.

Влад невольно улыбнулся. Телескоп — мечта его детства. Только в городской квартире наблюдать за звездами не получится, здесь нужен прозрачный загородный воздух и еще вот такая башенка! Он сразу простил все архитектурные промахи строителям и хозяевам. Как жаль, что сейчас пасмурно...

Присев на стул, он глянул в глазок объектива. Небо было, что называется, закрыто для просмотра. Тогда он изменил угол обзора и был приятно удивлен, что в системе был оборачивающий окуляр, который позволял рассматривать улицы и дома не в перевернутом виде. Дом, который он покинул, можно было бы рассмотреть детально, если бы не во дворе горели фонари. Переставив прибор к противоположному окну, он увидел параллельную улицу, ту, на которой находилась бывшая дача Герасимова. Вот он, странный заброшенный дом, в котором... тускло светились окна!

Влад невольно отпрянул от объектива: что за чертовщина! Дом, оказывается, обитаем?! Ему тут же вспомнились странные звуки, исходившие, как ему тогда показалось, откуда-то из недр дома. Он вновь осторожно прильнул к трубе, но, к сожалению, в окна заглянуть не получалось. О том, что в доме горит свет, он мог судить лишь по отблескам на земле. Во дворе дома было пусто, вот та самая беседка, за которой он прятался, а дальше, за ветхим забором, виднелась машина. У Влада гулко застучало сердце — это был черный Фольксваген Поло. Это что ж получается — блондин скрывался в этом доме? Не зря Лиза беспокоилась и просила его уехать из поселка, она просто чувствовала, что ему здесь небезопасно!

Во рту пересохло, в висках стучало. Влад сделал несколько кругов вдоль окон, затем вернулся к прибору и глянул еще раз на дом, но никаких изменений не увидел: все так же горел свет в окнах, и машина Кострова никуда не исчезла.

Он не стал анализировать ситуацию или просчитывать какие-то там риски, он сразу принял решение идти к дому. Заперев выход в башню, Влад быстро сбежал по лестнице вниз. Уже стоя возле входной двери, ему вдруг стало страшно. Что будет, если он не вернется сюда? Никто и не будет знать, где искать его — эта мысль почему-то показалась ему страшной самой смерти. Влад быстро нашел в мобильнике номер Сержа.

— Привет доблестной журналистской братии, — бодро поприветствовал он Петросяна. — Извини, что поздно звоню...

— Ого, какие люди! Здравсти, Владислав Петрович. Про какое позднее время вы говорить изволите? У меня, можно сказать, все только начинается. Или вы решили меня убаюкать приятными новостями?

— Ну, как сказать... скорее, просто новостями. Прикинь, этот облезлый блондин живет здесь, в Заречном.

— Нет, Петрович, его адрес Вокзальный переулок. Это проверено и перепроверено.

— Я говорю про теперешнее его обиталище. Он следит за мной и коротает ночи на улице Королева, 56. На параллельной улице от меня. В заброшенном доме.

— Во как. Плотно он зацепился за вас. Но и вы не промах! Как это вам удалось узнать и не спалиться?

— А-а, долго рассказывать. Короче, хочу, чтобы ты знал. Так, на всякий случай, — брякнул невпопад Влад и от досады стукнул себя кулаком по темечку.

— В каком смысле? Что вы там задумали? — понизив голос, спросил Серж.

— Что ты, парень, какой из меня задумщик? Я по другой части — придумать, и потом в тепле и уюте изложить это все на мониторе. А в бой я не стремлюсь. Ну ладно, бывай, дружище.

— Э... господин сценарист, как-то стремно мне от ваших слов. Может, вам лучше выпилиться из этого дела?

— Из какого, юноша?

— Да я вообще. Зафига делать так, чтобы потом искать, кому фикситься?!

— Ты можешь по-русски?

— Кто будет исправлять, если вы наворотите там чего?

— Где? Вот же позвонил на свою голову. Все, я иду спать, — обрезал Влад. — Спокойной ночи.

— Ага... уснешь тут... короче, завтра созвонимся, надо будет встретиться.

Поискав среди утвари чего-нибудь, что могло бы пригодиться в его операции, Влад взял с собой фонарь, стамеску, бельевую веревку и складной нож. Подумав, прихватил топор, но, выйдя из дома, оставил его возле крыльца. Убивать он никого не собирался, а вот навредить самому себе мог запросто. Проехав до перекрестка, он остановил машину под раскидистым деревом и пошел дальше пешком.

Среди машин, прикорнувших у обочины, он неожиданно наткнулся на автомобиль Насти. Это было настолько невероятно, что Влад еще некоторое время вглядывался в номер, не веря своим глазам. В том, что она гостит в доме под номером 56, у него уже не было ни малейших сомнений. Господи, — прошептал он, — что ты там делаешь, Настя?! Неужели ты следила за мной потому, что вас с Костровым что-то связывает?

Ноги отказывались идти дальше. Невозможно жить, когда тебя постоянно предают! Невозможно, потому что человек полностью теряет ориентацию в окружающем мире. Где любовь, где подлость, где дружба... Ничего нет на своих местах, сплошная каша. После этого, очевидно, наступает апокалипсис.

Спустя какое-то время его внезапно охватило безразличие. Он спокойно пошел, не прячась в тени заборов и деревьев. Подойдя к машине Кострова, он немного замедлил шаг, оглянулся по сторонам, затем решительно вошел во двор. Окна по-прежнему светились неярким светом из-за плотно задернутых занавесей. Осторожно поднявшись на крыльцо, Влад медленно потянул за ручку. Дверь была закрыта изнутри. Приложив ухо, он попытался услышать голоса, но кроме нескольких невнятных стуков ни единого звука не раздалось. Было желание кулаком постучать в дверь, однако здравый смысл подсказывал, что этого не стоит делать.

Он спустился с крыльца, подошел к беседке, в тени которой его фигура не так была заметна. Надо было принимать решение, но в голову ничего путного не приходило. Пойти простым путем, то бишь через дверь, не получается, в гости никто не приглашал. В окно? Так ведь даже птичка в запертое окно не пролетит. Влад нахмурил лоб, задумался, и вдруг, как озарение, вспомнились слова Герасимова, что в доме есть то ли погреб, то ли подвал, из которого имеется второй выход на улицу.

Влад быстро метнулся к дому, перевел дух и медленно пошел вдоль стены, освещая путь фонарем. Завернув за угол, его взгляду предстала совершенно гладкая стена от крыши донизу. Ни дверей, ни окон здесь не было. На задней стене дома было два темных окна на втором этаже. Большая куча хвороста свалена прямо под ними. Влад вспомнил, как он был здесь в первый раз, только шел с другой стороны и уткнулся, по-видимому, в эти ветки, которые принял за кустарник. Теперь все понятно. Кроме одного — где же та злополучная дверь? Хворост лежал невысоко, дверь была бы видна...

Более дурацкой ситуации Влад не мог себе представить. Стучать в чужой дом ночью — глупо и опасно. Вызвать полицию он тоже не мог, потому что ни одного аргумента в пользу такого решения у него не было. И вообще, если разобраться, что он здесь делает? Накатили воспоминания молодости? Мучает ревность к женщине, с которой расстался? Неожиданно он поймал себя на мысли, что ревность в нем действительно разыгралась. Инстинкт самца, черт бы его побрал!

Влад вытащил мобильник и еще раз набрал номер Насти. Но ответа, как и прежде, не получил. От злости ему хотелось швырнуть его в стену, но вместо этого он пнул ногой хворост, не удержал равновесия и рухнул в кучу, чувствуя, как проваливается в яму.

Все, что последовало за этим падением, напоминало больше дурной сон, чем реальность. В яме обнаружили

ступеньки, ведущие вниз, к невысокой дверце. Скорее всего, именно про этот выход из подвала говорил Герасимов! Он выбрался наверх и стал разгребать слежавшийся хворост, чтобы пробраться к двери. Исцарапав лицо и руки, он наконец очутился возле входа. Но дальше его ждало разочарование — на двери не было ни ручки, ни какого либо намека на замок. Судя по всему, она закрывалась изнутри на что-то вроде щеколды или засова.

Толкать дверь было бесполезно, она открывалась наружу. Оставалось одно — добраться до щеколды. Он достал стамеску и приготовился вставить ее в зазор, как вдруг за дверью послышались шаги. Влад замер и стоял, едва дыша, пока шаги не стали удаляться. Получается, что этот подвал не такое уж заброшенное место, как ему представлялось. Действовать придется крайне осторожно. Просунув стамеску в узкую щель, Влад с осторожностью мыши начал ее медленно расковыривать.

За дверью было тихо и это обнадеживало. Он сосредоточенно работал уже минут пятнадцать, как неожиданно услышал где-то за домом, скорее всего на крыльце, голоса. Вскоре громко хлопнула входная дверь и все стихло.

Влад выбежал посмотреть из-за угла, кто будет идти к калитке, однако двор был пустым. Значит, никто не ушел, а наоборот — кто-то пришел. Волна тревоги вновь прокатилась по телу. Он вернулся на свое место, постоял некоторое время у двери, прислушиваясь к тому, что происходит в доме. Но ухо ничего не уловило. Если там и разворачиваются какие-то события, то, скорее всего, где-то в другом помещении. Он вновь принялся за свое занятие, слабо отдавая себе отчет в цели своих действий. Но, в конце концов, не мерзнуть же ему на улице до утра в ожидании, пока не появится кто-нибудь на крыльце! И уйти отсюда он тоже не мог.

Когда стамеска уткнулась в металл, Влад остановился. Теперь одна надежда, что это не засов, а щеколда и ее можно будет поднять, надо только пройтись инструментом чуть ниже.

Он осветил фонариком в образовавшуюся щель, и тут внезапно дверь распахнулась и чья-то крепкая рука втащила его в темный подвал. Затем последовал удар в затылок, и Влад отключился...

Очнувшись, Влад не сразу вспомнил, что с ним произошло. Сознание возвращалось медленно, словно нехотя. Когда он смог хоть как-то ориентироваться в пространстве, то понял, что перед глазами — бетонный пол. Затылок гудел, он с трудом перевел взгляд в сторону и тут же едва не потерял вновь сознание. У противоположной стены на темном матрасе лежал мужчина, прикованный за ногу толстой металлической цепью. Его лицо, хотя и заросшее густой щетиной, показалось ему знакомым. И в следующее мгновение он едва не вскрикнул — Артем!

— Т-с-с, — приложил Соколов палец к губам и прошептал: — Не говори сейчас ничего. Там у них Настя. Я так и думал, что ты тоже должен быть где-то рядом. Там кто-нибудь остался? — он кивнул в сторону двери, в которую втащили Влада.

Влад помотал головой.

— Плохо, дружище...

Его руки были связаны той самой веревкой, которую он взял с собой на «операцию». Что называется, позаботился о себе самом! Повернувшись с боку на бок, он понял, что карманы его пусты. Значит, мобильник забрали...

— Почему Настя здесь? И у кого «у них»?

Его вопрос остался без ответа, потому что в подвал спустился Костров с ковшом в руках. Плеснув на Влада водой, он поинтересовался:

— Очухался, крыса киношная? Надоело бумагу переводить, решил в сыщика поиграть?

От такой наглости и своей беспомощности Влад едва не задохнулся.

— Где Настя? Что ты с ней сделал, подонок? — прохрипел Влад.

Костров зашелся истеричным хохотом.

— Ой, не могу! Так тебе твоя шляха нужна? А у меня совсем другие сведения...

Он поднялся по ступенькам, открыл дверь в комнату и громко крикнул:

— Слышь, Катюха, ему почему-то Настя нужна. А ты мне что говорила?

Влада стала бить дрожь, он ничего не понимал, кроме того, что Артем Соколов все это время сидел здесь, в подвале. И что Настя почему-то тоже попала в эту ловушку.

Раздались торопливые шаги и в подвал вошла...

— Лиза? Ты? — еле шевеля губами, проговорил Влад и почувствовал, как бешено заколотилось сердце.

Лиза, женщина, которую он боготворил, про которую, как ему казалось, мечтал всю жизнь, сейчас стояла перед ним. Только он ее с трудом узнавал — до такой степени она преобразилась. Бледное, перекошенное лицо с заострившимися чертами лица и холодный, колющий взгляд бесцветных глаз вызывали у Влада настоящий ужас. Эту Лизу он не знал. Даже мелькнула мысль, что это сестра-близняшка Лизы, и зовут ее Катя.

— Ты мне солгал, — прошептала она. — А я ведь тебе верила...

Влад был в шоке и не мог вымолвить ни слова в ответ.

— Ты сказал, что уехал из поселка... предатель... ты обещал мне.

Блондин стоял у нее за спиной и улыбался, скрестив руки на груди.

— Катя, ты такая странная, — тихо протянул он.

— Не лезь! — крикнула она. — Не твоего ума дело!

— Ой-ой...теперь уже вдруг стало не моего... Ладно, я не обидчивый. Только ты сама мне пела песни, что ненавидишь всех мужиков, что все они подлецы. Или все, кроме одного?

Лиза резко обернулась и замахнулась на Кострова, но тот быстро перехватил ее руку.

— Только без рук, рыба моя. Пойди, лучше, прими лекарство...

— Где Настя? — ледяным тоном проговорил Влад, глядя на Кострова.

— Ну ты, чувак, обвешался бабами. Насти, Лизы... не знаешь какую выбрать...

— Я так вижу, что тут еще и Катя нарисовалась, — с сарказмом заметил Влад, чтобы как-то прояснить ситуацию.

— Для тебя я Лиза, — оборвала она.

— А для меня — Катя, — вставил блондин. — Прикинь?

Похоже, что вся эта криминальная ситуация его веселила. Влад отказывался понимать логику этих людей. Впечатление, что он попал на театрализованное представление.

Его мысли сейчас были только об одном — как освободить Настю.

— Слышь ты, каскадер, что с Настей? Не бери грех на душу, отпусти. Чем она провинилась перед вами?

— Ничем. Она виновата сама перед собой. Редкая дура, скажу я тебе.

Влад глянул на Артема. Тот лежал, закрыв глаза. Похоже, что для него это представление не в диковинку. К тому же было видно, что Артем измучен и ослаблен. Влад тем временем пытался незаметно освободиться от веревки на руках. К счастью, он чувствовал, что связали его наспех, не слишком крепко. Но надо было тянуть время, чтобы к нему не подходили близко.

— Лиза, почему этот тип называет тебя Катей? — придав голосу мягкости, насколько это было возможно, спросил Влад.

Она присела на ступеньки и посмотрела на Влада, прищурив глаза. Странная улыбка, блуждающая по ее лицу, наводила на мысль, что по какой-то причине Лизе сейчас трудно сосредоточиться на теме разговора.

— Не слушай ты эту больную, — со злостью отозвался Костров. — Катя она. Екатерина Плещеева. Уяснил?

— Плещеева? Хозяйка дома? — опустошенно пробормотал Влад, не испытывая ни малейшего удивления. Наверное, потому, что это было очень логично. Ему же сказал Герасимов, что в этом доме живет Екатерина Плещеева. Нелогичным было другое — Лиза, которая поселила его в чужом доме.

— Лиза... извини, Катя, зачем тебе все это было нужно? — продолжал гнуть свою линию Влад, втягивая ее в дискуссию.

Внезапно блондин сорвался с места и побежал в дом. И тут только Влад увидел, что Лиза опустила голову на руки. С ней явно что-то происходило.

Через минуту вернулся Костров со стаканом воды и какими-то таблетками.

— Пей! — он взял ее за подбородок и запрокинул голову. — Это все, что было в коробке! Забыла, что таблетки всегда должны быть у тебя в сумке?!

Влад чувствовал, что вот-вот сможет распутать руки, но что потом? Тягаться с сильным, тренированным блондином довольно сложно, здесь нужна ловкость и сообразительность, но его гудящая голова как-то плохо соображала на этот счет. Глянув на Артема, он уловил, как тот едва заметно мотнул головой, что означало — «нет». Что он хотел этим сказать? На всякий случай Влад перестал двигать руками.

— Как успехи в творчестве, Влад? — раздался голос Лизы.

Влад вздрогнул от неожиданности — Лиза, как ни в чем не бывало, смотрела на него ясным насмешливым взглядом. Костров ушел куда-то в дом.

— Я так понимаю, что тебя на самом деле никогда не волновало мое творчество, — процедил сквозь зубы Влад. — Лучше скажи, что тебе с твоим дружком нужно от нас?

Она подошла к Владу, склонилась и, небрежно потрепав по голове, презрительно сказала:

— Вопросы здесь задаю я. Или ты не понял до сих пор, во что вляпался?

— Катя...

— Лиза!! Для тебя я Лиза, заруби себе на носу!

— Пусть будет так. Мне даже удобнее. Лиза, я не понимаю, почему мы с Артемом здесь. Не понимаю, как Настя оказалась в этом доме. Я ровным счетом ничего не понимаю.

— А тебе и не надо ничего понимать. Твое дело было писать сценарий! Не нравилось у себя в квартире, так, пожалуйста, я тебе предоставила возможность жить в моем доме. Чего тебе не хватало? Зачем ты вломился сюда?! У тебя была работа, а что еще нужно сценаристу?

— Я... — Влад замер на мгновение, затем невольно приподнялся: — так сценарий... ты хочешь сказать, что сценарий... нет, это уже слишком...

— Что тебе дался этот сценарий, — Лиза от злости пнула ногой картонную коробку, что стояла у стены рядом с Владом. Он чувствовал, что этот пинок предназначался ему. Идиот, какой же он идиот!

— Это ведь твоя затея? — задал он риторический вопрос и прикрыл глаза.

Лиза пожала плечами.

— Тебе не угодишь, дорогой. Павлов отказался от сценария — он при этом хороший для тебя. Я дала тебе работу, даже сюжет в двух словах обозначила — а тебе опять не так. Я наказала этого продюсера, за тебя наказала, между прочим, а ты и слова благодарности не произнес. Так что тебе надо, ответь?

Влад прижался спиной к стене и смотрел на нее не моргая.

— Что... ты наказала Павлова? — немеющими губами спросил Влад, чувствуя, как его покидают силы, и он вот-вот потеряет сознание. — Павлов всегда работал со мной. И в этот раз согласился работать, просто сценарий мой куда-то пропал... а потом нашелся...

Лиза присела на деревянный ящик, поставив его на бок, и, нахмурившись, спросила:

— Что значит, пропал. Откуда это тебе известно?

— Дай воды, — попросил Влад.

Она посмотрела по сторонам и мотнула головой:

— Нет здесь воды. Говори, откуда тебе известно, что сценарий пропал? Только не ври, что тебе сам Павлов об этом сказал.

— Мне сказала об этом его секретарь.

— Ты уже с этой старухой успел снюхаться? — разочарованно пробормотала она. — Ну да, сценарий был у меня. Потом я решила, что все можно обставить очень даже экстравагантно. Я вернула его и заставила Павлова вызвать тебя. Эх, жаль, что сорвалось. Я как-то не подумала про первый этаж... но черт с ним. Я поняла, что удача оказалась на твоей стороне. Но, согласишься, задумка была красивая! Учись, сценарист...

Влад сейчас уже ничему не удивлялся, да и слушал он ее вскользь. Он почувствовал, что руки его, наконец, свободны, и это придало ему силы.

— Лиза, откуда в тебе столько ненависти к людям? — спросил он.

— К людям? А где здесь люди?! — закричала она. — Может, твой дружок — люди? — она ткнула пальцем в Артема. — Или тот урод автомоечный?

Артем дернулся, звякнув цепью:

— Влад, а что с Волошиным?

— Заткнись! — рявкнула Лиза.

— Павел Волошин умер, — мрачно сказал Влад, не обращая внимания на нее. — Его отравили.

— Но тебе повезло, — злорадно усмехнувшись, ответила она Артему. — Сидишь, как собака, на цепи. Зато живой. А тебе, — обернулась она к Владу, — должно было повезти больше всех, просто надо было написать сценарий. И все! — хлопнула она в ладоши. — Эта история про меня. Понимаешь?! Это мне покалечили жизни такие уроды, как ты и твои дружки! Только ты тогда обдолбался чем-то и не смог принять участия в этой, так сказать, игре.

Влад почувствовал, как его кожа покрылась мурашками от ужаса.

— Ты не слушай ее, — прохрипел Артем, — все не так было. Помнишь нашу вечеринку на этой даче? Давно, еще студентами были?

Лиза схватила ящик, на котором сидела, и со всего размаха ударила им Артема по голове. Он едва успел прикрыть голову руками. По его лбу текла кровь, руки все были в ранах.

— Что ж ты делаешь, Лиза... я не верю, что ты убила Павлова и Волошина, — попытался пробиться к ее рассудку Влад. Он и в самом деле не мог понять, как все это могла сделать такая хрупкая, красивая женщина. — Ты наговариваешь на себя. Скажи, ведь на самом деле это все он, этот каскадер?

Лиза отбросила ящик в сторону и подошла к Владу. Она присела на корточки и приблизила свое лицо к нему.

— Что ты заладил, каскадер да каскадер, — свистящим шепотом проговорила она. — У нас с тобой все было хорошо. Скажи, чего тебе не хватало? Зачем ты полез сюда? Я ведь хорошие деньги тебе заплатила...

Она уткнулась ему в плечо и едва слышно застонала. У Влада в висках застучало, он едва себя сдерживал, чтобы не вскочить на ноги. Однако надо было понять, каким образом освободить Артема. На его ноге была цепь, которая вторым концом крепилась где-то в полу за металлическим стеллажом. Спросить у него об этом тоже не представлялось возможным. Оставалось только тянуть время, выжидая удобный момент.

— Лиза, Неверов и Ракитин — кто эти люди? Как ты сумела уговорить их стать твоими сообщниками?

Лиза отстранилась, посмотрела на Влада странным, невидящим взглядом.

— Про каких сообщников ты говоришь? Разве они тебе сделали что-то плохое? Точнее, сделал, потому что никакого Ракитина не существует в природе. А тот, который назвался Неверовым, всего лишь сумел убедить тебя взять деньги и подписать ничего не значащий договор. Это розыгрыш! — Лиза встрепенулась, глаза ее заблестели,

она захихикала, прикрыв ладошкой рот. — Дурачок, я тебе просто подарила эти деньги. Ты нуждался, я дала тебе денег. И после этого ты скажешь, что я плохая девочка? — Она удивленно вскинула брови и посмотрела на Артема.

— Вот видишь, Тема, как оно все оборачивается, — загадочно выразилась Лиза.

Артем молчал, никак не реагируя на ее слова. Влад видел, что его друг был очень слаб и психологически сломлен.

— Лиза, отпусти Артема. У него жена с ума сходит, дети... В конце концов, никто не сможет ничего доказать. И тебе ничего не будет. Ну, пожалуйста, — Влад решил играть в идиота, но ничего другого ему и не оставалось.

— Ты что, сумасшедший? — с жалостью глядя на него, резонно спросила Лиза. — Его песня спета, сам должен понимать. — Она потерла лоб. — Вот что делать с тобой — ума не приложу...

— Оставь меня здесь. А их выпусти...

— Кого их?

— Артема и Настю.

— А-а, ты про эту свою Музу... Вас, мужчин, не поймешь...

— Лиза, умоляю тебя... Ради своего сына!

Неожиданно Лиза заплакала. Влад решил, что это хороший знак, что ставка на родительские чувства была сделана верно.

— Влад, — тихо позвал его Артем, — про какого сына ты говоришь?

— Заткнись! — крикнула она. — Почему ты все время встречаешь в наши разговоры?!

Артем отвернулся к стене, махнув на нее рукой, как на безнадежно больную.

— Кстати, а куда подевался твой дружок? — спросил Влад, решив сменить тему.

— Валерий? Наверное, развлекается с твоей Настей, — намеренно безразличным тоном ответила она и, привалившись спиной к стене, подняла глаза к потолку.

Слезы, которые только что лились у нее ручьем, неожиданно высохли. Глупая улыбка блуждала по ее лицу. Влад с ужасом понял, что Лиза самая настоящая аферистка с хорошими актерскими данными. Единственное, что его сейчас настораживало — это отсутствие смысла во всех ее действиях.

— Развлекается? — тихо спросил Влад, стараясь не выдать своего волнения. — Разве Костров маньяк? По моему, он по другой части служит у тебя.

Лиза нахмурила лоб, как будто у нее заболела голова и соображать стало трудно.

— Ну... тебе-то откуда знать, какой пост занимает Костров? Мои подопечные не должны это обсуждать. Ты не знаешь про него, а он не знает, кем ты числишься у меня.

— Так и я не знаю. Кто я для тебя? — продолжал выпытывать Влад, мучительно при этом соображая, как освободить Артема и Настю. Обезвредить Лизу сейчас не представляло никакого труда, но в доме еще Настя, которая там явно не чай распивает с Костровым. Любые мысли о насилии со стороны Кострова Влад упорно отгонял, чтобы не наделать глупостей, которые могут стоить жизни Артему и Насте.

Лиза прищурила глаза и погрозила пальчиком:

— Владислав Петрович, зачем же вы так со мной? Заманили девушку в постель, а теперь задаете наивные вопросы.

Влад готов был провалиться сквозь землю от стыда перед Артемом.

— Ну хватит, Лиза, ерунду нести. В конце концов, пора заканчивать этот балаган. Мне утром надо забрать Герасимова из больницы. Старик будет ждать, нельзя заставлять его волноваться. Как я понимаю, ты прекрасно знаешь этого человека. Твой отец дружил с ним. Ведь так?

Она медленно поднялась с пола и поежилась.

— А у тебя, Тема, тут не санаторий, я смотрю. Холодно как-то, — она обхватила себя за плечи, посмотрела сверху вниз на Влада и хмыкнула: — папы уже нет. Что мне за дело до его дружков теперь? Тем более, до этого Герасимова, который меня заманил тогда к вам на вечеринку.

Артем поднял голову и отчетливо произнес:

— Перестань нести чушь! Никто тебя не заманивал, ты сама навязывалась...

Это, очевидно, были те слова, которые никак нельзя было произносить. Лиза замахнулась невесть откуда взявшимся в ее руках металлическим ломиком и направилась к Артему.

— Я тебя просила заткнуться? Ты меня достал сегодня! Еще бы немного и твой дружок увидел бы здесь только твою оболочку, урод несчастный!

У Влада не осталось выбора. Он вскочил на ноги и в два прыжка настиг Лизу. Схватив ее за руку, он вырвал лом. Лиза закричала и метнулась в сторону лестницы, ведущей в дом, но Влад тут же подставил подножку, и она рухнула на пол.

На пороге показался Костров.

— Не подходи! — прорычал Влад, — иначе я ее задушу — Он стоял у Лизы за спиной, придавив ей горло ломиком.

— Не подхожу, — подняв руки кверху, ответил каскадер. Его глаза при этом лихорадочно бегали по сторонам. — Катя, детка, зачем ты его развязала?

— Это не я. Веревка гнилая, наверное... — просипела она и попыталась вырваться, но Влад тут же прижал лом.

— Что ты хочешь? — Костров с любопытством смотрел на Влада, обдумывая при этом какой-то свой вариант. Он перебирал пальцами в воздухе, как будто разминая руки.

— Приведи сюда Настю, — сказал Влад.

— И что дальше...

— А дальше ты можешь убираться отсюда на все четыре стороны вместе со своей подружкой.

Костров сжал руки в кулаки и медленно произнес:

— Что ж, надо подумать над твоим предложением. Ты только с ломом не переусердствуй... хорошо?

— Не волнуйся...

Костров ушел в дом, закрыв за собой дверь на ключ.

Влад ногой подбросил Артему веревку, от которой он освободился.

— Артем, свяжи ей руки.

Лиза смотрела на него широко раскрытыми глазами, в которых плескался ужас.

— Влад... не делай этого... я ему не доверяю, — прошептала она.

— Кому, Лиза? — Влад, убедившись, что ее руки крепко связаны, опустил ломик.

— Этому Кострову! Он псих конченный, не сдавай меня ему! — взмолилась она.

Сердце Влада дрогнуло, горло сдавила жалость, и он понял, что еще немного — и он сдастся.

— Влад, не слушай ее, — Артем схватил его за рукав. — Ты разве не понял, что Катя больна? Больна уже давно, как и ее покойная мать. Это у них наследственное.

— Что ты несешь, урод проклятый...

— Не ори! Надоела, — Артем грубо толкнул ее на матрас, где все это время лежал сам.

— Артем... зачем так...

— Влад, займись, наконец, делом! — оборвал его Артем. — Надо как-то снять с меня цепь.

Опустившись на колени, Влад посмотрел на крепление на ноге Артема.

— Здесь инструменты нужны, гаечный ключ, — сказал Влад, озираясь по сторонам.

— Не ищи, здесь его не будет, — мотнул головой Артем. — Придется как-то по-другому.

— Влад, ты прости меня, — жалобно взмолилась Лиза. — Я ведь всю жизнь хотела, чтобы у меня было все, как у вас. Семья, дети...

— Но между тем, ты забросила своего сына, который тоже болен, — буркнул Влад, ползая под стеллажом.

— Мой сын болен? Кто тебя сказал?

Влад поднялся с колен и недоуменно посмотрел на нее.

— Не слушай. Никакого сына у нее нет, — устало проговорил Артем. — Ни больного, ни здорового. И муже никогда не было. Отец содержал...

— Артем, цепь обмотана вокруг ножки, — разочарованно сообщил Влад. — Повалить стеллаж нереально, он прибит к стене. Но это единственный выход... Господи, как ты сюда попал?

— Я долго шла к этому, — неожиданно отчетливо произнесла Лиза. — Целых пять лет я наблюдала за вами — где живете, где работаете, с кем встречаетесь... Я знала все ваши привычки и слабые места...

— Она меня заманила сюда, как последнего лоха! — Артем с досадой стукнул цепью по полу. — Я повелся, как и ты, на это милое обаятельное личико, на умный, глубокий взгляд. Прикинь, я ее просто не узнал. Сказала, что купила интересную дачу, хотела посоветоваться, как здесь все обустроить. Я подумал, что девушке просто нужен был повод для встречи. А почему бы и нет? Мне она представилась Софьей.

Влад безуспешно пытался отодрать ломиком металлическое ухо, что крепило стеллаж к стене. Услышав про Софью, он обернулся в сторону Лизы:

— А как же Волошин? Что ты ему наплела?

— Волошина мне никто не припишет. И не надейся. Там все опознают твою Настю. Черненькая, в светлом пальтишке... фу, ну и вкус...

В этот момент Влад готов был ее ударить.

— Нет, не признают. Паша перед смертью сказал, что ты была в парике, — выпалил Влад, мгновенно сложив в уме все детали образа спутницы Павла, которые ему сообщила Лиля.

Лиза от неожиданности на какое-то время лишилась дара речи.

— Бред... — наконец отозвалась она. — Парик был натуральный, не мог он знать... и потом, я поила его

ядом, который действует очень медленно... Волошин никогда бы не смог понять, что с ним происходит.

Влад с Артемом переглянулись.

— Ну и тварь же ты, — процедил сквозь зубы Артем.

Влад был просто ошарашен ее цинизмом.

— За что же ты отравила режиссера? Уж он-то не был на здешней вечеринке, — спросил Влад, сжав руку Артему, чтобы он не вмешался в разговор. — Только не говори про его отказ работать с моим сценарием.

Лиза уперлась затылком в стену и меланхолично обвела взглядом фигуры Артема и Влада.

— А какая теперь тебе разница? Ну, если честно, то все пошло не по тому сценарию, что я задумала, — Лиза тихонько засмеялась, — видишь, у меня тоже есть сценарии. Когда удачные, когда не очень. Как, впрочем, и у тебя.

Она помолчала немного и, хмыкнув, продолжила:

— Да все очень просто. Сначала мне Валера помог украсть твой сценарий. Потом я позвонила тебе и сообщила, что Павлов не будет пока с тобой работать. Голос мой ты тогда еще не знал. А потом, разумеется, позабыл. Знаешь, ты у меня был деликатесом. Тебя я хотела уничтожить медленно, со вкусом... Мне было приятно смотреть, как ты страдаешь из-за отказа. Потом я подсунула Валере ампулу с ядом, вместо витаминов, которые он колол твоему режиссеру. Мы пришли к нему вдвоем. С собой у меня был сценарий. Когда у Павлова проявились первые симптомы, я сказала, что помогу ему, что есть противоядие, только надо, чтобы он позвонил тебе, Семенов, и позвал на обсуждение твоей работы. Понимаешь? Это было как бы твое условие сохранения ему жизни. Он, бедолага, так и умер с сознанием, что нас с Валерой подослал обиженный сценарист Семенов. Я разбросала твой сценарий по полу и еще ту записку, которую ты успел прихватить с собой...

В доме то тут, то там раздавались негромкие звуки, и Влад отвлекся на этот подозрительный стук. Ему вдруг стали неинтересны рассуждения Лизы. В них будет смысл, если нам удастся выбраться отсюда, — подумал он.

— Что-то мне подсказывает, что твой дружок бросил тебя, — хохотнув, сказал Артем. — Или по твоему плану ты будешь умирать со мной на пару здесь?

Лиза, зло блеснув глазами, промолчала, прислушиваясь к странным звукам.

Влад, не выдержав, подбежал к двери и несколько раз ударил в нее ногой.

— Эй! — крикнул он, — я жду тебя!

Ответа не последовало, и Влад почувствовал все усиливающуюся тревогу. Сейчас он сильно пожалел, что не прихватил с собой топор. Им можно было бы разрубить цепь. Но, как говорится, знал бы где упасть! Да и кто бы ему позволил быть тут с топором? Спасибо, что самого цепью не приковали.

— Лиза, — вкрадчиво произнес он, склонившись над пленницей, — придется тебе поработать.

Она лениво приоткрыла глаза и тут же опустила веки.

— Что ты хочешь? — спросила она, не открывая глаз.

— Надо позвать твоего дружка. Что-то он загулял. Может, на твой голос откликнется?

— Никого звать не буду. Тварь ты неблагодарная, — ругнулась она, по-прежнему не открывая глаз.

Влад заметил, что лицо ее стало неестественно бледным, при этом на лбу блестели капельки пота.

— Тебе плохо? Лиза, ответь, пожалуйста, — он тряхнул ее за плечо.

— Пошел к черту...

В этот момент дверь резко распахнулась, и на пороге показался Костров, держа за локоть Настю.

Сердце Влада едва не выскочило, когда он увидел ее — осунувшуюся, с чернотой под глазами и как будто сильно похудевшую. В памяти тотчас всплыл образ Насти в тот день, когда их познакомили на выставке Сальвадора Дали. Она протянула ему руку, одарив насмешливым взглядом, а он растерялся, как мальчишка, и пробормотал ни к селу ни к городу: «разрешите вас подвезти до дома». Настя засмеялась и тут же согласилась, поставив условие, что в ближайшие дни он даст ей интервью. Потом, когда он вез ее домой, специально плутая по улицам, чтобы как можно дольше удерживать ее возле себя, она сидела притихшая и задумчивая, а он изо всех сил скрывал улыбку. Это было, пожалуй, их самое короткое и прекрасное путешествие. Он украдкой то и дело поглядывал на ее загорелые руки, беззащитно лежавшие на коленях, на ее профиль и вдыхал едва ощутимый волнующий аромат духов...

— Развяжи Катю...

Влад подошел к Плещеевой, помог подняться, развязал ее, оставив веревку на одной руке, за конец которой крепко держался сам.

— Пусть вначале Настя спустится...

— Эй ты! Хватит команды отдавать! — крикнул Костров и подтолкнул Настю. — Катись, пока не передумал!

Настя сбежала по ступенькам вниз, а Костров с подругой ушли в дом. Замок клацнул и все стихло.

— Настя, девочка, как ты тут оказалась? — Влад держал ее за плечи и вглядывался в испуганные глаза.

— Ты меня позвал... — пролепетала она, едва сдерживая бивший ее озноб. — Артем?! Ты живой! — воскликнула она, увидев стоящего у стены Артема.

— Почти...

Артем покрутил головой и тихо сказал:

— По-моему, тянет дымом... Влад, надо выбираться отсюда...

Влад рванул к двери, что вела на улицу, но она оказалась заблокирована снаружи.

— Этот гад чем-то подпер дверь! И, похоже, запалил хворост...

— Они решили нас сжечь, — кивнул Артем, — ребята, выбирайтесь через дом, другого пути не будет.

— погоди ты, — воскликнул Влад, — дай тебя отцепить.

Он схватился за стеллаж и начал его раскачивать, в надежде оторвать от стены. Настя бросилась переворачивать весь хлам, что лежал в подвале.

— Влад, не теряй время, выбивай дверь в дом! Эту хреновину не свалить. Спасай Настю!

— Надо матрасом прикрыть дверь, чтобы дым в щели не шел! — закричала Настя.

Примостив кое-как матрас и забросав его ящиками, чтобы держался, Влад принялся ковырять замок ломиком, но дело двигалось медленно. Тем временем в подвал просачивался дым и становилось все труднее дышать.

— Влад! Я нашла стамеску, — Настя, прикрывая ладошкой нос, протянула ему ту самую стамеску, с которой он сюда пришел. Очевидно, Костров не заметил, как она выпала из рук Влада.

Настя стала кашлять, Влад, разбивая руки в кровь, с ожесточением доламывал дверь.

— Сейчас, Настенька, сейчас... Ты прости меня... за все прости...

— Ложись на пол, — скомандовал ей Артем.

Влад, задыхаясь и кашляя, из последних сил поднажал, и дверь распахнулась. Подхватив Настю под руки, он выволок ее в коридор.

— Давай на улицу. Я к Артему...

— Влад, уходи! Погибнем вдвоем. — Артем отчаянно раскачивал стеллаж.

— Сейчас... сейчас... еще немного, — успокаивал его Влад.

Матрас начал тлеть. Глаза слезились и в горле дико першило. Артем упал на пол.

— Артем, держись, дружище... — едва шевеля губами прошептал Влад, отчаянно пытаясь свалить уже расшатанный стеллаж. В какой-то момент ему показалось, что он слышит голоса на улице и где-то вдалеке как будто раздался вой сирены.

Неожиданно стеллаж накренился и с грохотом рухнул на пол, придавив краем Влада...

— Владислав, как ваше самочувствие?

Влад открыл глаза, обвел глазами больничную палату и уставился на Герасимова.

— Ничего не пойму. Вы мне уступили свою кровать?

Старик рассмеялся.

— Еще чего! У меня была кардиология, а у вас, батенька, травматология. Да еще сильное сотрясение мозга. Не шуточки вам...

Тут только он заметил, что его рука от плеча до пальцев в гипсе. Постепенно начали всплывать в памяти моменты, когда его несли на носилках в машину скорой помощи, как метались пожарные...

— А что с Артемом... — спросил он, и от страха у него тут же застучало в голове.

— Спокойно, спокойно. Влад, с вашим другом тоже все в порядке, хотя лечиться ему придется долго, — сокрушенно покачал головой Герасимов. — У него целый букет — и обезвоживание, и угорел он порядком. В общем, Артем сам вам потом расскажет.

Влад с облегчением выдохнул.

— А чего «вам»? — спросил он. — Вы вроде как уже со мной на «ты», если память не изменяет.

— Хорошо, молодец! Не изменяет.

— Господи, а как же вы в дом то попали?! Ключи у меня где-то...

— Вот проблема! — отмахнулся Герасимов. — Василиса открыла.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Извини, дружище, — Герасимов поставил на тумбочку пакет, — я пойду. Там очередь к тебе. Меня, как старшего, пропустили вперед.

Влад с тревогой посмотрел на дверь, но оттуда показался Петросян.

— Серж, ты... как дела? — вяло поинтересовался он.

— Петрович, все окей! И с Настей тоже порядок. — Петросян подошел к кровати и с серьезным видом уставился на Влада.

— Ты откуда про Настю знаешь, — подозрительно покосившись на журналиста, спросил Влад.

— Да уж, довелось познакомиться, там, у костра. Прости, Петрович, я, конечно, тормоз. Нет бы, сразу поехать по адресу, так я еще обдумывал ситуацию...

— Что-то не догоняю, — нахмурил лоб Влад, — про какой адрес вещаешь?

— Так про этот, Королева, 56. Аль запомнили?

— Ох... пропади он пропадом! А что, Настя плохо себя чувствует?

— Думаю, она скоро сюда придет. Где-то здесь, в больнице сейчас. Там следаки со всеми беседуют, вот-вот к вам заявятся.

— А что, упырей-то хоть поймали?

— Довольно быстро. Мы с Настей все координаты дали в полицию, и через час их взяли. Можно сказать еще тепленькими, возле какой-то аптеки круглосуточной. Эта ваша актриса, Плещеева...

— Не называй ее моей! — оборвал его Влад. — Это какое-то наваждение, гипноз... я не знаю даже как назвать...

— Хорошо, хорошо. Не злитесь, просто к слову пришлось. Так вот, эта Плещеева, как оказалось, больной человек. Психика таких людей, как сказал мне один специалист, вовсе не направлена на то, чтобы портить жизнь окружающим. Однако если поставлена цель, то в достижении ее этим людям нет равных. Они продумывают свои планы до мельчайших деталей, готовы вынашивать месть годами... ну, в общем, вы меня поняли. У них нарушено мышление. Хотя понять это сложно нормальному человеку.

— Серж, прикинь, а я ведь ни сном ни духом... Ну хоть бы что-то заподозрил!

Петросян поскреб затылок и пожал плечами.

— Так и не заподозришь. Петрович, эти люди умны, образованны, обаятельны... что, разве не так можно охарактеризовать эту даму?

Влад прикрыл лаза и помотал головой:

— Какой ужас...

— Да уж, редкий экземпляр. Обвести вокруг пальца четырех мужиков практически одновременно — это, я вам скажу, талант от... дьявола.

В палату постучали.

— Владислав Петрович? — спросил мужчина в форме под наброшенным халатом.

— Да, входите.

Петросян со вздохом поднялся.

— Увы, увы... тут не поспоришь. Выздоровливайте, — он улыбнулся и хитро подмигнул Владу. — Интервью за вами, маэстро.

— Заметано. Серж, ты хороший журналист, — Влад поднял кверху большой палец.

— Скажите — отличный.

— Скажу. И отличный друг! Будешь свидетелем на свадьбе. Скоро.

— Ого, заявочки, — Серж округлил глаза и попятился к двери.

Проводив взглядом Петросяна, мужчина присел на край стула и сказал:

— Я ненадолго. Врач сказал, что вам сейчас нужно больше отдыхать, так что более детально поговорим позже.

— Да, конечно, — тихо ответил Влад, почувствовав неприятный холодок в груди. Смерть продюсера не давала ему покоя.

— Во-первых, от имени пожарных хочу поблагодарить вас за спасение человека. Если бы пришлось освободить вашего друга пожарникам, то летальный исход был бы очень вероятен. А так не потеряли время.

— Я безумно рад, что хотя бы одного друга получилось спасти.

— Да, понимаю вас... Что вы знали о Плещеевой Екатерине, давно ли знакомы с ней?

— Нет, совсем ничего не знал о ней до знакомства. А познакомился в день своего рождения. Можно сказать, днями...

— Ну, собственно, то же самое мне сказал ваш друг Соколов. Скажите, про давнюю историю с вечеринкой на этой даче вам ничего не известно?

— Нет. Там, на пожаре, Артем лишь обмолвился о том, что Плещеева была там и приставала к ребятам. Но я был очень пьян и ни в чем не участвовал.

— Это и спасло вам жизнь. Я к тому, что она была очень оскорблена тем, что ее ваши друзья отвергли. Это версия Соколова. Версия Плещеевой — с ней развлекались там, против ее воли... Ну, вы понимаете...

— Да, понимаю, конечно. Но... не верю я в это. Там были девчонки с нами... Нет, не верю...

— Теперь не проверишь. Беда в том, что у девушки по линии матери плохая наследственность. Поэтому любые действия по отношению к ней она могла истолковать по-своему и затаить обиду.

— Но мне она казалась умной, интеллигентной, образованной.

— Так оно и есть. Она училась за границей. Долгое время была переводчиком в одной немецкой фармацевтической кампании. Отсюда знания об опасных препаратах...

— А Костров? Что общего у этой девушки с этим типом?

— Общего ничего. У каждого из них была своя цель. Костров был ее массажистом в больнице, когда она проходила курс лечения от болезни позвоночника. Там же в это время проходил реабилитацию Костров после аварии. Они познакомились, он влюбился в Плещееву, предложил свои услуги массажиста. Плещеевой это было на руку — готовый помощник для ее преступлений. А парню голову снесло, не соображал, во что влип. Но отвечать придется, тем не менее... Что ж, пожалуй, на сегодня хватит. Выздоровливайте, нам еще предстоит с вами много всяких бумаг написать. Увы, не сценарии, — усмехнулся он.

После ухода следователя Влад забылся в глубоком сне. Открыв глаза, он увидел лицо Насти. Он молчал, потому что не мог понять — это сон или явь.

— Влад, это я... ты меня не узнаешь? — испуганно спросила она и приблизила свое лицо к нему так близко, что у Влада закружилась голова.

— Настя, милая... да я тебя узнал бы в полной темноте. По запаху. Ты пахнешь свежескошенной травой. Помнишь, мы как-то занимались любовью летом в поле...

— Хватит болтать, — обрезала Настя и отстранилась от него. — Думаешь, на меня подействует твое словоблудие? Это не про меня. Прибереги для молоденьких дурочек.

— Тогда я пропал. — Влад закрыл глаза и затаил дыхание.

— Я слышала на лестнице, там, возле лифта, как ты просил телефон у своей нимфы. Я уже вытащила ключи из сумки, как услышала, что ты разговариваешь в прихожей с женщиной. Не сталкиваться же мне лоб в лоб с вами. Я спустилась на один пролет...

Влад открыл глаза и глубоко вздохнул.

— Прости. Она привезла меня домой, после того, как меня сбила машина...

— Так в машине был ее дружок Валера. Неплохой каскадер из него бы получился. Отделался ты легким испугом. Он все верно рассчитал.

Влад от удивления приподнялся, затем, охнув, вновь опустил голову на подушку.

— Откуда тебе это известно?

— Сам Костров мне и рассказал, пока вы там, в подвале, выясняли отношения с Плещеевой.

— И не побоялся тебе во всем признаться.

— А чего им бояться? Они были уверены, что все мы будем погребены в том подвале. Хотя, если бы ты туда не пришел, то, скорее всего, остался бы цел и невредим.

— Настя, я туда пошел, потому что там стояла твоя машина. Я не мог понять, что ты там делаешь.

— А я туда приехала, потому что с твоего телефона мне отправили смску, что ты меня там будешь ждать...

— Как такое могло быть?! Настя, я ничего не отправлял.

Было понятно, что его телефоном воспользовалась Лиза, когда была у него последний раз. Никому ведь в голову не придет проверять свои отправленные смски...

— А почему же ты не перезвонила мне? Все бы выяснилось.

— А что выяснять? У тебя роман новый, я тут с боку припеку. Думала, что ж, позвал — посмотрю тебе в глаза, послушаю, что ты скажешь.

— Ты была на волосок от смерти. Я не прощу себе этого никогда... А кто, скажи, этот, с позволения сказать, юноша на красном бмв? Ты так внезапно ушла от меня, потом еще этот тип на бэшке. Да еще Артем пропал, а потом вообще все закрутилось...

— Да, я ушла от тебя, — Настя отвернулась к окну, на ее глазах блеснули слезы. — Потому что в тот вечер, когда я приехала с командировки, у меня было прекрасное настроение, я хотела подарить тебе твою любимую мельничку и еще... сказать тебе что-то очень важное. Но ты все испортил.

Она закрыла ладошками глаза, словно высушивая слезы. Потому что, когда Настя опустила руки, ее глаза были сухими.

— Этот парень хотел, чтобы я помогла ему написать в журнал статью. Сам он по профессии технарь, вот обратился ко мне... Короче, Влад, это все какие-то мелкие дразги. К чему сейчас нам об этом говорить?

— Извини. Но потом выяснилось, что ты следишь за мной, я вообще растерялся...

— Я, Влад, нашла в мельничке записку, где написано...

— Да, я знаю, что там написано. Неужели ты поверила?

— Нет. Как раз в этот момент я поняла, что ты попал в беду. Вот пыталась разобраться...

— Настя, я согласен на любое наказание, только не оставляй меня больше. Знаешь, я многое понял за это время. И сделал вывод — я редкий глупец, которого можно обвести вокруг пальца в два счета. Какая-то сумасшедшая устроила спектакль...

— Влад... не надо так говорить. Она больной человек.

— Ты знаешь, я как подумаю, сколько притаившихся сумасшедших вокруг...

— Прекрати.

Настя поднялась.

— Погоди, послушай... там дома лежит сумка с деньгами. Деньги очень большие. Надеюсь, что квартиру за это время не ограбили...

— Откуда, Влад? Ты что ли кого ограбил?

— Нет. Это деньги Плещеевой. Так вот, надо, наверное, их передать в больницу, куда ее поместят...

— Погоди передавать. Она пока в следственном изоляторе. Суд определит, в больницу ей или еще куда, — ответила Настя и взялась за ручку двери.

— Настя! — крикнул Влад, — а что ты мне хотела сказать?

— Когда?

— Ну тогда, в мой день рождения. Что-то важное...

— Влад, теперь это вряд ли имеет значение для тебя. Выздоровливай.

— Нет, постой! Это мне решать! Ты хочешь, чтобы я сейчас побежал за тобой?

— Не хочу. Не надо. У меня будет ребенок. Вот и все...

Она вышла из палаты, а Влад, проклиная все на свете, сполз с кровати, доковылял на ватных ногах до двери и громко крикнул на весь коридор:

— Настя!!!

Она обернулась.

— А у меня?! У меня будет ребенок?

Настя покрутила у виска пальцем и кивнула.

— Будет, будет, куда ж ему деваться, — прошептал ей вслед Влад и расплылся в улыбке.

Больше книг на сайте - Knigoed.net